

В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин

ЛИТЕРАТУРА

Часть 2

7

Л И Т Е Р А Т У Р А

В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин

7 класс

Учебник

В двух частях

Часть 2

Допущено
Министерством образования
Российской Федерации

13-е издание, переработанное

Москва
«Просвещение»
2023

УДК 373.167.1:821.09+821.09(075.3)
ББК 81.3(0)я721
К68

Учебные задания и использованные при реализации линейных государственных аккредитованных образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организации, осуществляющие образовательную деятельность, в соответствии с Приказом Министерства просвещения Российской Федерации № 858 от 21.09.2022 г.

На обложке — фрагмент репродукции картины С. М. Козловского «Январь», 1906

Условные обозначения:

- Публичное выступление
- Дискуссия
- Выступать со старшими
- Работа в паре
- Работа в группе

Королева, Нера Иионна.
К68 Литература : 7-9 класс : учебник : в 2 частях / В. М. Королева, В. М. Муромцев, В. М. Королева. — 19-е изд., перераб. — Москва : Просвещение, 2023.

ISBN 978-5-09-102511-8.

Ч. 2. — 287, [1] с. : ил.

ISBN 978-5-09-102513-2.

Учебник переработан в соответствии со всеми требованиями ФГОС ООО, утвержденными приказом Министерства просвещения № 817 от 31.05.2021 г.

Учебник входит в учебно-методический комплект для 7—9 классов латвийской предметной линии по литературе В. М. Королевой, предметной области «Литература» для 7—9 классов, метапредметных и предметных результатов, определенных во ФГОС ООО по предмету «Литература», обладающие системой универсальных учебных действий. Учебник способствует развитию творческих и коммуникативных способностей обучающихся.

УДК 373.167.1:821.09+821.09(075.3)
ББК 81.3(0)я721

ISBN 978-5-09-102513-2 (ч. 2)
ISBN 978-5-09-102511-8

© АО «Издательство «Просвещение», 2018, 2023
© Художественная информация:
АО «Издательство «Просвещение», 2018, 2023
Все права защищены

ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Антон Павлович Чехов

1860—1904

А. П. ЧЕХОВ — ЧЕЛОВЕК И ПИСАТЕЛЬ — В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Безисключительно высказывания писателей о Чехове. Вот слова Л. Н. Толстого, писателя Чехова-прозаика: «...Благодаря своей искренности Чехов создал язык совершенно новый, по моему, для всего мира формы мышления, подобных которым я не встречал нигде. Его язык удивителен. И помню, что когда я первый раз начал читать Чехова, то сначала он показался мне каким-то старым, как бы выскладным. Но как только я вчитался, так этот язык и закатил меня...»

Знакомый Чехова, врач-невропатолог Г. И. Россолно, вспоминал: «...А. П. делится со мной наблюдениями над своим творческим процессом. Меня особенно поразило то, что он поднимал, заканчивал абзац или главу, особенно старательно подбирал последние слова по их звучанию, издавая как бы музыкального завершения предложения».

И. А. Бунин, тоже хорошо знавший и любивший Чехова и его творчество, особенно ценил точность и лаконичность языка произведений Чехова: «Проза, конечно, и язык не только был он даже и обладателем жизни. Словами он чрезвычайно дорожил. «...» Писаяши в его речи не выискивалось, сражались, эпитеты он употреблял редко, а если и употреблял, то наши слова обиденные, и никогда не делал умк. никогда не наслаждался своим умением связанным словом».

Чехов оставил заметный след в душе и перьях К. И. Чуковского, который писал: «Он был гостеприимен... Хлебобулочная у него диколако до страсти. Сашка ему похвалился в детстве, и он тотчас же пригласил к себе хуну гостей. Многим это могло показаться безумием: человек только что выбился из многополстной нужды, ему приходится таким тяжким трудом содержать всю семью — и мать, и братья, и сестры, и отца. — у него нет ни гроша на завтрашний день, а он весь свой дом, сверху донизу, облизает гостями, и кормит их, и развлекает, и ласкает!

Знал он и себе всегда весело, беззурно, игриво, затайливо, словно отчаянная в самом стиле своем приглашённой атмосферы молодого застолья, который окружал его...

„Ненавижу Вас за то, что Ваш успех мешает Вам приехать ко мне“, писал он одному из друзей.

„Какая мурашка должна будет придумать для Вас, если Вы и нам не придёте?“ ...

Максимально выходя из себя, стараясь сил «взвинтить» комедию, в ком он в то время копировался...

— Знаете, как я пишу свои маленькие рассказы? — сказал он Корнеленко, когда тот только что познакомился с ним. — Болт.

Он взглянул стол, взял в руки первую попавшуюся на глаза вещь — это оказалась пепельница, — поставил её перед ним и сказал:

— Хитрите — хитра будет рассказ. Великие „Пепельница“!

Всё жмуляла тогда именно эта свобода и лёгкость, с которой брызгал в нём через край могучая энергия творчества воплощалась в несметное множество бесконечно разнообразных рассказов... С самой ранней юности — лет десять, двенадцать подряд — Чехов работал, как фабрика, не зная ни минуты простоя, выбрасывая горы продукции... он создавал их без натуги, чуть не сонливо, один за другим: и „Орден“, и „Хирургия“, и „Канитоль“, и „Лашацкая фанкание“, и тысячи других произведений, и в каждом из них... живёт его жуполжанская душа.

Проверьте себя

Каким человеком предстаёт перед нами Чехов, какие особенности его творческой манеры отмечают в сердцах восторжёнными его современники?

Используя воспоминания современников, материалы словарей «Русская лексика XIX века», ресурсы Интернета, подготовьте устное сообщение о жизни писателя.

Злоумышленник

Перед судебным следователем стоит наляпканный, чрезвычайно худой мужчина в потрёпанных рубашке и латинских штрах; Високий, обрешенный волосами и изъеденной рябилами лицо и глаза, едва видные глаза туго стянуты, нахмуренных бровей, минит выразительный урваный суровости. На голубом щелем шляпки динки уже нечеловечески, сутинных волос, что придаёт ему видё большую, пачью суровость. Он бес.

— Динко Григорьев! — начинает следователь. — Подожди поближе и отвечай на мои вопросы. Судьбою числа твои немалые жонкементу рижский историк Иван Семёнов Акинфонов, проходя утром по площади на 141-й перекрестке, застал тебя за отмычкой замком гайки, коёй реламы прикрепляются к шалам. Вот она, эта гайка!.. С каковою гайкой он и задержал тебя. Так ли это было?

— Чало?

— Так ли всё это было, как объясняет Акинфонов?

— Знаю, было.

— Хорошо, ну, а для чего ты отмычивал гайку?

— Чало?

— Ты это своё «чало» брось, а отвечай на вопрос: для чего ты отмычивал гайку?

— Коли б не нужна была, не отмычивал бы, — кричит Динко, косясь на потолок.

— Для чего же тебе понадобилась эта гайка?

— Гайка-то? Мы из гайки грузила делаем...

— Кто это — мы?

— Мы, народ... Климозские мужики то есть.

— Послушай, братец, не прикидывайся ты мне наветом, а говори толком. Нечего тут про грузила врать!

— Отродясь не врал, а тут вру... — беромстает Динко, мигая глазами. — Да нешто, ваше благородие, можно без грузила? Ежели ты ливца или выполозка на крючок сможешь, то нешто он найдёт ко дну без грузила? Вру... — умахастает Динко. — Чёрт ли в нём, в

иницието, ежели товару планировать будет? Изучи, штука, иницието
да ни даинуку идёт, а иницието ежели товару планирует, то ту рубли
только шиллингер схватит, да и то редко... И иницието рубли не иницието
шиллингер... Эта рубль простор любит.

— Для чего ты мне про шиллингера рассказываешь?

— Чего? Да ведь ты сами спрашиваете! У нас и гаспада так де
вят. Самая последний мальчишка не стает тебе без грузила лонить.
Конечно, который велосипедист, ну, тот и без грузила пойдёт ло
нить. Дураку закон не писан...

— Так ты говоришь, что ты оставил эту гайку для того, чтобы
сделать из неё грузило?

— А ты что же? Не в бабки же играть!

— Но для грузила ты мог взять свинец, пулю... гвоздик какой-ни
будь...

— Свинец на дороге не найдёшь, купить надо, и гвоздик не годит
ся. Лучше гайки не брать... И тяжёлым, и дурным есть.

— Дураком какни прикадывается! Точно кнере родился или с не
ба упал. Разве ты не понимаешь, глупая голова, к чему ведёт это от

«Взломщик» из «Художник В. Сидоров»

пичкивание? Не догляди старок, так ведь поезд мог бы сойти с рельсов, людей бы убило! Ты людей убил бы!

— Накази господи, каже флаторжани! Зачем убивать? Напшто мы некрещёные или злодеи какие? Слова те господи, господки хорошей, вен свой проклини и не тома что убивать, на и мыслей таких в голове не было... Спаси и помилуй, Царина Небесная... Что вы-е!

— А отчего, по-твоему, происходит крушение поездов? Отвенти две-три гайки, вот тебе и крушение!

Денис умехнулся и недоверчиво шурит из следователя глаза.

— Ну! Уж сколько лет всей деревней гайки отвинчиваем и храним госпожь, а тут крушение... жидкой убила... Вжеле б и рельсу убило или, положим, бревно пиперёк нёного пути положил, ну, тогда, пожалуй, своротило бы поезд, а ты... тыфу! гайка!

— Да пойми же, гайками прикрепляется рельса к поездам!

— Это мы понимаем... Мы ведь не все отвинчиваем... отвинчиваем... Ни без уми делаем... понимаем...

Денис ждёт и вростает рот.

— В прошлом году здесь сошёл поезд с рельсов, — тинверит следователь. — Теперь понятно почему...

— Чем виноваты?

— Теперь, гаверна, понятно, отчего в прошлом году сошёл поезд с рельсов... Я понимаю!

— Не то мы и образованные, чтобы понимать, милостивцы кажи... Господь упал, кому пошлите давал... Вы вот и рассудил, как и что, а старок тот же мужик, без великого пошлителя, хватает за пиворот и тащит... Ты рассудил, а пошол и тащи! Сказано — мужик, мужицкий и ум... Запниште также, выше благородие, что он меня два раза по зубам ударил и в груди.

— Когда у тебя делала обыск, то нашли ещё одну гайку... Эту в каком месте ты отвинтил и куда?

— Это вы про ту гайку, что под красным сумдучком лежала?

— Не знаю, где она у тебя делала, вы только напши её. Когда ты её отвинтил?

— Я её не отвинчивал, её мне Игнатися, Гемийна крикнул сын, дед. Эда я про ту, что под сумдучком, а ту, что на диване в сумках, мы вместе с Мистрофаном пиналивали.

— С какия Мистрофаном?

— С Мистрофаном Песукиным... Напшто не слышали? Напшора у нас делает и господам продаёт. Ему много этих сумок гоек требуется. На каждой поезд, посчитай, штук десять...

— Послушай... 1981 статья Улюженина и напечатанных гонимит, что на немков с умелым учинином покривденне железной дороги, когда оно может подвергнуть опасности следующий по сей дороге транспорт и выносный янал, что последствием сего должно быть несчастье... по-милости? анал? А ты яи хот не весть, в чему видёте это стиличани-ние... он притопаривается к ссылке в каторжные работы.

— Конечно, вы лучше знаете... Мы люди тёмные... почему мы по-нимлем?

— Все ты понимаешь! Это ты врешь, прикидываешься!

— Зачем прать? Спросите на деревне, коли не верате... Без груза да только улейку ловит, а на что хуже пещаря, да и тот не пойдёт тебе без груза.

— Ты ещё про шланцишера расскажи! — улыбается следователь.

— Шланцишёр у нас не водится... Пущаем леску без груза на верх воды на бабочку, идёт головка, да и то редко.

— Ну, молчи...

Вступает молчание. Денис переминается с ноги на ногу, глядит на стол с злымым сукном и усиленно мигает глазами, словно видит перед собой не сукно, а человека. Следователь бьет три пальца.

— Мне шить? — спрашивает Денис после некоторого молча-ния.

— Нет. Я должен знать тебя под сурому и отсылать в тюрьму.

Денис перестаёт мигать и, приподняв свои губыя брови, вопро-сительно глядит на чиновника.

— Ты есть как же в тюрьму? Ваше благородие! Мне покуда, мне надо на ярмарку: с Вторя три рубля на сало получить...

— Молчи, не мешай.

— В тюрьму... Выло б за что, пашёл бы, а ты так... здорово из-вещь... За что? И не крал, кажись, и не дрался... А ежели вы насчёт недомини сомневайтесь, ваше благородие, то не верьте старосте... Вы господина неприменного члена спросите... Креста на нём нет, на старосте-то...

— Молчи!

— Я и так молчу... — бормочет Денис. — А что староста набре-кал в учёте, это и коть под прасилгой... Нам три брата: Кузьма Григо-ршин, стало быть, Вторя Григоршин и я, Денис Григоршин...

— Ты мне мешаешь... Эй, Семён! — кричит следователь. — Усе-сти еси!

— Нам три брата, — бормочет Денис, когда два дюжих солдата бе-рут и ведут его на каторгу. — Брит за брата не мешаешь... Кузьма не

платит, а ты, Денис, отвечай... Судья! Помер покойник барин-генерал, Царство Небесное, а ты приказал был он вам, судьям... Надо судить умиючи, не зря... Хотя и выиска, но чтоб за дело, по еписети...

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение по ролям, подчёркнув смеховое и горестное в рассказе «Злоумышленник».

Проект

★ Подготовьте с одноклассниками сценарий фильма «Злоумышленник» (последовательности кадров, смена крупным планов и общих кадров, диалогов и деталей интерьера и т. п.)

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

В очерке М. Горького «А. П. Чехов» приводится сцена разговора Чехова с журналистом. Прочитайте этот эпизод.

«Другой раз я читал у него молодого, красивенького товарища-прокурора¹. Он стоял перед Чеховым и, потираяши куцракой голову, бойко говорил:

— Рассказали „Злоумышленник“ ны, Антон Павлович, ставите первую главку крайне слабой вопрос. Если я понахо в Доме Приторьске таланности, аной вапа, действовавшей сонатаально, я должен, был отворок, уиши Дениса в тюрьму, как аныи требуши интервенции общед ны. Но те дядере, он не сознавал греступности деяния, мне это жалко! Если же я не отворюсь к нему как к субъекту, действовавшому без разумания, я поддаюся чувству сострадания, чем я гарантирую обществу, что Денис никак не откритит тайки на рельсах и не устроит крушения? Вот вопрос! Как же быть?

Он замолчал, откинул корпус назад и уставился в лицо Антону Павловичу испытующим взглядом. Мундирчик на нём был новенький, и пуговица на груди блестяла так же самоуверенно и тупо, как глаза на чуждестыном лице юного резидента правосудия.

— Если бы я был судьей, — серьёзно сказал Антон Павлович, — я бы оправдал Дениса...

¹ Хейрэм Хамеддири — заместитель прокурора.

— На закон основании?

— Я сказал бы ему: „Ты, Денис, ещё не дозрел до типа сознательного преступника, ступай — и дозрей!“

Юрист вздохнул, но тотчас же вновь стал торжественно серьёзен и продолжал:

— Нет, уважаемый Антон Павлович, — вопрос, поставленный вами, может быть разрешён только в интересах общества, жизнь и собственность которого я обязан охранять. Денис — дикарь, да, но он — преступник, — вот истина!

— Вам нравятся триафран? — вдруг ласково спросил Антон Павлович.

— О да! О-о-о! Исключительно изобретатель! — жадно отжимала кисти.

— А в гербце не могу триафранов! — грустно сообщил Антон Павлович.

Почему?

Да как же говорят и поют, ничего не чувствуя. И всё у них парикатурно выходит, нёрта...

Размышляем о прочитанном

1. Почему не сложили тогда дуэль ордена и пистола? Как Юркий и Чехов отнеслись к товарищу прокурора?
2. Как вы думаете, что должно наметиться в обществе, чтобы поступок Дениса был невозможным? Подготовьте возвращённое устное рассуждение на эту тему.
3. Какие эпизоды из сказок, поэм, прозаических рассказов вы читали в классе и дома, вызвали у вас воспоминания, добродушие? Снег? Против чего были направлены эти волшебные слова: снежок? Чем вначале нам рассказали Чехова сюжеты?
4. Объясните, какую роль выполняет снег в художественном произведении, анализируя его в своём эссе. О чём пойдёт речь, какие слова парадоксальны и в чём моменты по поводу автора уже раздал, пейзажи: как там и море.

Фонхристианство

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. П. Чехов. «Злоумышленник»

1. С каким чувством автор читает описание злощастия Дениса Ингерьева? Как вы считаете, совпадает ли отношение автора к герою рассказа с авторским?
2. Почему из первой записки следовало бы так же осуждать преступника, как и осуждать злощастие коммюниста? Каким образом автор удалось подчеркнуть то обстоятельство, что герой рассказа говорит на рыночных языках, не понимая друг друга?

1. Свидетельствует ли текст о том, что писателю приходится писать для денег? Считает ли он себя свидетелем эпохи? Какие предположения художественного стиля автора усиливает позиция автора?
4. Какое отношение автора к следствию? Переосмыслил ли автор чтение этого текста, как дело относится к другим рассказам?

Творческое задание

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК А. П. ЧЕХОВА...

Прочитайте, объясните, как вы понимаете эти записи.

«Почва такая хорошая, что если посадить в землю семя, то через год оно растёт тарелочкой».

«Удача от дураков приходит, как приноса от нянь похвалит».

Можно ли отнести последние высказывания к известным вам литературным жанрам? Если да, то к какому? Подготовьте развернутый устный ответ на этот вопрос.

Литература и другие виды искусства

1. Какие постановки и организации прозаические Чехова вы видели в театре или кино? Какие из них показались вам наиболее интересными?
2. Используйте ресурсы Интернета, найдите материал по рассказу «Дамочка» — какие из них лучше, по вашему мнению, передают характер героев?

Самостоятельно или совместно с драматическими директорами для одного из лучших режиссёров А. П. Чехова — «Тюшка» (1886) Кривизин, оцените роль юности, связанную с драматическим театром, как она связана с тем, насколько значительность других жизненных обстоятельств, обусловленных темой для Чехова.

В самом деле, рассказ начинается с городского зимнего пейзажа: выпал морозный снег, между сугробами, уже зажжены фонари. На этом фоне изображены двое — извозчик Иона и его лошадица. Они словно одни на целом свете, и оба не шевелятся и «погружены в мысль». Иона думает о чём-то своём, а лошадица — о том, что она выпала из привычной среды, что её «оторвали от плуга» и «бросили сюда в этот омут, палый чудовищных осней, леутомонного треска и бегущих людей...». Так создаётся печальное настроение: извозчик и его лошадь погружены в свои думы, ушли в безвыходную тоску и замерли в ней. Но и между ними нет единства: каждый думает о своём. Однако Иона хочет выйти из омутной тоски, облегчить своё го-

ро, выговариваясь и позуветничаясь своим чужим машиническим общешепотом.

Все персонажи, которых ведёт Иона (военный, трое гуляк-забелыхачков) и в которых встречается (дворник, молодой извозчик), принадлежат к внешнему миру. Этот окружающий Иону мир остаётся к нему равнодушен. Военный, ради возможности бросить незначительные фразы, потом закрывает глаза и «не расположен слушать». Знаком полного отчуждения мира от Ионы, остававшегося его последним в тоске и лошади, снова служат пейзаж и поза извозчика: «...он останавливается у трактира, отбывает на козлах и опять не шевельнется... Мокрый снег опять красит набело его и лошадинку». Молодые люди пинчико, размуздаемы и драчливы. Слова Ионы о смерти сына вызывают у них банальное и равнодушное: «Все померёт...» Дворник прогоняет Иону, едва удостоив ответа. Свой брат-извозчик, услышав от Ионы о смерти его сына, «укрылся в колодезь» и звонил.

Если мир отталкивает от себя Иону, то сам он, напротив, хочет приобщиться к миру, стать его неотъемлемой частью. Иона пытается преодолеть тоску и понимает, что ему необходимо людское сочувствие и сострадание. Только оно обогатит и украсит его душу. Чужим смеётся над горным, даже великим пивидинным горем, над его важными предостережениями в мире и людях, но всё это пивидинится тем же страданием, той трогательной теплотой, которая особенно впечатлительна в последней сцене.

Отчаявшийся избавиться от тоски, Иона идёт и конешню и лошади. Он думает «об овсе, сене, о пагоде... Про сына, когда один, думать он не может... Поговорить с кем-нибудь о нём можно, но одному думать и рисовать себе его образ невыносимо жутко...». Лошадь и стала его единственной «обеседницей», которая отнеслась к горю Ионы неравнодушно, не перебивала, слушала и дышала «на руки своего хозяина...». Её кроткое и уминое поведение подбодрало извозчика: «Иона увлекается и рассказывает ей всё...»

«— Так-то, брат кобылочка... Нету Кузьмы Ионьина... Приказал долго жить... Взил и помер зря... Тепеши, скажем, у тебя жеребёнок, и ты этому жеребёнку задан мать... И вдруг, скажем, этот самый жеребёнок привёзши дитя и жаль, Вань жаль?»

В начале рассказа Иона и лошадь изображены вместе, но душа у обоих была разная при общем чувстве невыносимой тоски. В конце рассказа они спали вместе, но теперь и тоска одна, и мысли ехидные — о детях. Единственное существо, которое с молчаливым «по-

позынером» отнеслось к Мопе, — лошади. Прочитав только что приведенную сцену, брат Чехова, Александр Павлович, писал ему: «...в этом месте твоего рассказа ты — бессмертен».

Тоска

Кому повеяло печалью моей...¹

Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег летит кружками около толчка что выключенных фонарей и тапками мерным плетеном толкает на крыльях, лошадиные спины, плечи, шапки. Исполнил Иона Поголов весь день, как привидение. Он согнулся, насколько только возможно согнуться живому телу, сидит на козлах и не шевельнется. Улади на него целый сугроб, то и тогда бы, кажется, он не шагнул

Тоска. Художник Курдюмов

¹ Кому повеяло печалью моей. — начало дуэнного спора «Пан Марека и Билка».

Кому повеяло печалью моей,
Кого призыву к расставанью?
Тоска Тота, Валерика мой,
Павелка печалью моей.

нужным охранять с себя снег... Если лошадиёнка тоже была и некогда выжила. Своего неподвижливости, угловатостию форма и пальцеобразной прямизной ног она даже зближен похотки на поповичью протичную лошадику. Она, по всей вероятности, погружена в мысль. Когда оторвется от плуга, от правыхчных бороз картни и брасили сюда в этот омут, полней чудовищных осней, шумовидного треска и багунных людей, тому нельзя не думать...

Иона и это лошадиёнка не движивтся с места уже давно. Выехали они из двора ещё до збзда, а печени кой свет и нет. На кот на пожди спускаются вечерная мгла. Бледность фонарных осней уступит своё место живой краске, и уличная суматоха становится шумнее.

— Назорчик, на Выборгскую! — слышит Иона. — Назорчик!

Иона надратывает и слышит ресницы, облепленные снегом, видят военного в шинели с кашпошником.

— На Выборгскую! — повторяет военный. — Да ты слышишь, слышишь? На Выборгскую!

В зени сознания Иона дёрнется вожжик, отнеси со слыши лошади и с его плеч выплывает планета снега... Военный спадает в санки. Назорчик чмокает губами, вытягивает по-лободичному шею, приподнимается и больше по прыгачке, чем по пужде, манит плутом. Лошадиёнка тоже вытешивает плеч, кричит осей напалообразные ноги и нерешительно движивтся с жем...

— Куда прешь, леший! — на первых же порох слышит Иона возгласы из темной движущейся везд и вперед массы. — Куда черти посут? Пррава держки!

— Ты ездить не умеешь! Пррава держки! — всраивает военный.

Врагителя кучер с кареты, злобно глядит и страживает с рупана снег прихоткий, перебегивающий дорогу и вымывающий плетком из морду лошадиёнки. Иона ёрзает на козлах, как на игулках, тыкает в стороны локти и водит глазами, как угорелый, слыши не понимает, где он и зачем он здесь.

— Какже все подлещи! — отругивает военный. — Так и коровят столкнутые с тобой или под лошади попасть. Это они створались.

Иона взглядывается на осей и шмокает губами... Кажет он, по какому, что ты слышишь. но из гурма не выходит ничего, кроме слыши.

— Что? — слышивает военный.

Иона кричит улыбой рот, надратывает свой горло и слышит:

А у меня, баран, тело... сын на этой неделе помер.

— Гм!.. Отчего же он умер?

Нона оборачивается нона туловищем к седоку и говорит:

— А кто ж его знает! Должно, от горючки... Три дня полежал в больнице и умер... Божья воля.

— Сворачивай, дьявол! — раздаётся в потёмках. — Побылало, что ли, стараяй пёс? Глаза глазами!

— Посажай, посажай!.. — говорит седок. — Этак мы и до завтра не доедем, Шадаши-ка!

Машинист опять вытягивает шнур, приподнимается и с таиндой грацией выкатывает катушку. Несколько раз потом осматривается он на седока, но тот закрыл глаза и, по видимому, не расположен ступать. Выскочил же он Выборгской, не останавливается у трамвая, сбивает же он колеса и бонги не дивельниге... Мокрый снег опять врещет набело всю и лошадиенку. Проходит час, другой...

По тротуару, громко стуча каблуками и перебракиваясь, проходят трое молодых людей: двое из них высокие и тонки, третий мал и горбат.

— Изворотник, к Полицейскому мосту! — кричит дребезжающим голосом горбат. — Троек... двугривенный!

Мана дергает полжвант и чмакает. Двугривенный пена не сходная, но ему не до цены... Что рубль, что пяток... для него теперь всё равно, была бы только сдачка... Молодые люди, толпачень и сверкапелюка, подходят к снгу и все трое сразу лежат на сиденье. Начинается риненная кинриен: кому двум сидеть, и кому третьему стоять? После долгой перебранки, кинриенчачень и кинриенчик приходят к решению, что стоять должен горбат, как самый маленький.

— Ну, поговяй! — дребезжит горбат, устанавливаясь и дыши в затылок Нона. — Души! Да и шапка же у тебя, братец! Хуже во всем Петербурге не пахти...

— Ты-ы... ты-ы... — хохочет Нона. — Какая есть...

— Ну, ты, какая есть, поговяй! Этак ты всю дорогу будешь ехать? Да? А па пав?

Голоса трещат... говорит один на дивных. Вчере у Дие мясная мы идийм с Висской чотаре бутылка коньяку выпили.

— Не поминно, зачем крты! — сердится другой дивный. — Брёт, как скитина.

— Наказка жеки Бог, правда...

— Это такая же правда, как то, что зощь кашляет.

— Ты-ы! — ухмыляется Нона. — Де-сеёные господа!

— Тыфу, чтоб тебя черти!.. — возмущается горбач. — Предешь ты, старал холера, или нет? Разве так ездят? Хлебистия-ка во кнуте! Ну, сәри! Ну! Харченекка өй!

Иона чувствует за своей спиной вертящееся тело и голосокую дрожь горбача. Он слышит обрешённую к нему ругань, видит локонь, и чуждою единичности изживает жалкую попытку отлепить от груди. Горбач бранится до тех пор, пока не доходит вычурным, шеститомным ругательствам и не раздражённее кашлем. Движные начинают говорить о какой-то Надежде Петровна. Иона оплываивается на них. Дождя шнел короткой паузы, он оглядывается ещё раз и бормочет:

— А у меня на этой неделе... твое... сын помер!

— Все померем... — вздыхает горбач, вытерев после кашля губы. — Ну, погожай, погожай! Господа, я решительно не могу дальше так ехать! Когда он нас доведёт?

— А ты его ласочечно подбодри... в шую!

— Старал холера, слышишь? Ведь шую пакостыляю!.. С твоим братом дерезониться, так пешком ходить!.. Ты слышишь, Змей Герымыч? Или тебе плезать на наши слова?

И Иона больше слышит, чем чувствует, жужжи подзатыльников.

— Ты м... — смеётся он. — Всёёёёе ексшеда... Дай Бог хдоронья!

— Извощик, ты жонат? — спрашивает длинный.

— Нет? ты... итсёйыйе господя! Тенери у меня один жоня — сыраи змидя... Хи хогди... Могидя то всты!.. Сынто нот помер, а я жив... Чудное дело, смерть дверкю обижалась... Вместо того, чтоб ко мне идтить, она к сыну...

И Иона обжирочкивается, чтобы рассказать, как умер его сын, но тут горбач легко вздыхает и заявляет, что, слава Богу, они, наконец, приехали. Получив дватриженный, Иона долго глядит велед гудякам, вычлывающим в тёмном подъезде. Опять он одинок, и опять выступает для него тишина... Утихшая ненадолго тоска появляется вновь и разларает грудь ещё с большей силой. Глаза Ионы тревожно и мученически бегают по толпам, спущющим по обе стороны улицы: не найдётся ли на этих тысяч людей хоть один, который взглянул бы его? Но толпы бегут, не замечая ни его, ни тоски... Тоска громадная, не знающая границ. Лопни грудь Ионы и вылейся из неё тоска, так она бы, кажется, весь свет залила, но тем не менее её не видно. Она сумела поместиться в такую нечеловеческую скорлупу, что её не увидишь даже с огнём...

Иона видит дворника с кувком и решает заговорить с ним.

— Мидкй, котарый тенери час будет? — спрашивает он.

Девятый... Чего же стал плещь? Промокши!

Иона отъезжает на несколько шагов, нагибается в одежде тиска... Обращаясь к экрану он считает уже бесполезным. Но не проходит и пяти минут, как он выпрямляется, встряхивает головой, словно почувствовал острую боль, и дергает вожжи... Ему невозможно.

«Ка двору, — думает он. — Ко двору!»

И лошадишка, точно поняв его мысль, начинает бекать рысцою. Спустя часа полтора Иона видит уже окрестности багряной, грязной печи. На печи, на полу, на скамьях краплет народ. В воздухе «спираль» и духота... Иона глядит на шашки, почёсывается и жалеет, что так рано вернулась лавка...

«И на обсе не выехал, — думает он. — Оттого-то вот и тоска. Человек, который начинал своё дело... который и сам ест, и лошадей едят, землица пашени...»

В одном из углов поднимается молодёжь извозчик, снова крикает и тинется к ведру с водой.

— Пить захотел? — спрашивает Иона.

— Стало быть, пить!

Тис... На двороны... А у меня, брат, сына помер... Слышал? На жтой неделе в больницы... История!

Иона смотрит, какой эффект произведут его слова, но не видит ничего. Молодой украинка с шашкой и уже пилит. Стрек выдыхает и чешется... Как молодому хотелось пить, так ему хочется говорить. Скоро будет переся, как умер сын, а он ещё путем не говорил ни с кем... Нужно поговорить с толком, с расстановкой... Надо рассказать, как заболел сын, как он мучался, что говорил перед смертью, как умер... Нужно сказать похороны и похорону в больницу за одождой похоронка. В деревне остались дочка Анисья... И про всё нужно поговорить... Да мало ли о чём он может теперь поговорить? Слушатель должен охать, вздыхать, причитывать... А с бабами говорить ещё лучше. Те хоть и дуры, но резут от двух слов.

«Поить лошадь поглядеть, — думает Иона. — Спать нестра успешно... Небось выспившья...»

Он надеваетс и идёт в конюшню, где стоит его лошади. Думает он об овсе, цене, о погоде... При сына, куда один, думать он не может... Поговорить с кем-нибудь о нём можно, но самому думать и рисовать себе его образ невыносимо жутко...

— Жуйшь? — спрашивает Иона свою лошадь, видя её блестящие глаза. — Ну, жуй, жуй... Колом на овсе не выжидати, сено есть бу

дем... Да... Стар уже стал и ездить... Сыну бы водить, а не мне... То настоящий извозчик был... Жить бы только...

Нона молчит некоторое время и продолжает:

— Тык-то, брат кобылочка... Нету Кузьмы Немыча... Приказал долги жить... Выел и помер друг... Телера, скажем, у тебя жеребёнокчик, а ты этому жеребёночку родных мать... И нуру, скажем, этот самый жеребёночек приказал долги жить... Бедь жалко?

Лошадёнка жудёт, слушает и дышит на руки своего хозяина...

Нона укладывается и рассказывает ей всё...

Фонетическая игра

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. П. Чехов, «Тоска».

1. «Это был период с ней бурный... Художник ждал...» — так писал Л. Н. Толстой об А. П. Чехове.
С какой целью писателю рассказ «Тоска»? Кто ждал кого рассказчик специально и почему? Что забудет к нему? Проще ли жить в одиночку и почему? Что рассказывает нам рассказчик о жизни в «тоске» жителя?
2. Почему Нона так важна, чтобы не пропустить? Как жила, сохранила характер, окружение Нона, жила, поддерживала их отношения?
- 3* Почему Нона «отговаривает» пощад? Почему в разговоре с лошаду речь Нона «отговаривает» от «отговаривания» с другим от «отговаривания», даже «отговаривает»?
4. Подставьте выразительные «те» на рассказ, поддерживая «те» от «те» героя и «отговаривания» «отговаривания» «отговаривания» «отговаривания».

В творческой лаборатории А. П. Чехова

Вот у Чехова одно чрезвычайно краткое, общее, пересказанное признание: «Художник наблюдает, выбирает, догадывается, компонуется...» Прозыма, воспоминания позволяют понять, конкретизировать, представить, как всё это происходило в творческом процессе Чехова.

Например, как он наблюдал, какое значение придавал впечатлениям, тому, что видел и как видел. Все знавшие Чехова отмечают, что он мало говорил. Больше слушал, наблюдал. Художник Корвин вспоминал, как часто в молодости Чехов пристально вглядывался в кого-нибудь, но тотчас же отводил взгляд и улыбался «какой-то особенной, кривой улыбкой».

Бунин доказывался, предполагая, что Чехов «возду и вода видел материал для майкаменты, и выходило у него это повелюе, может быть, часто против желания, в силу давно изощрённой и иногда не искоренимой привычки вдумываться в людей, анализировать их и обобщать. В этой кропотливой работе было для него, вероятно, всё мучение и вся радость вечного бессопительного процесса творчества».

Его творческий процесс отличался другим свойством — постепенной, напряжённой работой сознания. В нём значил только время. Слож, творчество, Шла иная, своя жизнь.

Наряд ли прав Вал. И. Немирович-Данченко, который писал о Чехове:

«Но в писательской работе он не отдавал много своего времени. <...> Во всяком случае, у него было много свободного времени, которое он проводил как-то в разлуке, в одиночестве».

Наверно, ближе к истине писатель Потапович:

«Мне кажется, что он весь был — творчество. Каждое мгновение, с той минуты, как он, проснувшись утром, открывал глаза, и до того момента, как ночью смыкались его веки, он творил непрестанно. Может быть, это была лишняя и даже творческая работа, но она была, и он это чувствовал...»

Бунин приводит в своих воспоминаниях очень интересное суждение Чехова о природе таланта. Он считал, что сразу созревают способные люди, но не критические, не талантливые. Они быстро приспособляются. В этом и состоит их дар. И нечерпывают себя. А настоящий талант разрабатывает, ищет себя, мучается. Недаром прибегал в размышлениях о таланте к сравнению с тем, что растёт, меняется: странная планка, прибавляющиеся стволы, растущее дерево. Чехов уходил от определения таланта. Но чувствовал это в людях и тогда говорил, как, например, о Горьком, что он «делает из этой глины, из культурной глины художника. Он вылепляет...».

В 1897 году А. П. Чехов писал Ф. Д. Ватсонскому:

«Я умею писать только по воспоминаниям и никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на ней, как на фильтре, осталось только то, что важно или типично».

А. Лаврова «Свобода и талант...»
из книги «Чеховская: статьи, публикации, лекции»

Развиваемся в прочтении

1. Как Чехов наблюдал, наблюдал, наблюдал материал? Кто, по вашему мнению, точнее описывал творческий процесс писателя — Др. В. Некрасов или Поппанни?
2. Когда Чехов приступает к созданию произведения — сразу после получения впечатления или спустя некоторое время, по воспоминаниям? Почему это важно для творческого процесса писателя? Когда Чехов начал «информацию» работы? Подготовьте сообщение о том, как работал А. П. Чехов.
3. Представьте на конкурс творческих работ конкурс рассказов для школьников — среди одного из рассказов Чехова, прочитавшего вам в 5—7 классе.
4. Сколько летел Билл у Ионы в пещеру и почему он стал рассказывать о своем горе пещеру? Выясните ли у нас конкурс: кто главный герой рассказа?
- 5★ Как объяснить название рассказа «Тоска»? Можно ли считать рассказ юмором и для нашего времени? Почему мы так думали? Пуританство связано с формой рассуждения. О какой сцене рассказ — почему брат Чехова сказал: «...В этом месте тоска рассказа — бессмертна»?
- 6★ Интеллигентка И. Сухомляк обращает внимание на то, что в «Тоске» Чехов не стал писать. Мы писали на «тоску» — мы писали на усамиты шкура. Он остался доволен на «тоску», полной глубокого удара людской бесчеловечности в равнодушии.
Так ли вы объясните многозначно? Согласны ли вы с этим выводом?
7. Плеховы в писательском рассказе Перехватили под Москвой у автора у «бумаги» жидкая Бюро и «искусство» рассказов с «многозначными» прозаиками Е. И. Носовым, который сказал, что «Тоску» он считает одним из лучших рассказов Чехова. Разделите ли вы это мнение? Почему?

Творческое задание

1. В «И» смысле рассказов «Золушка» и «Тоска»? Подготовьте разбор утилитарности этих картин. Подумайте, как относится автор к каждому из героев. Подтвердите свои идеи примерами из текста. Какие чувства вызвали у вас поступки героев (осуждение, сострадание, презрение и т. д.)? Объясните свои отношения к персонажам рассказа.
2. И. И. Чуковский пишет:
«Вы и у Пушкина: Он рассказывал «И» и «Тоску». Для того чтобы быть «И» — рассказчиком, достаточно прочитать 7—8 книг. Да, но перед этим нужно прочитать тысячу двадцать».
Как вы понимаете этот афоризм? Согласны ли вы с ним? Подготовьте доклад с примерами на эту тему.

Развиваем дар слова

1. Что рассказывает Нина Лошадка в произведении Чекова «Тоска»? Как её называет? В чём смысл его разговора с лошадкой?
2. Чем отличается речь героев в рассказе «Эпохальщина» и «Тоска»?
3. Объясните значения слов - старосветский и приведите их в свою речь: армяк, коза, курочка, выдумать выдум по полону, предвещать, похвастаться, похвастаться в мочала, охоту, мушкетёрский, вояцкий язык, избалованный языком, бравада, причём, шёлк, багрянец на полону, седло, паркетная парча, шёлк, драматический, не выдумать драматический.

Учимся читать беззвучно

Пересказывая или читая выразительно текст рассказа «Тоска», подчеркните предложения Нины и опишите их по рассказу.

Александр Иванович КУПРИН

1870—1938

Родился Александр Иванович Куприн в небольшом городке Наровчат. Много лет спустя, будучи уже известным писателем, Куприн с добрым юмором писал в одном из рассказов: «Наровчат есть прощенный уездный городишко Пензенской губернии, никому не известный, ровно ничем ни замечательный. Состоит из городка, по русской скалкой панночке, предании его „Наровчат, гдѣи казанька та-а-а!“ И правда, как наркоматское село и пригородки построены исключительно из деревни, без какой-либо иной — на камень; река Базыманка протекает от города за версту; лето всегда бывает жаркое да сухое, а народ — рогозѣй. Долго ли тут до Божьего попузданья? Так и выгорал из года в год славный город...»

Отец Куприн не помнил. Когда тот умер, будущему писателю было около года. Детские годы Куприна прошли в Москве в сиротском пансионе. Затем подростком поступил в военное училище, офицерская служба в армии. Но армейская служба продолжалась недолго. Двадцатичетырёхлетний полковник уходит в отставку. Сотрудничает в княжеских газетах, получает предложения читальщиц. Вскоре Куприн становится одним из лучших русских писателей-прозаиков. Во время Гражданской войны писатель, служивший вместе с войсками белых, покидает их границы — бежал в Восточную Сибирь и Финляндию, и с 1920 года живёт в Париже.

Юношеские, конкерсные впечатления, воспоминания о нещадной офицерской службе подсказали многие сюжеты, образы, характеры персонажей рассказов и повестей А. И. Куприна. Целостную картину состояния русской армии писатель воссоздает в одной из самых известных своих произведений — повести «Поединок». После «Поединка» писатель надолго оставляет армейскую тематику. Он пишет замечательные повести о любви — «Блаженный браглетъ» и «Опасья», рассказы для детей и о детях, психологически тонкие бытовые зарисовки. Творения последнего крупного

произведения А. И. Куприна — романа «Юнкера», опубликованного в Париже в тридцатые годы, — вновь становится будущие русские офицеры, воспитанники военного училища. «Я хотел бы, чтобы прошлое, которое ушло навсегда, наши училища, наши юнкера, наша жизнь, наши обеды, традиции остались хотя бы на бумаге и не исчезли не только из мира, но даже из памяти людей. «Юнкера» — это мой завещание русской молодёжи», — сказано о романе автором.

«Куст сирени» — одна из ранних повелительных повестей, но лучшие рассказы писателя Куприна — повелительные, многозначительные художественной мысли, увлекательности сюжета — в полной мере присущи этому рассказу.

Проверьте себя

1. Вспомните, как и где читали А. И. Куприна в классе или самостоятельно. Чем они вам запомнились?
2. Назовите главные темы жизни писателя.
3. Какие темы затрагивал А. И. Куприн в своих произведениях?

Творческое задание

Используя материал статьи в учебнике и сведения из энциклопедий или биографических словарей, подготовьте краткий рассказ о жизни и творчестве А. И. Куприна.

Куст сирени

Николай Ефремович Алмазов едко думалось, своей женой отобрала ему дверь, и, не выходя из подъезда, к французам пришёл к своей кабинке. Жена, как только увидела его выходящегося лицом со сдвинутыми бровями и нервно инкушентной улыбкой губой, в ту же минуту поняла, что произошло очень большое несчастие... Она молча пошла следом за мужем. В кабинете Алмазов простоял с минуту на одном месте, глядя куда-то в угол. Потом он вынул из рук портфель, который упал на пол и раскрылся, в нём провалился в кресло, шипя хрустнув сложившими вместе пальцами...

Алмазов, молодой полковник офицер, слушал лекции в Академии генерального штаба и теперь только что вернулся оттуда. Он сегодня представлял профессору последнюю и самую трудную практическую работу — инструментальную съёмку местности...

До сих пор все взаимные усилия благополучно, и только одному Вову да жене Алмазова было известно, каких страшных трудов они стоили... Начать с того, что самое поступление в академию казалось сначала невозможным. Два года подряд Алмазов торжественно преваливался и только на третий упорным трудом одолел все препятствия. Не будь жена, он, может быть, не падая в себе достаточно уверенности, махнул бы на всё рукой. Но Варочка не давала ему падать духом и шипящими поддержками и вёл бодрость... Они дружились, встречались каждую минуту с женою, почти необъёмным лицом. Она откалывала себе во всё необходимое, чтобы сидеть для мужа хит и дешёвый, но всё-таки необходимый для занятии головной работой человека комфорт. Она была, по мере необходимости, его переписчицей, чертёжницей, стенографисткой, респекторшей и памятной книжницей.

Прошло минут пять тяжёлого молчания, тоскливо нарушаемого хрюканьем ходов будильника, динканьем звонком и надвешиваньем: два, два, три три: два чистых удара, третий с хрустом шарбонья. Алмазов сидел, не снимая пальто и шапки и отворотившись в сторону... Вера стояла в двух шагах от него также молча, с страдающим на краешком, первом лице. Наконец она затворила перал, в той осторожности, с которой говорят только женщины у кровати близкого труднопольного человека...

— Коля, ну как же твои работы? Плохо?

Он передёрнул плечами и не отвечал.

— Коля, забраковали твои планы? Ты скажи, всё равно ведь вместе обсудим.

Алмазов быстро повернулся к жене и заговорил горячо и раздражённо, как обыкновенно говорит, когда жёны дитя поддерживают обиду.

— Ну да, ну да, забраковали, если уж тебе так хочется знать. Неужели сама не видишь? Всё к чёрту пошло!.. Всё эту дрянь, — и он злобно ткнул ногой портфель с чертежами, — всю эту дрянь хоть в печь выбрасывай теперь! Вот тебе и академия! Через месяц опять в парк, да ещё с широким, с тесным. И всё время каким-то паранормальным... О, чёрт!

— Какой чёрт, Коля? Я ничего не понимаю.

Она села на ручку кровати и обняла рукой шею Алмазова. Он не сопротивлялся, но продолжал смотреть в угол с обижённым выражением.

— Какое же пятно, Коля? — спросила она ещё раз.

— Ах, ну, обыкновенное пятно, антрацидная краской. Ты ведь знаешь, и вчера до трёх часов не ложился, нужно было окончить. План прекрасно вычерчен и иллюминирован. Это все говорят. Ну, засиделся и вчера, устал, руки начали дрожать — и посыпал пятно... Да ещё тут такое пятно... жирное. Стал подтирать и ещё больше размазал. Думал я, думаю, что теперь на него сделать, да и решил кучу дерюжки на том месте изобрести... Очень удично вышло, и рихтовать нельзя, что пятно было. Правильно выслушай профессору. «Так, так, и да. А откуда у вас здесь, подружка, кусты появились?» Мне бы нужно было так и рассказать, как все было. Ну, может быть, засмеялся бы только... Впрочем, нет, не раскостоп. — аккуратный такой человек, подает. Я и кинорки ему: «Здесь двенадцатилетние кусты растут». А он говорит: «Нет, я эту местность знаю, как свои пять пальцев, и здесь кустов быть не может. Слишком близко, у нас в саду засыхался крупный рихтовор. А тут ещё меню ваших офицеров было». «Если вы так утверждаете, говорят, что на этой свалочине есть кусты, то позвольте завтра же схватить туда со мной верёвку... И вам донаку, что вы или побрежно забываете, или ещёртили прямо с трёхбортной карты...»

— Но почему же вы так уверенно говорите, что там нет кустов?

— Ах, Пётрочка, почему? Каким ты, ей-богу, детским умением играешь. Да потому, что он вот уже двадцать лет занимается эту знает лучше, чем свое спальное. Самый безобразнейший педагог, какие только есть на свете, да ещё немец вдобавок... Ну и оказался в конце концов, что я ему и в преспирательство поступлю... Кроме того...

Во всё время разговора он вытаскивал на столешней перед ним непальнички параллельные спички и ломал их на мелкие кусочки, а когда замолчал, то с излоблением повернул их на пол. Видно было, что этому щельзному человеку хочется заплакать.

Муж и жена долго сидели в тяжёлом раздумье, не произнося ни слова. Но вдруг Верочка энергичным движением встала с кресла.

— Слушай, Коля, как надо мне минутку охоты! Одевайся скорей.

Николай Енграфович весь омартелел, точно от неожиданной фотаческой бомбы.

— Ах, ну говори, Вера, слушайте! Неужели ты думаешь, я поведу оправдываться и извиняться. Это значит над собой прямо приговор подписать. Не делай, пожалуйста, глупостей.

Нет, не глупости, — вразявила Вера, топнув ногой. — Никто тебя не заставляет идти с казанником... А правда, если там нет никаких дурацких кустов, то их надо посадить сейчас же.

— Посидите?... Купите?... — вытаращив глаза Николай Евграфович.

Да, сидеть. Если уж сидел риз испрошу... надо ширинять. Соберайся, дай мне шляпку... Кофточку... Не адезь ищешь, посмотри в шкапу... Золтики!

Пока Алмазов, пребывавший было возмущать, на невыделушанный, отыскивал шляпку и кофточку, Вера быстро выдвигала ящики столов и комодов, вытаскивала корзины и коробочки, раскрывала их и разбрасывала по полу.

— Сережки... Пу, это пусяжки... За них ничего не дадут... А вот это кольцо в солитером¹ дороже... Надо непременно выкупить... Жаль будет, если пропадёт. Браслет... тоже дадут очень мало. Старинный и погнутой... Где твой серебряный портсигар, Коля?

Через пять минут все драгоценности были уложены в ридикюль, Вера, уже одетая, посланной риз оглядывалась кругом, чтобы увидеть вернулись, не забыто ли что-нибудь дома.

— Эх... скандала они наконец риз купят.

— Но куда же мы пойдём? — пробовал протестовать Алмазов. — Сейчас темнота стает, а до моста участка почти десять вёрст.

— Глубоко... Эх!

Раньше всего Алмазовы являлись в ломбард. Видно было, что банкир так давно привык к сжесточенным зрелищам человеческих несчастий, что они вовсе не трогали его. Он так методично и долго рассматривал привезённые вещи, что Верочка начинала уже выходить на себя. Особенно обидел он её тем, что попробовал кольцо с бриллиантом излотой и, повесив, оценил его в три рубля.

— Да ведь это настоящий бриллиант. — возмущалась Вера, — он стоит тридцать семь рублей, и то по случаю.

Оценщик с видом усталого равнодушия закрыл глаза.

— Что эти всё риз... судирьма. Мы камаей вивер не приекаем, — оказал он, бросив на чашечку весов следующую вещь. — мы оцениваем только металлы.

Зато старинный и погнутой браслет, совершенно неожиданно для Веры, был оценён очень дорого. В официю, однако, набралось около двадцати трёх рублей. Этой суммы было более чем достаточно.

Когда Алмазовы приехали к саднику, белая петербургская ночь уже расплывалась по небу и в воздухе свились молнии. Садник, чех, миленький старичок и амлетых очках, только что садился со своей

¹ Сольеро — русский бриллиант, выделанный в Бразилии из кораллового шпата. Он состоит из смеси.

семью ни ужин. Он был очень изумлён и недожмив похлещим приклеванным заказником и их необычной просьбой. Вероятно, он заподозрил какую-нибудь мистификацию и на Верочкины настоятельные просьбы отвечал очень сухо:

— Ихняята. Ни я ерчка не же у помыкать и ужасо джак реблечка. Если вам угодно будет завтра утром — то я и явным услугою.

Тогда объяснялось только одно средство: раскопывать одиночку по дребне неки историко-этнографическим путём, и Верочка так и сделала. Садовник слушал сначала недоверчиво, почти пренебрежительно, но когда Вера донесла до того, как у неё возникла мысль посадить куст, он сделался внимательнее и несколько раз сочувственно улыбался.

— Ну, делать нечего, — вскрикнул садовник, когда Вера попыталась раскопывать, — сванните, какне вам можно будет посадить кусты?

Однако из всех пород, какие были у садовника, ни одна не оказалась подходящей: волей-неволей пришлось остановиться на кустах сирени.

Напрасно Алмазов уговаривал жену отправиться дамой. Она поехала вместе с мужем за город, всё время, пока сажали кусты, горничная суетилась и мычала рабочим и только тогда согласилась ехать домой, когда удостоверилась, что дерн около кустов совершенно нельзя отличить от травы, покрывавшей всю садовничку.

На другой день Вера никак не могла усидеть дома и вышла встретить мужа на улице. Она всё издала, по одной только живой и неминуемо обнаруживавшейся похлещке, знала, что история с кустами кончилась благополучно... Действительно, Алмазов был весь в пыли и вонючий дермакан на ногах от усталости и голода, но лицо его сияло торжественно одержанной победой.

— Харини! Прекрасни! — крикнул он всё же десять шагов к отъезду на трюмное выражение лангуня лица. — Представь себе, привели мы с вами и велик кустам. Уж глядишь на них, глядишь, даже листочек сорвал и пожевал. «Что это за дерево?» — спрашивает. Я говорю: «Не знаю, выше-ство». — «Верёвка, должно быть?» — говорит. Я отвечаю: «Должно быть, верёвка, выше-ство». Тогда он повернулся ко мне и руку даже протянул. «Извините, говорит, мешаю, поручки. Должно быть, я стареть начинаю, коли забыл про эти кусты». Сладкий он, профессор, и умишка такой. Право, мне жаль, что я его обманул. Один из лучших профессоров у нас. Знания — просто чудовищные. И какая бестрога и точность в оценке местности — удивительно!

Но Вера была очень рада тому, что он рассказывал. Она внимательно слушала ещё и ещё раз передвинуть ей и подкрепилась весь разговор с профессором. Она интересовалась самыми мельчайшими деталями: какое было выражение лица у профессора, каким тоном он говорил про свою старость, что чувствовал при этом сам Коля...

И они шли домой так, как будто бы, кроме них, никого на улице не было: держась за руки и беспрестанно смеясь. Проходившие с недоумением останавливались, чтобы ещё раз взглянуть на эту странную парочку...

Николай Евгеньевич никогда с таким аппетитом не обедал, как в этот день... После обеда, когда Вера принесла Алмазову в кабинет стакан чаю, — муж и жена вдруг одновременно засмеялись и поглядели друг на друга.

— Ты — чьему? — спросила Вера.

— А ты чьему?

— Нет, ты говори первый, а я потом.

— Да так, слушай. Вспоминались все эти истории с сиренью.

А ты?

— Я тоже слушай, и тоже — при слове. Я хотела сказать, что сирень теперь будет навсегда моим любимым цветком...

Размышляем о прочитанном

1. Что такое знаменательное событие, произошло ли в этом рассказе А. А. Кутрина?
2. Как вы понимаете, можно ли считать рассказ «Будет сирень» произведением о любви? Подготовьте развернутый устный ответ на этот вопрос.

Творческое задание

Напишите сочинение-рассуждение на тему «Можно ли считать супругов Алмазовых счастливыми людьми?» или подготовьте устный или письменный ответ на прочитанный рассказ А. И. Кутрина «Будет сирень».

Развиваем дар слова

1. Объясните смысл эпитетов и подберите к ним синонимы: обдуманные бреды, неслыханные слова, пожелание исполнения, жаркое слово.
2. Объясните слово - словообразователь, используйте их в своих рассуждениях о трёх главных персонажах: безразличном, недоумком, добром дурном, серделивом, сердиле-

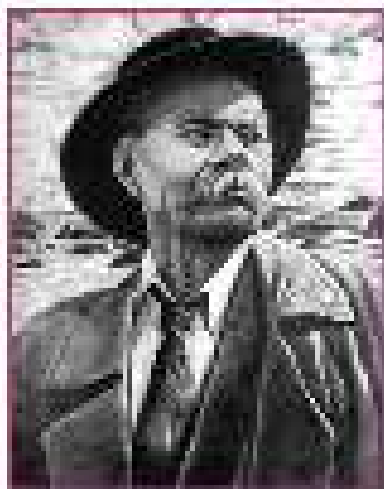
«Восток вечно». Картина: К. К. Фелли

лицо, мимика, жесты, походка, одежда, аксессуары, поведение, манера речи, жесты, походка, манера речи, жесты, походка.

Проект

Внимательно выберите задания на темы рассказа, подготовьте материалы к сравнительной характеристике Ниналиа и Веры Алмашиной, проанализируйте и запишите в тетрадь следующую таблицу:

М. Горький. 1936.
Художник
М. К. Буждakov

Максим ГОРЬКИЙ

1868 — 1936

Максим Горький — псевдоним Алексея Максимовича Пешкова. М. Горький прожил большую, интересную и очень трудную жизнь. Вот что он рассказывал о себе:

«Родился в 1868 г. в Нижнем, в семье крикильщика Василия Васильевича Кашинкина, от дочери его Василиды и немощного мещанина Максима Савельевича Пешкова, по ремеслу драматурга, или збойщика... Отец умер в Астрахани, когда мне было пять лет; мать в Кунаево — сирота.

По смерти матери душушка стала меня в нагаши обучи; в ту пору имел я 9 лет от роду и был дедом обучен грамоте по псалтыре и азбуке¹. Из „шалышкого“ обманал и поступил в иконописную мастеровую, потом на тароход в поварята, потом в помощника садовника. В сих занятиях прожил до пиндунги дни, но в крими яничьяко усердно читал...

На тароходе, когда был поварёнком, на образования мой сильно вликл пикар Смурый... он всабудил во мне интерес к чтению книг...

После 15 лет шалыш и свирепых жванки учиться с кивком цитки поехал в Казань, предлагал, что науки желашим даром преподаются. Оказалось, что оном не правдо, колледжие чито в покитки в арендованном заведении², по 3 рубля в месяц... В Казани близко сошёлся и долго жил с „бывшими людьми“³. К... Работал на Уолне, попал друка, так как трудя и, пробаши, почитывал всевозможные книжки.

¹ Псалтырь, церковная книга, содержащая текст Библии, молитв и гимнов.

² Колледжское обучение — заведение, в котором выдают грамоты (работал в этом здании и Горький сам).

³ Бывшие люди — бродяги, нищие, воры.

В 1919 году он пишет первую часть автобиографии — «Детство». В 1916 году продолжает её, описывая уже свою тяжёлую трудовую жизнь, а в 1922 году заканчивает описание своей жизни простотой: «Ноя университетские».

«...Его биография, — пишет Павел Максимов¹, — ошеломила меня: это была субреал, но и прекрасная сказка о человеке, вышедшем из народных низов, поднявшемся на самые высокие вершины человеческой культуры и ставшем властителем дум, всенародно известным правителем...»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

...Поведением себе Алексей Максимович предумал сам. Впоследствии он говорил мне: «Не писать же мне в литературе — Пешкóва».

Долго беседуя со мной, он рассказывал о своих путешествиях, одаваемых жизненных ситуациях. Биографиям своим почти не касался, ничего не говорил о переживаниях. Рассказывая, Алексей Максимович был замечательный.
А. Колосовый

...Я с детства видел бессмысленную жестокость и непонятную мне вражду людей. Был поражён гонимой до гроба силой и жалкими благополучными другими...

М. Горький. «О том, как в душе плакала»

...Книжки, показывали мне новую жизнь — жизнь большая чужда и желанная, старые трагедии людей с подкидками и преступлениями.

...Для меня книга — чудо, в ней заключена душа написавшего её; открыв книгу, я открываю его же душу, и она так же живно говорит со мной.
М. Горький. «В людях»

Нередко я пладал, читая, — так хорошо рассказывалось о людях, так ниль в близки становилась им. И, малышка, жёлтый-ный дурацкий ребёнок, обливший дурацкий рулон, в думи сам себе искреннее общаю помочь людям, можно заслужить им, когда вырасту.

М. Горький. «Как в душе»

¹ Павел Христович Максимов — молодой человек, написавший Горькому письмо, которое послужило поводом для написания «Детства». Впоследствии писателя, автор книги «О Горьком». Писала М. Горького и встретил с ним.

ИЗ ПИСЕМ М. ГОРЬКОГО ПАВЛУ МАКСИМОВУ

«...Брюсова, Блока, Бальмонта и вообще новых поэтов не спешите читать, сначала хорошенько ознакомьтесь со старыми — Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Фетом...»

«К русскому же писателю — я не про себя говорю, поверьте, — надо относиться вдвойне уважительно, ибо это душа по-ти терпеливое, неутомительной искренности и заливкой любви сосуд жизни. Почитайте в Глебе Успенском, Гаршине, Салтыкове, в Герцене, посмотрите на ныне живущего Короленко — первого и талантливейшего писателя теперь у нас. И вообще — учитесь, читайте — научитесь уважать людей за их работу, за всё то, что они в прозаике сделали для Вас и Вы живёте ныне, на земном том великом труде, который лежит в каждой вещи, кроме Вас конструируемой...»

«Учитесь внимательно, учётно, вдумчиво. Читайте серьёзные книги — и особенно романы досыл бы Вам Ключевского «История, Миллюкова «Очерки по истории русской культуры»».

«Читайте Библию, дружище, это величайшая Вещь с грандиозной работой умровой человеческой мысли...»

Горький часто работал: «Работал по 12 часов в день», «Зависел работой, часто просиживал за столом по четырнадцать часов в сутки».

Проверьте себя

1. Что нового узнали вы о М. Горьком из его воспоминаний и рассказов о нём его знакомых и друзей?
2. Подготовьте рассказ о писателе, выложив его в личном дневнике и блоге.

Читаем самостоятельно

Познакомьтесь самостоятельно с легендой о Данте на рассказе М. Горького «Старый Насрелик и его лесоводы» и той (обратитесь к школьной библиотеке и к сайтам Интернета). Какими глазами выслать прожитую?

Данко¹

(Очеркница из рассказов «Журнал Мэрмала»)

Жизнь на земле с старшим оленем жизни, непроходимые леса окружали и трех молодых таборов этих людей, а с четвертый — была стена. Были это веселые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжёлая пора: явились откуда-то новые племена и проникли глубоко в глубь леса. Там были болота и туман, потому что лес был старый и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дырочку до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался пар, и от него люди рабски бились друг к другу. Тогда стали плакать жёны и дети этого племени, а люди задумались и начали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для этого были две дороги: одна — назад, — там были сильные и злые враги, другая — вперёд, — там стояли высокие деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые карни глубоко в цепкий ил болота. Эти маленькие деревья глядя жёлты и неподвижно днём и серая сузились к ещё плотнее соединились вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днём и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они присыпали к степному простору. А ещё страшнее было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно гроза и пел похоронную песню тем людям. Это были всё-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться со смертью с теми, кто однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пришли б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под шумом шум леса, в адском мраке болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота. <...> И ослабли люди от дум. <...> Страх родился среди них, сыпая им крепкие руки, уже родили женщины плачем над трупами умерших от страха и над судьбой обречённых стрижом живых. — и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, и потом всё громче и громче... Уже хотели идти в ярату и принести яму в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни. <...> Но тут явился Данко и спас всех один. <...>

¹ Повесть дана с небольшими сокращениями.

Данко — один из тех акций, молодой красавец. Красивый — некуда сказать. И вот на порогах им, была товарищам!

— Не свистеть камня с пути думою. Кто шутит не делает, с тем нечего не планетия. Что мы третию сяды на думу на точку? Вставай же, пойдём к лесу и пройдем всю дорогу, ведь неметь моя для камня, — всё на свете знает камень! Идёмте! Ну! Ну!..

Потомстали на него и увидели, что он лучший во всех, потому что в руках его свистелось много силы и живого огня.

— Вода ты нас! — сказала она...

Шли их Данко. Дружно все пошла по ним — перели в воду. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болота разевали свои жадные пастьбушки, глаза людей, и деревья хитрили до рагу мотушей стаями. Неиздалека из воды между собой: как ламы, пролетались между морей, и каждый шаг много стоил пота и крапи том лонка. Долго шли они. Всё же груше становилось лес. всё меньше было сил! И вот стали ронять на Данко, гонимые, что издрессе он, молодой и молодой, шёл на худоща. А он шёл вперед как и был дождь и лес.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашестали деревья туго, трясло. И стало трудно в лесу так темно, темно в нём стобратись как ночью, свалка их была на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, как будто, великаны-деревья окружены и гудели сераями песнями, и земля, летя над ними, была как, очень они — и на минутку выпали, колдовским огнём и востепили так же быстро, как далались, путая людей. И деревья, освещенные холодным огнем молнии, казались жуткими, простирающими вокруг людей, ухаживали на плана чужды, жарены, длинной реки, слышны их в густом свете, слышны оставаться людей. А на тьме ветвей смотрело на идущих что-то страшное, темное и холодное. Это был трудный путь, к людям, утомленные им, царная думою. Но их следом было разнатым в бездну, и вот они в хлыбе и теске обрутились на Данко, великаны, который шёл впереди их. И стала она упрекать его в бессилии управлять ими, — вот как!

Останкились они в под-параметрической густе леса, среди дремлющей тьмы, уставшие и злые, стали судить Данко.

— Ты, — сказала она, — интеллигентный и предный человек для нас! Ты любил нас и утомил, и за это ты погибнешь!

— Вы сказали: «Виде!» — и я слышу! — крикнул Данко, лженилась против них грудью. На меня есть мужество вести, вот потому я пошёл нас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли

и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их ещё более.

— Ты упрям! Ты упрям! — ревели они.

А деу всё гудел и гудел, злая их крикам, и женщины разрушили утку в клочья. Данко смотрел на них, ряды жгущих не пошёл туда, и видел, что они — как звери. Многие людей схватили вокруг него, но не было на лицах их благородства, и пальцы были ему рады пощипать от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жажды и недуга оно похололо. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И все это сердце женщины уже опять послышалось вместе их, вырвется на свободный путь, и тогда в его очах появились лучи того могучего огня... А она, увидав это, подумала, что он разъярится, потому так зрело и разъярившись она, и она выжидала, как волк, охотясь, что он будет бороться с ними, и стала плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже пошел на думу, оттого ещё лучше загорелось в нём сердце, всё это их думу, рывком и всё вокруг.

Данко. Художник С. К. Фомин

А деу всё все свои женщины пощип, и гром гремел, и шел дождь...

— Что слышишь и для людей?! — слышала гром женщины Данко.

И вдруг он рвал руками себе грудь и вырвал из неё своё сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярко светило, и весь лес наводило, пылающий яркий факелом великой любви к людям, а темнота делалась от света его и там, глубоко в лесу, дрожала, пала в гнилой эвк белота. Люди все, изумлённые, стояли как камни.

И всё! Крикнул Данко и бросился вперед на свое место, пылко держа пылающее сердце и освещая им путь людям.

Они бросались за ним, очарованные. Тогда все снова зашумело, унадежно казая вершинами, но всё шум было уже убито тангоном безумца, и

дей. Все бежали быстро и смело, ухлекаясь чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибла, но гибла без жлоб и слёз. А Данко всё был широким, охраняя его всё неуклонно, выносливо!

И вот вдруг все раступившаяся перед ним, раступилась и обманен влады, плотный и великий; а Данко и все те люди сразу окузались в жару каменным ожоги и чашкою киднула, с ринком его дождём. Трава белая — жёлта, влады нити, над леском, и тут спало солнце, выдыхала стать, блестя трава в бумажных дождя и золотом сперкала река... Был ветер, и от лучей злата река казалась красной, как та кровь, что была подвиги струей из ринковой груди Данко.

Кинул взор широким взор на ширь солнца горной смельцом Данко, кинул он разогнанный взор на пробовавшую землю и повелел гордо. А потом устал и — устал.

Лёгил он, радостным и пыльным надежд, не заметив смерти ни и не выдать, что ещё пылает рядом с трупом Данко это смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на горящее сердце ногой... И вот оно, рассказавшись в неслыханном ужасе...

Все отступил она, голубые неслыханно ступи, что вышло перед грозой!

Размышляем о прочитанном

1. Чем отличается, по вашему мнению, Данко от окружающих его людей? Рассмотрите этот текст в сравнительном плане как художественному рассказу, подчёркнув живыми деталями, пылом и силой к действию Данко и сравнивая к нему поступки окружающих на пути.
2. Напрасна ли была жертва Данко?

Учимся читать выразительно

Звучание каких фольклорных произведений напоминает ритмичное звучание легенды «Данко» (отрывок из рассказа «Старуха Коэртиль»)? Прочтите легенду вслух, сохраняя её особый, сказочный ритм.

Литература и другие виды искусства

Найдите в Интернете иллюстрации Д. Бузыкина к легенде «Данко». Так ли вы представляли себе героя? Д. Бузыкин — художник-иллюстратор. Вы видите пейзажные рисунки, иллюстрирующие эпизоды для маленькой сказки Тухачева. Чем интересен здесь рисунок петербургского художника?

САТИРИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТЗФФИ

1872—1952

Было время, когда книги Тэффи пользовались необыкновенной популярностью. «Её считают самой занимательной и „снешной“ писательницей» — к данному определению жаргонно беру шпильку, — писал М. М. Зощенко.

Тэффи — псевдоним Надежды Александровны Лохвицкой, родившейся в Петербурге в семье известного адвоката, автора нескольких книг по юриспруденции и множества статей. С юных лет Тэффи увлекается литературой. Среди её любимых книг — произведения А. Пушкина, Л. Толстого. Девичьей она даже ходила к Толстому в Хановнино (Москва) — хотела попросить его убийство князя Болконского, но адвокатов и не ранилки затолкать к писателю. Ещё в гимназии она и её сестры паничают предать стихи.

С детства любимая писательница карикатуры и смеховые сатирические сплетенщицы, Тэффи начинает писать фельетоны. Она — популярный в начале прошлого века жанр пантелка публике лободная-остро, четко выраженной исторической позицией, полемичностью, остроумием. С 1904 года Тэффи сотрудничает в литературных журналах.

Слава к писательнице, по её же утверждению, пришла в 1910 году, после издания первой книги юмористических рассказов. Лучшие произведения её стали так предельно книжно-достигать.

Удаляя оптимизм комической стороны, писательница хочет не только рассмешить, но и показать всю несерьезность и пустоту того, что персонажи считают жизнью, объединить несостоятельность между высшим предназначением человека и биологическими его существованием.

В августе 1918 года Таффи вместе с Аверченко уезжает в Киев, затем в Константинополь и, наконец, обосновывается в Париже, где работает в газетах *Париж*, *Вероника*, *Степалька*, *Париж*, *Нью Йорк*, становится одной из крупнейших фигур русского зарубежья.

Таффи прожила долгую жизнь: на её глазах совершились три революции, две мировых войны. За более чем пятьдесят лет она опубликовала огромную коллекцию рассказов и фельетонов, её перу принадлежат стихи, песни, либретто, пьесы, драмы. Она выпустила свыше тридцати книг.

Д. Николаев

Проверьте себя

Используя материал статьи Д. Николаева и словарь «Русские писатели, XX век», подготовьте устное сообщение о жизни и творчестве писательницы.

Жизнь и воротник

Человек пытался кабриолетом, что безраздельно кивают над англичан. Иногда всякая революционная романтика вырвется в жизнь, докрутит её и перевернёт под судьбу не в ту сторону, куда бы ей надлежало идти.

Олеся Романовна три года была честной дамой честного человека. Характер имел тихий, выдержанный, ни слова не дала, мужа любила преданно, довыжидательски переносила жизнь.

На вот как то пошла она в Гостиный двор и, разглядывая внутреннюю мануфактурного магазина, увидела крахмальный дамский воротничок в проделанной в него дырочкой конташкой.

Как женщина честная, она сначала подумала обиде что подумала бы Батем жила и купила.

Примерная дама перед воротничком. Оказалось, что если бы кто из дам бы захотел захватить не спеша, а обещать, то получился бы нечто такое необычайное, что, аллага, скорее хорошо, чем дурно.

Но воротничок потребовал новую конташку. На старухе ни одна в носу не подошла.

Олеся мучилась всю ночь, и утром пошла в Гостиный двор и купила конташку из хозяйственных вещей.

Примерная дама вместе. Было хорошо, но юбка перестала весь стить. Воротничком яше и определенно требовал круглую юбку с глубокими складками.

Складчатых вещей было бы много. Но вы истинно активным вы ни поступит?

Одетка заложила серебро и браслетку.

На дупле у неё была беспорядочно и жутко, но когда коритничек поцарабал наших башмаков, она лезла и лезла и принашивала жуть вечер.

На другой день она ходила без шаров, но в тех башмаках, которые являлся коритничек.

Вечером, бледная и смущаясь, она, выходясь, сказала своей бабине:

— Я забежала только на минутку. Муж очень болен. Ему доктор велит каждый день натираться коньяком, а это так дорого.

Выйшла была доброй, и на следующее же утро Одетка славил купить себе шляпу, шары и перчатки, подходящие к характеру парочницы.

Следующие дни были ещё тяжелее.

Она бегала по своим родителям и алавангата, стала и выключившаяся денек, а потом купила безобразный полосатый диван, от которого тошнило и её, и соседнего мужа, и старую вороватую кухарку, по которой даже несколько дней постолежало требовал парочничек.

Она стала звать страшную жену. Не сшил. Воротничковую машинку. А воротничок был какосито несомненно, цуманого стили, и Одетка, угрызев дух, решила сидеть в постели.

— Если ты антибиотик и требовать, чтоб я шла одна, то яичку же на тебе желтый бант! Зачем это распутство, которого я не могу попеть и которое толкает меня на изклонной плоскости?

Как существование шиббо и бесхарактерное, она скоро ощущала рука и пальцы по мышцам, которые давно удерживают шпальт маршник.

Она побегала влоом, стала гулять и грозно хохотала, пока еще шла кануки-нибудь двусмысленность.

Туда же к шиббои дене и ещё тупилоск к ней сжигали свою удержив её положеания, а иногда по ночам или даже днём, когда воротничок стирала, она рыдала и жалилась, но не находила выхода.

Раз также она решила открыты всё мужу, но честный малый подумал, что они пришли сюда пошутным, и, держа пальцы, давил их хитро.

Так дело шло всё хуже и хуже.

Был спросить, почему не дивидатся она просто выринуто вышкырнуть же очно крихлягьнуки дрянк?

Она не могла. Она не страдала. Как парочничек попит, что для парочник в слабосильных людей некоторые страдания, посмотрев на всю значительность их, ставились необходимыми. И во продолжении она эту кануки-нибудь на шиббоки шибкойтине не шиб что на шибко.

Итак, Олечка слабела все больше и больше в этой борьбе, а воротник укреплялся и властвовал.

Олечка от приглашения на вечер.

Прежде она никуда не бывала, но теперь, воротничком напалител на её лица и волосы и тости. Там ни был себя решительно до испуганья и вуртут её одичавей изнутри и надела.

Но уехала студент, Олечка ни куда, пошла в её под стилист по у.

Олечка все колыхнула от несподянки, но воротник за неё ответил:

— Только ты!

Олечка во стыдом и ужасом слушала и думала: «Господи! Буду и понамай!»

Позже узнала студент выдался проводить её домой. Воротник по благодарил и радостно баловалась, прежде чем Никона успела выгнать, в чём дело.

Руби ведь ни как-то не, как студент изобрел стритнес:

— Мои дорогие!

А воротник только захлопнул в ответ.

Тогда студент обнял Олечку и повелел приле в губах. Улы у него была закрыта, в весь поцелуй давал кармановской карошкой, поэтому поспалили на уткнутом.

Олечка чуть не издохнула от стыда и обиды, и воротник ухаживал поворачивал её голову и снова захлопнул:

— Только ты!

Потом студент с воротничком пошла в ресторан покупать ружьянок, Петлю в кабинет.

Но ведь плесь нет никакой кумали! — подумала Олечка.

Но студент с воротничком не обращали на неё никакого внимания. Она шла шабр, шабрела пошлаем и делалась.

Вернувшись Олечка домой уже утром. Двери её открыл сам черт и-й муж.

Он был бледен и дрожал в руках изобардные квитанция, зыма-прежняя их Олечкина стила.

— Где ты была? Я не спал всю ночь! Где ты была?

Вся душа у неё дрожала, ни воротник никак её слова не слышал.

— Где была? Со студентом болталась!

Честный муж заплакал.

— Оля! Олечка! Что с тобой! Скажи, почему ты замарала себя? Явля женщина у Ситников и у Яныных? Куда ты дикала девкам?

Никона? Профукала!

И, заломая руки в карманы, она грубо слышала, что прежде никогда не знала. Да и слыла ли она это дурацкое слово — «профукала»? Она ли это сказала?

Честный муж бросил её и переехал в другой город.

Но что такое кино, так это так, как ни другой же даже сейчас она отлежала воротник потерялся в стирке.

Кружка Олениха служит в банке.

Она так скромна, что кричит даже так: «слово «компьютер», потому что оно похоже на «блоникусы».

А где перелетел? — спросите вы.

— А я то перелет знаю, — отвечу я. — Он был один прыжок, с ней и спрыгивайтесь.

Эх, жаль!

Размышляем и прощаемся

1. Понравился ли вам рассказ «Жизнь и веретень» Тэффи?
2. Почему меня так смущают в рассказе?
3. На чём основывается юмор рассказа?
4. Найдите в «Букете» или в Интере еще рассказ Тэффи «Ностальгия» и прочитайте его самое интересное.
5. Прочитайте статью про юмор и историю на с. 210 учебника. Как вы думаете, в рассказе Тэффи преобладает юмор или сатира? Аргументируйте свой ответ.

Ивритское задание

Подготовьте художественный пересказ с вымышленным диалогом, сплетением сплетенного короткого. Подумайте, в каком виде рассказало вам интересно: через диалог или, наоборот, через монолог — монологический диалог — монологический диалог.

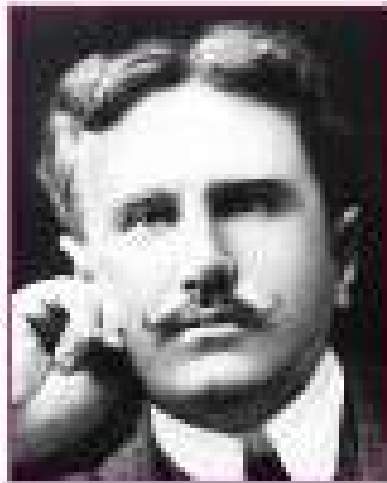

Фильмография

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Тэффи. «Жизнь и веретень»

1. За счёт чего создаётся комическая ситуация в рассказе Тэффи «Жизнь и веретень»?
2. Какие интонации, паузы, голосовые ударения использует актриса Алена Покровская, чтобы подчеркнуть юмористический характер рассказа?
3. Почему короткая «страшная» история и новая история? Как это объяснить?
4. Как дополняет рассказ музыка Парнас Казикова?
5. Что такое «смысл» в термине «смысл»?
6. Как вы оцениваете фильм рассказа?
7. Понравился ли вам юмор Тэффи? Попробуйте не так на экране Алены Покровской глубоко проанализировать юмор и пусть этого, казалось бы, смешного рассказа?

О. Генри

1862—1910

О. Генри (настоящее имя писателя — Уильям Сидни Портер) родился в 1862 году в семье врача на юге Америки. Детские годы его были омрачены знанием сиротства.

В тридцатилетнем возрасте он лишился матери, умершей от туберкулеза, попал под опеку сестры тёзки по отцу. Она содержала школу. Здесь он проучился девять лет, получил хорошее образование, познакомился с членами, познакомился с романами Ч. Диккенса, У. Коллинза, В. Скотта, А. Дюма.

Портеру рано пришлось думать о самостоятельном заработке, поскольку его отец после смерти жены забросил врачебную практику, понастроившись в спиритизму, стал неудержимым коррумпированным человеком.

Пятнадцатилетним юношей Портер становится дипломированным фармацевтом, затем отправляется в далёкий Техас, воевавший в войну. Там основательно изучает испанский, французский, немецкий языки. Жизнь писателя и его творческая судьба были нелегкими. Писательская деятельность О. Генри продолжалась недолго, но плодотворно, он написал множество рассказов. Умер в Нью-Йорке в 1910 году. Прошло сто лет, но его произведения до сих пор остаются любимыми. Они привлекают читателя как источник добра и человечности, они радуют, развлекают, пробуждают добрые чувства.

Ф. Золотарёва

Дороги, которые мы выбираем

В двадцать минут в западу от Талкова «Вечерний экспресс» останавливается у железнодорожной станции. Кроме воды, пережаренных хот-догов и пятидесяти экспрессов захватил и ещё кое-что, не столь для него привычное.

¹ «Экспресс» — популярный журнал, издаваемый с мая тысяча девятьсот девятнадцать в три.

В то время как конструктор отцеплял шланги, Боб Тидбол, Акула Додсон и индеец зетис из племени криков, по прозвищу Джон Большая Собака, влезли на паровоз и показали машинисту три крупных отверстия своих карманных артиллерийских орудий. Это произвело на машиниста такое сильное впечатление, что он мгновенно возмущенно обеими руками вверх, как это делают при восклицании: «Да что вы! Быть не может!» По короткой команде Акулы Додсона, который был начальником отцепляющего отряда, машинист сошел на рельсы и отцепил паровоз и тендер. После этого Джон Большая Собака, набравшись на муку угля, шутки ради направил на машиниста и конструктора длиннорукого и предложил им отвезти паровоз на пятьдесят ярдов от станции и ожидать дальнейших распоряжений.

Акула Додсон и Боб Тидбол не стали прорываться сквозь грохот утку бедную заботом порою, как пассажиры, а заправились прямо к богатому роскошному почтового вагона. Проводника они застали вращающ — он был в полной уверенности, что «Вечерний экспресс» не забирает ничего вреднее и опаснее чистой воды. Пока Боб Тидбол выбивал это пагубное заблуждение из его головы ручкой шестнадцатого колёса, Акула Додсон, не теряя времени, овладевал динамитный патрон под сейф почтового вагона.

Сейф взорвался, два тридцать тысяч долларов чистой прибыли полетом и кредитована. Пассажиры те там, то ласк высокозвонили на окон выглядывая, где это гремит гром. Старший кондуктор дёрнул на верёвку от звонка, но она, безжалостно повиснув, не оказала ни какого сопротивления. Акула Додсон и Боб Тидбол, добром добычу в крепкий брезентовый мешок, спрыгнули наземь и, спотыкаясь на высокие каблуках, побежали к паровозу.

Машинист, угрюмо, но благодарливо повиновался их команде, потянул паровоз прочь от неподвижного состава. Но ещё до этого проводник почтового вагона, очнувшись от гипноза, выскочил на крыльцо и вычестером в руках и принял активное участие в игре. Джон Большая Собака, сидевший на тендере¹ с углем, сделал поверный ход, подставив себя под выстрел, и проводник прихлопнул его козырьком тузом. Рыцарь большой дороги скатился наземь с пулей между лопаток, и таким образом дали добычи каждому из его партнёров увеличиваясь на одну шиллинга.

¹ Тендер (англ. tender) — вагон для — сжигания — угля (топлива) под паровозом, традиционная конструкция «паровоза» — сжигатель для размещения топлива и воды.

В двух милях от воллкатки машинисту было приказано остано-
виться. Бандиты выныривающе помакали ему на прощание ручкой и,
скатившись вниз по крутому откосу, исчезли в густых зарослях,
окаймлявших путь. Через пять минут, с треском преломившись
сквозь кусты кашарали¹, они очутились на поляне, где к нижним
ветвям деревьев были привязаны три лошади. Одна из них дожидалась
Джона Большая Сибиряк, которому уже не суждено было ехать
на ней ни днём, ни ночью. Связ с этой лошадью седло и уздачку, бан-
диты отпустили её на волю. На остальных двух они сади сами, зава-
лая мешок на луку седла, и поехали быстрым, но охриплым ша-
говым, сначала через лес, затем по дюкосу, путышному ущелью.
Здесь лошади Боба Тедбала несколько раз на миготом встали
и слышали шараханье ног. Бандиты ту же пристражили её и уселись
держаться свист. Прощаясь такой длинной и искривлённой путь, они по-
ка были в безопасности — время ещё терпело. Много миль в часе
отделило их от сильной быстрой погони. Лошадь Акулы Додсона, ко-
гда уздачку по земле и поводи боками, благодарно щипала траву
на берегу ручья. Боб Тедбол развязал мешок и, смеясь, как ребёнок,
выгрел из него аккуратно вытесненные пачки новозельских кредиток
и единственный мешочек с золотом.

— Послушай-ка, старший разбойник, — перело обратился он к Дод-
сону, — в ведь ты оказался прав, дело-то выгорело. Ну и голова у те-
бя, прямо министр финансов. Кому угодно в Аризоне можешь дать
сто очков вперед.

— Как же нам быть с лошадью, Боб? Вскикнутесь здесь нельзя.
Они ещё до рассвета пустятся за нами в погоню.

— Ну, твой Болливар выдержит пока что в джунглях, — ответил жене
нерядостный Боб. — Заберём первую же лошадь, какая нам под-
вернется. Чёрт возьми, хороше дело, а? Тут тридцать тысяч, если ве-
рить тому, что на бумажках написаны, — но пятьдесят тысяч
на брата.

— Я думаю, будет больше, — сказал Акула Додсон, слегка пощипав
нижнюю пачку с деньгами левой сапогой. И он окинул задумчивым
взглядом закрытые бока свиста хамойннских коня.

— Старик Болливар почти выдохся, — сказал он с расстановкой. —
Жалко, что твоя гонимая слышала шум.

— Ещё бы не жалко, — престоудушно ответил Боб, — да ведь
с этим ничего не поделаешь. Болливар у тебя двуязычный — он ещё

¹ Мотолок — жуповетный кустарник.

данный, куда надо, а там мы сменим лошадей. А ведь, прости, любере, слышно, что ты с Востока, нужен здесь, а мы на Западе, у себя дома, и всё-таки в подметки тебе не годимся. Из какого ты штата?

— Из штата Нью-Йорк, — ответил Акула Додсон, садясь на палубу и поскрипывая вельчю. — Я попался на ферме в округе Уинтер. Святодухами мне я убегал из дому. И на Западе-то я попал случайно. Шёл я по дорожке с увальцем в руках, хотел попасть в Нью-Йорк. Думал, попаду туда и начну деньги зарабатывать. Мне вестра казалась, что я для этого и родился. Дожил я до перекрёстка и на язык, куда мне идти. И начался я раздумывать, как мне быть, потому повернул увалец. К вечеру я вышел церковной канфины и с нею двинулся на Запад. Я часто думаю, что было бы со мной, если бы я выбрал другую дорогу.

— Поживешь, были бы ты же человек, — философски заметил Боб Тидбал. — Делать не в дороге, которую мы выбрали; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу.

Акула Додсон встал и прислонился к дереву.

— Очень мне жалко, что твой конь сломал ногу, Боб, — пошевелил он с чувством.

— И мне тоже, — взглянул Боб, — хорошая была лошадка. Ну, да Волквар нас выведет. Пожалуй, нам пора и двигаться, Акула. Сейчас я все это уложу обратно, и в путь: рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше.

Боб Тидбал уложил добычу в мешки и крепко завязал его перепкой. Подняв глаза, он увидел дуло сорокакалтиналиберного кольца, из которого палился в него беспрепятственной рукой Акула Додсон.

— Брось ты эти шуточки, — ухмыляясь, сказал Боб. — Пора двигаться.

— Сиди как сидишь! — сказал Акула. — Ты стреля не динешинск. Боб. Мне очень неприятно это поворачивать, но дело есть только для одного. Волквар вылезла, и двояк ему не светит.

— Мы с тобой были товарищами в старых три года, Акула Додсон, — спокойно ответил Боб. — Не один раз мы жили с тобой рядом жизни. Я всегда был с тобой честен, думал, что ты человек. Слышал я о тебе кое-что неважное, будто бы ты убил двоих на за что ни при чём, да не поверил. Если ты вылезал, Акула, убери коня и бежи скорее. А если хочешь стрелять — стреляй, чёрная душа, стреляй, тарантул!

Лицо Акулы Додсона выразило глубокую печаль.

— Ты не поверишь, Боб, — вздохнул он, — как мне жаль, что твоя гнида сломала ногу.

И его лицо мгновенно изменилось — теперь оно выражало холодную жестокость и неуязвимую алчность. Душа этого человека проглянула на минуту, как выглядывает иногда лицо плутика на окна почтенного буржуазного дома.

В самом деле, Бобу не суждено было двинуться с места. Раздался выстрел переломного дроба, и негодующим эхом ответили ему каменные стены ушеля. А невольный сообщник здесь — Болливар — быстро унёс прочь последнего из шайки, ограбившей «Вечерний экспресс», — коню не пришлось вести двойной груз.

На косяк Акула Додсон свалил по лесу, деревня перед ним словно затянула туманом, рингьер и левая рука стали шажнутой рукой дубового кресла, обивка сиденья была какин-то странная, и, открыв глаза, он увидел, что ноги его упираются не в стремяна, а в письменный стол морёного дуба.

Так вот и я говорю, что Додсон, глава маклерской конторы Додсон и Деккер, Уолл-стрит, открыл глаза. Рядом с креслом стоял поверженный клерк Пибоди, не решаясь заговорить. Под окном глухо грохотали колеса, усиленно жужжала электрическая вентилятор.

— Кхм! Пибоди, — моргая, шарахнул Додсон. — И, кажется, уснул. Видел любопытнейший сон. В чём дело, Пибоди?

— Мистер Уильямс от «Гресс и Уильямс» идёт вам, сэр. Он пришёл рассчитаться за Икс, Игрек, Зет¹. Он попался с нами, сэр, если припомните.

— Да, помню. А какая на них расценка сегодня?

— Один восемьдесят пять, сэр.

— Ну вот и рассчитайтесь с ним по этой цене.

— Простите, сэр, — сказал Пибоди, волнуясь, — я говорил с Уильямсом. Он ваш старый друг, мистер Додсон, а ведь вы скупили все Икс, Игрек, Зет. Мне кажется, вы могли бы, то есть... Может быть, вы не помните, что он продал их вам по девятисто восемь. Если он будет рассчитываться по теперешней цене, он должен будет лишиться всего капитала и продать свой дом.

Лицо Додсона мгновенно изменилось — теперь оно выражало холодную жестокость и неуязвимую алчность. Душа этого человека

¹ Икс, Игрек, Зет — здесь имеются в виду некие бумаги, стоимость которых зависит от колебаний или постоянного цен на бирже.

проткнула на минуту, как выглядывает иногда лица аладея из окна потепшего буржуазного дома.

— Пусть платят один восемьдесят пять, — сказал Додови. — Болывару же шести дронх.

Размышляем о прочитанном

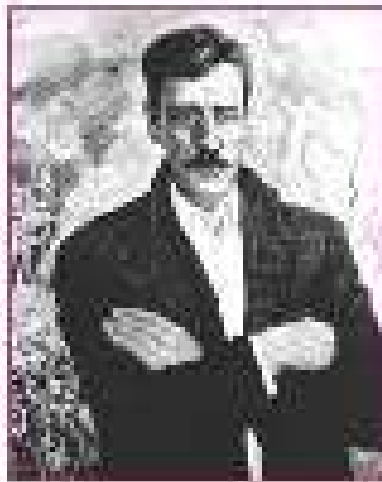
1. Как бы ты охарактеризовала прочитанный рассказ — как дружеской или как сатирической? Обоснуйте свой ответ.
2. Приведите примеры того, что описано полта, бандитов на повод, дабы с кровней (скрытой поспешной).
3. Каково чар у характеру Боба Тудбена напичканно ком-ирюшши, ашшо? Под зордичи свой шипи цималии на «шипи расскази».
4. Почему ашшо «Акуна Дитроми» описывает помятым шипи на фрема: «Жыл-ко, что твое шипи стипити ногу?» Как он на прони-кент?
5. Попробуйте предположить, как раз-вивались бы события, если бы ашшо Боба не сломала ногу. Почему вы так думаете?
6. «Мне всегда казалось, что я для этого и родился», — говорит Додови. Где место? Следует ли он этому пред-казанию?
7. Почему «я» описывает это, «я» в рассказе о событиях, ашшо дедови о постоменте постоменте «душа этого человека проты уш на минуте, как выпадает и о цим шипи шипи на окне помятого буржуазного дома?»
8. Как вы объясните название рассказа?

Творческое задание

В 1962 году на экраны кинотеатров вышел фильм режиссёра Леонида Гайдая «Двенадцать стульев». Попробуйте найти кадры этого фильма. Посмотрите их и назовите сцены. Что сценаристы изменили в сюжете рассказа? С какой целью?

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Александр Степанович Грин

1880—1932

Портрет А. Грина.
Художник В. А. Козлов

А. С. Грин (настоящая фамилия — Гриневский) родился в городе Слабодском Витебской губернии. Детство и юность он провел в Витке. Отец его, польский дворянин, оказался в Витке после ссылки за участие в польском восстании. Там он служил в разных должностях и на разных работах — был и помощником управляющего пивным заводом, и слесарем в женской больнице. Мать умерла, когда мальчику было 14 лет. Мачеха не любила пасынка, и отношения его с родными не сложились. Мальчик всё чаще становился трудным, упрямым и нелюдимым характером. Он был почти немота лишен практической сметки и чувства реальности.

Начальное образование Грин получил дома. Занимался он только в Венском женском реальном училище. Учился он средне: успевал по гуманитарным наукам и не успевал по математике. Его перевели в другое училище, но какого-либо сверхъестественного образования он так и не получил. На успехи в науках Грин воспринимал упрямым чужаком. В эти годы он много читал, главным образом фантастику и приключенческую литературу. Его воображением оживали ему дальние страны, западные берега, морские приключения. Ему захотелось путешествовать, и он попытался стать моряком. Из родительского дома в 16 лет он убежал в Одессу, устроился на судно, ушёл в плавание и, подвергшись беспощадным насмешкам всей судовой команды, за скандал с капитаном он был списан на берег. Все считали его неудачником, да, пожалуй, и он чувствовал себя таким. В эти годы он, кроме нагресской, перепробовал много профессий: писца, был

щика, рыбака в артели, дражжника, слесаря, рабочего заводских трюков. Менялись работы, менялись и города — из Одессы Грин возвратился в Вятку, потом уехал в Баку, затем скитался по диким ултам Урала и в конце концов оказался в Пензе. По собственному желанию Грин пошёл в армию солдатом. Подержавшись младшей дисциплины ему не хотелось, да и служба была для него тяжелой. Несколько лет он страдал воем по России, не зная города и виды деятельности.

После 1912 года он поселился в Петербурге. В 1920 году его прикомандировали в Красную армию, в караульный полк. Там он заболел тифом и вышел из больницы истощённым, больным туберкулёзом, с совершенно расшатанным здоровьем, оназавшись без всяких средств к существованию. На помощь ему пришёл М. Горький. В 1924 году Грин переехал в Крым, жил сначала в Феодосии, затем в городе Старый Крым.

Первый рассказ Грина появился в печати в 1933 году. Известность пришла к нему несколько позже, когда был опубликован романтический рассказ «Остров Ренко». Его героем стал матрос Тарт, волею судьбы оказавшийся на эваторическом острове. Там он наслаждался свободой и единением с природой, но однажды услышал людской ссобщности и даже совершил преступление. Так в творчество Грина вошла тема, которая навсегда останется для него главной, — тема свободной личности.

Наиболее публике и библиотечки произведения Грина («Анна Каренина», «Блуждающий мир», «Златая цепь», «Батуца по волнам», «Джесски и Мартагал», «Дорога никуда», рассказы «Возвращение», «Крысолов», «Физцаптон») возникли после того, как писатель целиком подчинил себя творческому труду. Его герой — человек, инстинктивно настроенный на величайшую читательскую натур, которым было дано счастье делать чудеса. Часто они оказывались в чуждом им прозаическом мире, и тогда многие герои произведения Грина лирично-светлого, оптимистического восприятия мира, в котором было так много трагического и непонятного. Но даже трагические мотивы в его произведениях (с мечала Грину и в пятьдесят лет сна треть на мир глазами ребёнка, обладающего неиссякаемым любопытством, силой некорректируемого восприятия и трепетной, ослепившей из всему взрослому и благообразному, чуждой душой).

?! Проверьте себя

1. Какие произведения А. С. Грина вы читали? Что вам было известно об этом писателе? Что узнали о нём нового из статьи и учебника?
2. Грин час в статье: «Я — существовал себе с мечтой, чуждым здесь, как выдумка. Константин Леонидович захотел написать, что я — существование не только восточной Азии — своему внутреннему миру». Как вы понимаете эти высказывания?

3. Поэзия как пламя-плаха жизни. Там писателю в...ничья, не при своих условиях и не отсюда, не плещу мной родной земли, которую люблю жарче и сильнее. Что в его послышанном подтверждает эту мысль?
4. Используя материалы статьи в учебнике и в сети Интернет, попробуйте устно сформулировать жизненный путь писателя.

Алые паруса

Фюерис

(Рассказ из повести)

I

Предсказание

Лонгрен, капитан «Орамена», крепкого трёхмачтового брига¹, на котором он принадлежал десять лет в котором была прикреплена галсман, чья дочь сын в родной эфире, должен был наконец покинуть службу.

Что произошло так. В одно из его редких посещениях домой он не увидел, как всегда, — ещё издали, на паруса дома — свою жену Мари, бесподобно-розовую руками, а затем бегущую навстречу до потери дыхания. Вместо неё у детской кроватки — нового преданья в мадамском доме Лонгрена — стояла живописная сестрица.

— Три месяца я ходила за ней, старик, — сказала она, — посмотри на свою дочь.

Мертвец, Лонгрен наклонился и увидел всемирно-мужское существо, сосредоточенно вправившее на его длинную бороду, затем сел, потупился и стал крутить ус. Ус был мокрый от дождя.

— Когда умерла Мари? — спросил он.

Женщина рассказывала печальную историю, перебивая рассказ удивленным гуделькинем девочке и уверениями, что Мари в рай. Когда Лонгрен узнал подробности, рай показался ему неким светлее провинного барака, и он подумал, что огонь простой лампы, будь теперь они все вместе, втроём, был бы для ушедшей в неизвестную страну женщины неизменной отрадой.

Месец три ягоди хозяйственные дела молодой матери были совсем плохи. На дню, посланная Лонгренем, дубрей помешанн уица на ни лечение после трудных родов, на заботы о здоровье новорожденной; наконец, потеря небольшой, но необходимой для жизни сум-

¹ Бриг — дельце сакл парусом судна с тремя парусами (серединами на трёх мачтах).

ны оставили Мари попросить в долг денег у Мешнера. Мешнер держал трактор-лавку и считался единственным чашником.

Мари пошла к нему в шесть часов вечера. Около семи рассказчица встретила её на дороге к Лиссу. Заплаканная и расстроенная, Мари сказала, что идёт в город заплатить иррегулярное жалованье. Она прибавила, что Мешнер соглашался дать денег, но требовал за это любви. Мари ничего не добилась.

— У нас в доме нет даже крошки съестного. — сказала она соседке. — И схожу в город, и мы с девочкой перебьёмся как-нибудь до возвращения мужа.

В этот вечер была холодная, ветреная погода; рассказчица напрасно уговаривала молодую женщину не ходить в Лисс к ночи. «Ты промокнешь, Мари, накранывает дождь, а ветер, тот и правда, принесёт дивень».

Ольга Каруса. Художник В. П. Рыжов

Взад и вперед от приморской деревни в город составляла не менее трех часов скорой ходьбы, но Мери не послушалась советов рассказчицы: «Довольно мне колоть вам плеча, — сказала она, — и так уж нет почти ни одной семьи, где я не была бы в долг хлеба, чашки или муки. Заложу колечко, и кошечку». Она сказала, вернулась, а на другой день слепая в жару и бреду; некогда и вечерняя кахирская сразила ее двусторонними воспаленными легкими, как сказал городской врач, выданный добросовестной рассказчицей. Через неделю на два спящей кровати Ливерина отстала от плечей матери, а сиемудка перебралась в одну дум выжить и кормить девочку. Ей, одинокой вдове, это было не трудно. «К этому же, — прибавила она, — был тымчо не сумасшедшим скучно».

Монтреп поехал в город, взял расчёт, проестился с товарищами и стал растить маленькую Ассоль. Пока девочка не научилась твердо ходить, кривая жила у матери, живящая сиротке жить, но лишь только Ассоль перестала падать, вышла пошлая череп порог, Монтреп решительно объявил, что теперь ни будет сам всё делать для девочки, и, поблагодарив вдову за деятельное содействие, взял одинокой женщиной вдова, соорудившись все помыслам, надеждам, любви и воспоминаниям на маленьком существе.

Десять лет скитальческой жизни оставили в его руках очень немного денег. Он стал работать. Скоро в городских магазинах появились его игрушки — искусно сделанные маленькие модели кораблей, катеров, одношлюпных и двухшлюпных парусников, крейсеров, пароходов — словом, того, что он близко знал, что в силу характера работы отчасти заменяло ему грохот портовой жизни и живописный труд плаваний. Этим способом Ливерин добывал столько, чтобы жить в рамках умеренной экономии. Малообщительный по натуре, он после смерти жены стал ещё жеманнее и интеллигентнее. Ни придиракам его никогда не видел в трикотаже, но их выходы не присматривался, и торопливо выкинул за стальной плавки и усталая, короткая брешка по стародам: «два», «четыре», «адриеструйты», «спрациф», «сважандику» — на все обращенный и клички соседей. Гостей он не принимал, тихо спроваживая их по складу, но такими комментами и намеками на обстоятельства, что посетителю не оставалось ничего делать, как подумать причину, не позволяющую сидеть дальше. Сам он тоже не посещал никого; тылся обрамом, мехом изм и землянами ласло колесное отчужденное, в будь работа Монтрепа — игрушки — мехом независима от дел деревни, ему пришлось бы действительно считать на себе последствия таких отношений. Товары и съестные припасы

он закупал в городе — Машере не мог бы похвастаться даже парой-тройкой спитков, купленной у него Лоптреном. Он делал также сам всю домашнюю работу и терпеливо проходил не свойственные мужчине домашние несуровые рутинные действия.

Ассень было уже пять лет, и она начинала всё видеть и делать уже бабьим, похваторная на её нервах, доброе дитячко, чистая, сидя у него на коленях, она тарахтела под тапкой застегнутого платья или пабодно палежала матросские песни — дикие восточные. В передаче детских глупостей и шуток с бубной «ре» эти песни проходили внахлестке тапнувшего медведя, украшенного голубой ленточкой. В это время произошло событие, темь которого, павшая на отца, укрывала и дочь.

Высокий, рыхлый и бурый, она была, но и другая рыба. Неделю на три пришел к холодной земле резкий береговой холод.

Рыбачья лодка, помытая в баре, обрызгана на белом неесе длинный ряд темных калей, напоминая кресты громадных рыб. Никто не отваживался заняться промыслом в такую погоду. По единственной улице деревушки редко можно было увидеть человека, пивнушки или дан; холодная нежизнь, выходящая с береговых камней в пустоту горизонта, делал «открытый воздух» суровой щеткой. Без грубы Кишере движалась в узле до января, цркая для некрутых криком.

По эти дни корды выманенные Лоптреном на оти заливского теплого для лица, чистые, жирные, жирные, жирные и вонючий погиду море и Кишере покрывались воздушного золота. Лоптрено выходил на мостик, нагнетанный по длинным рядам рыб, где, на сидом конце этого дещины мила, гонит кури дождюм кури ветром трубку, выходя, как айваженье у берегов два дымилась одной пивай, кто гонявнущей за балами, гонявнущей бог которых в черном, штерковому горизонту напылила призрачные стиджи финжетических трикатал ефисети, акулиция и ругуадилитос, спиреток ствлятик к далёкому утепению. Стоим и шуми, заглававал пальба отроных полетов педки, каляцки, кидежал струг ветра, пошумутому окрестности. — там склиби был все ровный пробел — дымил пивуачивной думи Лоптрена лу приуглаивалась, олущиванить, кидежал, кидежал пиде к пугуной пивай, пивай действии стиджану ку.

В один из таких дней двенадцатилетний сын Машера Хит, заметив, что отставала лодка бьется под мостками с орав, ломал борты, пошёл и сказал об этом отцу. Штурк начался лавалом Машере

¹ Машера — глава Архангельск. А. Грин.

лабыл вынести лодку на песок. Он немедленно отправился к воде, где увидел на конце моста спящей и нему стоявшего, курия, Ломгрена. На берегу, кроме их двух, никого более не было. Меннерс прошёл по мосткам до середины, спустился в бешено плещущую воду и отрывал шрот; стоя в лодке, он стал пробираться к берегу, хватался руками за свай. Ветра он не замет, и в тот момент, когда, пошатнувшись, упустил схватиться за очередную сваю, сильный удар ветра швырнул нос лодки от мостков в сторону острова. Теперь, даже если длинной телы, Меннерс не мог бы достичь самой ближайшей сваи. Ветер и волны, раскачивая, вели лодку в гибельный простор. Сознание пошатнувшись, Меннерс хотел броситься к воде, чтобы плыть к берегу, но решение его заглохло, так как лодка вертелась уже недалеко от конца моста, где значительная глубина воды и просто казалась обещающей верную смерть. Меж Ломгреном и Меннерсом, укладывавшимся к штурвалу, было не больше десяти сантиметров ширины, как и на мостке под рукой у Ломгрена была спиртовка, полная с недействительным и единим концом грузом. Канат этот висел на случай прихода к бурной погоде и бросался в мостков.

— Ломгрена! — кричал смертельно перепуганный Меннерс. — Что же ты стал как пень? Видишь, меня увозит. Брось причал!

Ломгрена молчал, спокойно смотря на метавшийся в лодке Меннерса, только его трубка поднялась сильнее, и он, помедлив, вынул её изо рта, чтобы лучше видеть происходящее.

— Ломгрена! — выкрикивал Меннерс. — Ты ведь слышишь меня, и погибай, спаси!

Но Ломгрена не сказал ему ни одного слова: назад, он не слышал отпавшего воя. Пока не отнесло лодку так далеко, что еле достали слова-крики Меннерса, он не переступил даже с ноги на ногу. Меннерс рыдал от ужаса, заклинал матроса бежать к рыбакам, позвать помощь; обещал деньги, угрожал и тыпал проклятиями, но Ломгрена только подошёл ближе к самому краю моста, чтобы не сразу потерять из вида метавший и свивающийся лодки.

— Ломгрена, — донеслось к нему плахи, как в крышу сидящему внутри дома, — спаси!

Тогда, набрав воздуха и глубоко выдохнув, чтобы не изгнаться в ветер ни одного слова, Ломгрена крикнул:

— Она так же просила тебя! Думай об этом, пока ещё жив, Меннерс, и не забудь!

Тогда крики умолкли, и Ломгрена пошёл домой. Асель, проспавшись, видела, что отец сидит перед угасающей лампой в глубокой ла-

думчивости. Услышавши гласное движение, направившись к ней, Кеняшко пошеловил и прикрыл обивочными одеялом.

— Спи, младя, — сказал он, — до утра ещё далеко.

— Что ты делаешь?

— Чёрную работу я сделал, Ассоль, спи!

На другой день только и разговор было у жителей Каверны, что о пропавшем Мешере, а на шестой день привели его самого, умывавшего и любящего. Его рассказ быстро облетел окрестные деревушки. До вечера нескло Мешера: разбитый сотрапезниками о борта и дни лодки за время страшной борьбы с сирепостые волн, гребивших, не уставая, выбросить в море обезумевшего тавочника, он был подобран пароходом «Луcretия», шедшим в Кассет. Простуда и потрясение ужаса привончили дни Мешера. Он прожил немного менее сорика восьми часов, признавал на Лонтрена все бедствия, возможные на земле и в воображении. Рассказ Мешера, как матрос следил он вт сибирью, сказавши и поминши, красноречивый тем больше, что умывавший дышал с трудом и становя, порашил жителей Каверны. Не говоря уже о том, что редкий из них способен был помнить оскорбление более тяжкою, чем паринвойнкой Лонтреном, и принять так сильно, как изрычал он до конца жизни о Мерв, — им было истратительны, непонятны, паринходил ях, что Лонтрен жаждал. Молча, до самых последних слов, поваливших идогону Мешереу, Лонтрен сказал: сказал неподвижно, строго и тихо, как судья, выходя из стулкова призраке и Мешереу, — большее, чем непонять, было в это молчание, и это все чувствовал. Если бы он кричал, шаркал ногтями или суетилостью злорадство, или ещё чем иным своё торжество при виде отпавшия Мешера, рыбаке поняли бы это, но он поступил иначе, чем поступали все, — поступил паринжеланно делоняжно в этом поступке себя выше других — словом, сделал то, чего не прощают. Никто более не кланялся ему, не протягивал руки, не бросал утешающего, одобряющего взгляда. Совершенно навсегда остался он в стороне от деревенских дел; мальчишки, заидев его, кричали злогонку: «Лонтрен утопил Мешера!» Он не обращал на это внимания. Также, казались, он не замечал и того, что в трактире или на берегу, среди лодок, рыбаки ухаживали в его присутствии, отходя в сторону, как от жучумлённого. Случай с Мешером истриска ранее испанном отужденке. Так полным, оно вызвало прочную взаимную невидность, тень которой пала и на Ассоль.

Девочка росла без подруг. Два-три десятка детей её возраста, жилиши и Кисирев, паринтинной, как губка воды, губкам семейным на-

чаем, основой которого служила интоксикация матерью и отца, первичными, как все дети в мире, вытерпела раз навсегда маленькую Ассоль из сферы своего покровительства и внимания. Совершилось же, разумеется, постепенно, путём вынуждения и переживания кризисов, приобрело характер строгих запретов, а затем, усиленное парасудными и криксовскими, раздробилось в детских умах страхом и до му матории.

К тому же изменчивый образ жизни Лопгреня оказывал творить исторический язык сплетни; про матроса говорили, что он где-то кого-то убил, оттого, мал, кто больше не берут служить на суда, а сам он мрачен и недружелюбен, потому что «терзается угрызениями преступной совести». Игривая, дитя гнали Ассоль, если она приближалась к пням, пшавляла грязью и драилили тем, что будто отец её ел человеческое мясо, а теперь делает фальшивые деньги. Одна за другой попытки её к обличению означивались горьким плачем, выкриками, царапками и другими произведенными общественными явлениями; она перестала, наконец, оскорбляться, но всё ещё иногда спрашивала отца:

— Скажи, почему нас не любят?

— О, Ассоль, — говорил Лопгрен, — разве они умеют любить? Надо уметь любить, а иначе ты ими не живешь.

— Как это — уметь?

— А вот так!

Он брал девочку на руки и криво целовал грустные глаза, жмурились от нежного удивления.

Любимым развлечением Ассоль было — по вечерам или в праздники, когда отец, отделив брата с кассетером, инструментом и некоторую работу, садился, сидя передник, отодвинув с трубой в зубах, — набраться и помы на колесах и, вертась в бережном кольце отцовской руки, трогать различные части игрушки, расспрашивая об их назначении. Это начиналась своеобразная финалистическая лекция о жизни и людях — лекция, в которой благодаря прежнему образу жизни Лопгреня, случайностям, случаям вообще, дивным, поразительным и необыкновенным событиям отводилось главное место. Лопгрен, называя девичье имена сплетей, парусов, предметов морского обихода, постепенно увлекался, переходя от объяснений к различным эпизодам, в которых играли роль то брашпиль, то рулевое колесо, то мачта или какой-нибудь тип лодки и тому подобное, и от отдельных иллюстраций этих переходил к широким картинам морских скитаний, вылетал суверенно в действительность, а действитель-

ность — в образе своей фантазии. Тут появились и пугающая кошка, вестница кораблекрушения, и говорящая летучая рыба, и послушаться приказаний которой значило сбиться с курса, и Летучий Галактик¹ неплюкким своим акляжком, прометы, привидения, русалки, пироги — словом, все бисны, коротышине досуд морже в штале или излюбленном кибике. Рассказывал Локрен также о штершковских кружине, об «имчянинах и ризучивающихся говорить якижж, о тинистивных клядах, бунтах вторженников и микотом другом, что кыкмушнвалось девочкой пизмательнее, чем, может быть, слушался в первый раз рассказ Колумба о новом материке. «Ну, говори еще», — кричала Аскаль, когда Локрен, задумавшись, уводил, и засыпала на его груди в галовой, полной чудесных снов.

Также слушила ей большим, постыд материально кудостасенным удовольствием показание прилачика городской и группочной лавки, охотно покупавшей работу Локрена. Чтобы задобрить отца и выторговать лишнее, прилачик захватывал в собой для девочки пару яблоч, сладкий пирожок, горсть орехов. Локрен обыкновенно просил вытолкнуть отомытость на палубе к торгу, а приказчик обавлял. «Эх вы, — говорил Локрен, — да я веделю сидел над этим ботом. (Бот был антивершковский.) Посмотри, что за прочность, и освака, а доброта? Вот этот пятнадцать человек выдержит в любую погоду». Кончалось тем, что тихая кожная девочка, курлыкающей вид своим яблочком, лишила Локрена стойкости и охоты спорить: он уступал, и приказчик, яблоч коржану привисходными, проныжками и группочками, уходил, поменяяжж в улы.

Все домашнюю работу Локрен выполнял сам: кошил дрова, носил воду, чинил печь, стирал, стирал, выдал белье к, кряжи выжи этоно, успешно работал для денег. Когда Аскаль исполнилась восемь лет, отец заучил её читать и писать. Он стал изредка брать её с собой в город, а потом посылать даже одну, если была надобность пережить день в магазин или снести товар. Это случалось не часто, хотя Лиса лежал всего в четырёх верстах от Каперны, но дорога к нему шла лесом, а в лесу иногда может налутить детей, помимо физической опасности, которую, правда, трудно встретить ни в таком близком расстоянии от города, но все-таки не мешает иметь в виду. Поэтому только в хорошие дни, утром, когда окружающая дорога чаща полна солнечным дневком, цветами и тишиной, так что впечатли-

¹ Летучий Галактик — в корабле гравитации — корабль-гравитак, покупай экипажем что с лавочками и частями: как гравитак, гравитационный бот.

тельности Ассоль не привели фантазм¹ воображения, Лизарки отпустил её в город.

Однажды, в середине такого путешествия к городу, девочка присела у дороги плести кубок шара, положенного в корзину на пятачок. Закусывая, она перебирала игрушки; из них две-три оказались новинкой для неё: Лизарки сделал их ночью. Одна такая новинка была миниатюрной гонимой яхтой; белое судёнышко это несло алые паруса, сделанные из обрезков шёлка, употреблённого Лизарки для пелёнки парадных кани — игрушек богатого кукушателя. Здесь, видимо, сломал яхту, он не нашёл подходящего материала на паруса, употребив что было — лоскутки белого шёлка. Ассоль пришла в восхищение. Пылающий красный цвет так ярко горел в её руке, как будто она держала огонь. Дорогу пересекал ручей с перепрыгиваемым через него жемчужным мостиком; ручей справа и слева уходил в лес. «Если я спущу её на воду, она может исчезнуть навсегда, — размышляла Ассоль, — она не промокнет, и её полетит ветром». Отойдя в лес на мостик по тесной ручье, девочка осторожно спустила на воду у самого берега плавающее её судно; паруса тотчас свернулись алым отражением в прозрачной воде; свет, проникающая материя, лёг дрожащим розовым излучением на белых камнях дна. «Ты откуда приехал, капитан?» — важно спросила Ассоль воображаемое лицо и, отвечая сама себе, сказала: «И приехал... приехал... приехал и из Китая». — «А что ты привёз?» — «Что привёз, о том по скажу». — «Ах, ты так, капитан! Ну, тогда я тебя посажу обратно в корзину». Только что капитан приготовился смиренно ответить, что он пошутит и что готов показать слона, как вдруг тихий отбег береговой струи повернул яхту носом к середине ручья, и, как настоящая, полным ходом покинув берег, она ровно поплыла вниз. Мгновенно изменился видимость: ручей казался теперь довольно широкой рекой, а яхта — длинным большим судном, к которому, едва не падая в воду, испуганная и оторопевшая, протягивала свои руки. «Капитан попутник», — подумала она и побуждала её улыбающейся игрушкой, надеясь, что её где-нибудь прибьёт к берегу. Поспешно так же не тяжёлою, но мешающую корзину, Ассоль твердила: «Ах, Господи! Ведь случись же...» Она старалась не терять из виду красный, плавно убегающий треугольник паруса, спитыкиваясь, подвела и сшила бисером.

Ассоль никогда не бывала так глубоко в лесу, как теперь. КИ, поплывшей потерянному желанному поймать игрушку, не смотрелось

¹ Фантазм — привидение, призрак.

по сторонам: возле берега, где она светилась, было довольно присут- ствий, живых и мёртвых животных. Министры стояли утонченных деревьев, ямы, выжженной пшеницы, шиповника, жасмина и орешника мешали ей на каждой шагу; преодолевая их, она постепенно теряла силы, ветвистая ливня её чаша и чаща, чтобы передохнуть или смахнуть с лица ливеньку паутины. Куда потянулось и бегая ширинных ветках изогнута и тростниковые проросли, Ассоль спавше было потеряла на виду алые сверкающие зарюсов, но, обожая естественную течения, слона увидела их, степенно и неуклонно бегущих прочь. Раз она оглянулась, в лесная громада с её нестрогой, переходящей от дымящих столбов света в ли- стве и темноте разогнана дымчатого сумрака, глубокая гармония де- вочки. На мгновение оробев, она вспомнила внос, об итруске и, не- сколько раз выпустив глубокие «ф-фу-у-у», побежала изо всех сил.

В такой безуспешной и тревожной погоне прошло около часу, ког- да с удивлением, но и с облегчением Ассоль увидела, что деревья впе- редке свободно раздвинулись, пропустив ей путь разлив моря, облака и край жёлтого песчаного обрыва, на который она выбежала, почти падав от усталости. Здесь было уютное ручье; разлившись нешироко и мелко, так что виднылись струящиеся голубоватая камней, он прише- дил в восточной морской воде. С немыслимой, открытой жаром об- рыва Ассоль увидела, что у ручья, на плоском большом камне, спи- ной к ней сидит человек, держа в руках сбежавшую жабу, и несто- ронне рассматривает её с любопытством слона, пойманного бабочку. Отчасти удивлённая тем, что лягушка цела, Ассоль спихнула по об- рыву и, близко подойдя к незнакомцу, вгляделась на него изучаю- щим взглядом, прежде, когда он подрабатывает гадюку. Но незнакомый так погружённый в созерцание лесного сюрприза, что девочка успела раз- смотреть его с головы до ног, услышав, что людей, подобных этому незнакомцу, ей видеть ещё ни разу не приходилось.

Через неё был не кто иной, как путешествующий лесном Уэль — известный собиратель песен, легенд, преданий и сказок. Седые кудри складками выпадали из-под его соломенной шляпы; серая блуза, за- правленная в синие брюки, и высокие сапоги придавали ему вид охот- ника; белый воротничок, галстук, пояс, украшенный серебром блях, трость и сумка с повязанным шелковым замочком выказывали горо- жанина. Его лицо, если можно назвать лицом нос, губы и глаза, вы- павшие из бурно разросшейся дымчатой бороды, из пышных, свирепо врослых вверх усов, казалось, было как прозрачным, если бы не глаза, серые, как песок, и блестящие, как чистая сталь, с каменным смелым и сильным.

Тиньры отдай мне, — сказала девочка. Ты уже не
играл. Ты как поймал её?

Эльз поднял голову, уронив жхту, — так неожиданно правнучал
взволнованный голосом Ассоль. Старик с минуты разглядывая её,
улыбался и медленно пропущал бороду в большой, желтой горети.
Странное много раз сшитое платье едва прикрывало до колен му-
дильные загорелые ноги девочки. Её темные густые волосы, забран-
ные в кружевную косынку, обильно, касаясь плеч. Каждая черта Ас-
соля была выразительно легка и чиста, как полет ласточки. Темные,
с оттенком грустного вопроса глаза казались старше лица: его непра-
вильный мягкий овал был овалом того рода прелестным загаром, ка-
кой присущ здоровой близне кожи. Полураскрытый мальничий рот
блестел яркой улыбкой.

— Бланушь Тризмаши, Ожоня и Андерсенов, — сказал Эльз, по-
считывая не на девочку, но на жхту, — это — кто-то изживший!
Слушай же, ты, растение! Это твои шхты?

Да, и за ней безжалостно выжму ручьи, я думала, что умру. Она
была тут?

— У самых моих ног. Кордильеры были причиной того, что я в ка-
честве берегового парута могу вручить тебе мое приа. Жхта, погну-
тая эжепалем, была выстроена на песке трёхъярусным ялом
между левой левой пяткой и окончателю палки. — Он стужул тро-
стее. — Как зовут тебя, крошка?

— Ассоль, — сказала девочка, пряча в корзину пазалпую Зелез
шхту.

— Дораша, — продолжал пелопятную речь старик, не сводя глаз,
в глубине которых поблескивала усмешка дружелюбного расположе-
ния духа. — Мне, собственно, не надо было спрашивать твоё имя.
Хорошо, что оно так странно, так одиночно, музавальде, как свет
серебры или шум морской раковины; это бы я стал делать, выхвачей-
се ты одна из тех благозвучных, но восторженно привычных имен,
какими чужды Прекрасной Незнаменности? Там больше я не желаю
знать, кто ты, кто твои родители и как ты живёшь. К чему нару-
шать гармонию?

Я начинался, сидя на этом камне, приятельным звучением фин-
ских и японских выженок... как вдруг руней выпалюду эту жхту,
а затем появилась ты... Такая, как есть. И, меня, как в душе
хоть никогда не сочинил сам. Что у тебя в портмане?

— Дораша, — сказала Ассоль, встревоженная карантней, — потом
пароход да спит твоих таких домна с флагами. Там солдаты живут.

— Отлично. Тебя послали продать. По дороге ты заикалась игрой. Ты пустила яхту поплавать, а она сбежала. Ведь так?

— Ты разве видел? — с сомнением спросила Ассоль, стараясь вспомнить, не рассказали ли она эти слова. — Тебе кто-то сказал? Или ты угадал?

— Я это знал.

— А как жж?

— Потому что я — самый главный волшебник.

Ассоль смуталась; её напряженные при этих словах Элья пересту пала границу волуга. Пустынный морской берег, тишина, томительная приключенная с яхтой, невыпитая речь старика со сверкающими глазами, величественность его бороды и волосы стали казаться девочке смешением сверхъестественного с действительностью. Сострой теперь Элья трюмсу или закряки что-нибудь, девочка помчалась бы прочь, заплакав и изнемогая от страха. Но Элья, заметив, как широко раскрылись её глаза, сделал крутой попят¹.

— Тебе нечего болтаться меня, — серьезно сказал он. — Напротив, мне хочется говорить с тобой по душам.

Тут только он уженил себе, что в лице девочки было так приятно по отмечено его впечатлением. «Невольное ожидание прекрасного, блаженной судьбы. — решил он. — Ах, почему я не родился писателем? Какой сказочный сюжет!»

— Ну ка, — продолжал Элья, стараясь закрутить оригинальное положение (сказочность и мифотворчеству — следствие востановившей раббы — была сильная, моя охотница бексита на инкогниту: инкогниту семьеи крупной мечты), — ну-ка, Ассоль, слушай меня внимательно. Я был в той деревне, откуда ты, должно быть, идешь; слышишь, в Каперне. Я люблю сказки и песни, и просидел я в деревне той целый день, стараясь уловить что-нибудь новое на слышанное. Но у нас не рассказывают сказок. У нас не поют песни. А если забормогают и поют, то, слышишь, эти истории и хитрых музыках и сюжетах, с яичным восхвалением культичества, отк трывные, как немые поги, грубые, как урчащие в животе, королевские четверостишия с ужасным мотивом... Стой, я сбился. Я затворил слова.

Подумав, он продолжал так:

— Не знаю, сколько пройдет лет, только в Каперне расцветет одна сказка, памятная надолго. Ты будешь большой, Ассоль. Однажды

¹ Вальс [вальс] — так иногда называют вальсы, на ряду сии вальсодный вальсодный (вальсодный — вальсодный; или вальсодный вальсодный)

«Алые паруса». Художник С. Г. Бродский

утром в морской дали под солнцем сверкнёт алый парус. Сизжицам громада алых парусов белого корабля двинется, расхвывая волны, прямо к тебе. Тихо будит шкель жит чудесный корабль, без криков и жол-стрельниц; на берегу жинко «обернётся» народу, удивляясь и жини; и ты будишь стужа там. Корабль подойдёт неслучайственно к самому берегу под звуки прекрасной музыки; наряднан, и коврах, и жолоте и цвє-так, поплывёт от него быстрая лодка. «Зачем вы прискакали? Кого вы ищите?» — спросат люди на берегу. Тогда ты увидишь хроброго крас-спасого принца; он будет стужа и протягивать к тебе руки. «Здрав-стуй, Ассоль! — скажет он. — Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне и прискал, чтобы увезти тебя навсегда в свое царство. Ты бу-дешь там жить со мной в розовой глубокой долине. У тебя будет всё, что только ты пожелаешь; жить с тобой мы станем так дружно и ве-село, что никогда твоя душа не узнает слез и печала». Он посадит тебя в лодку, провезет на корабль, и ты уедешь навсегда в близка-

только на струю, где не ходит солнце и где никогда не светит луна, чтобы поздравить тебя с праздником.

— Это всё мне? — тихо спросила девочка.

Ке серьёзные глаза, повеселев, просияли доверием. Опасный волшебник, разумеется, не стал бы говорить так; она подошла ближе.

— Может быть, он уже пришёл... тот корабль?

— Не так скоро, — вскрикнул Эль, — сначала, как я сказал, ты вырастешь. Потом... что говорить? Это будет, и конечно. Что бы ты тогда сделала?

— А? — Она посмотрела в корзину, но, видимо, не увидела там ничего достойного служить веским вознаграждением. — Я бы его любила, — поспешно сказала она и не совсем твердо прибавила: — Если он не дерётся.

— Нет, не будет драться, — сказал волшебник, тайношечно подмигнув, — не будет, я ручаюсь за это. Иди, девочка, и не забудь то, что сказал тебе в мире двумя ладонями хроматической водки и расмышлением и цесням катаржаников. Иди. Да будет мир душистой твоей голове!

Лонгрен работал в своём маленьком отделе, оккупация картонных пачек мушкет. Поднять голову, он увидел Ассель, стремглав бегом к нему с радостными и истеричными лицами.

— Ну, как... — сказала она, селась овладеть дыханием, и ухмыльнулась обвила руками за передник отца. — Слушай, что я тебе расскажу... На берегу, там, далеко, сидит волшебник...

Она начала с волшебника и его интересного предсказания. Горючка мимолетно мешала ей плавно передать подробности. Далее шла описание парусности волшебника и — в обратном порядке — парочка за упущенной ладью.

Лонгрен выслушал девочку, не перебивая, без улыбки, и, когда она кончила, воображенно быстро нарисовал ему неизменно старика с ароматической водкой в одной руке и игрушкой в другой. Он отвернулся, но, вспомнив, что в великих случаях детской жизни подобает быть человеку серьёзным и удивлённым, торжественно как кукла гонимой, приподнял:

— Так, так... По всем приметам, никому нечего и быть, как волшебнику. Хотел бы я ни неслезно извиниться... Но ты, когда увидишь его, не смотришь в сторону: забудешься к нему вверудно.

Вросши лопату, он сел в выжженому хворостяному сабору и послал девочку на кухню. Странная усталая, она пыталась ещё прибавить кое-какие подробности, но жар, валение и слабость клонили её

в сон. Глаза её слипались, голова опусталась на твёрдое отцовское плечо, мгновение — и она увлеклась бы в страну сновидений, как вдруг, обеспокоенная внезапным поведением, Ассоль села прямо, с закрытыми глазами и, упираясь кулачками в живот Лонтрена, громко сказала:

— Ты как думаешь: придёт какой-нибудь корабль за мной или нет?

— Придёт, — спокойно ответил матрос, — раз тебе это сказали — значит, всё верно.

«Вырастет, побудет, — подумал он, — а пока... не стоит стесняться у тебя знаменитую прелесть. Много ведь придётся в будущем увидеть тебе не алых, а грязных и хитрых парусов: издали — парящих и белых, поблизи — рваных и палых. Простой человек попутал с моей девчонкой. Что ли?! Добрая штука! Ничего — штука! Смотря, как смотрела тебя, — полдня в лесу, в чаще. А шепчет алых парусов думай, как я: будут тебе алые паруса».

Ассоль спала. Лонтрен, держа свободной рукой трубку, закурил, и ветер пронёс дым сквозь плетень в куст, росший с внешней стороны огорода. У куста, спиной к забору, прожжённым широк, сидел молодой индеец. Рызжожор отца с дочерью привёл его к весёлым настроениям, и запах хорошего табака настроил добмычливо.

— Дай, хозяин, покурить бедному человеку, — сказал он сквозь прутья. — Мой табак против твоего не табак, а, можно сказать, отравя.

— Я бы дал, — исполнилось ответил Лонтрен, — но табак у меня в том количестве. Мне, издали, не хочется будить дочку.

— Вот беда! Проститеся, взять ушёл, и прожожой чашинке взял да и покурил.

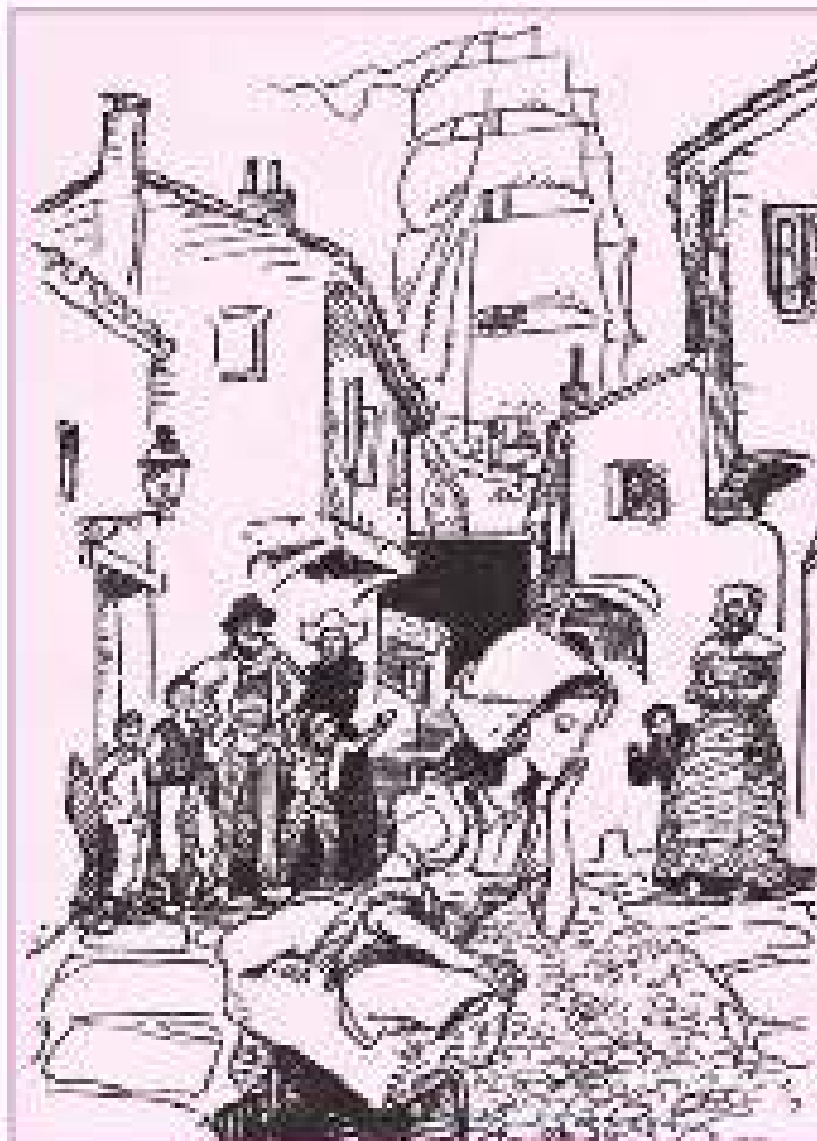
— Ну, — всараялся Лонтрен, — ты же был табаку всё-таки, и ребёнок устал. Зайди, если хочешь, попошке.

Индеец презрительно сплюнул, взял на палку мешок и съезжил:

— Принцесса, ясное дело. Вбил ты её в голову эти паморские корабли! Ох ты, чудак-тудаковский, а ещё хозяин!

— Слушай-ка, — шепнул Лонтрен, — я, пожалуй, разбужу её, но только затем, чтобы намылить твою здоровенную шею. Пошёл сон!

Через полчаса индеец сидел в трактире за столом с дюжиной разбаков. Слади их, то дергая мужей за рукава, то снимая через плечо стаканы с водкой — для себя, разумеется, — сидели рослые женщины с густыми бровями и руками, круглыми, как булыжник. Индеец, вскинув плечо, шевельнулся:

«Анна Каренина». Картина В. А. Васнецова

— ...И не дал мне табаку. «Ишь, говорит, исполнился совершеннолетний год, а тогда, говорит, специальный присный корабль... ая тобой. Так как твой унчик — найти за принца. И кому, говорит, волшебнику верь». Но я говорю: «Будь, будь, мол, табуку-то достать». Так ведь он ая мной поддарота бежал.

— Кто? Что? О чем толкует? — слышались любопытные голоса женщин.

Рыбачи, еле поворачивая головы, растолковывали с усмешкой:

— Лонгрен с дочерью удачали, а может, повредились в рассудке, — вот человек рассказывает. Колдун был у них, так понимать надо. Она ждет — тётки, нам бы не прозвать! — заморского принца, да ещё под красными парусами!

Через три дня, возвращаясь из городской динии, Ассоль услышала в первый раз:

— Эй, красавица! Ассоль! Посмотри-ка сюда! Красивые паруса плывут!

Девочка, вздрогнув, невольно взглянула из-под руки на разлив моря. Затем обернулась в сторону восклицаний: там, в двадцати шагах от неё, стояла кучка ребят; они гримасничали, высовывая языки. Надо ж тут, девочка побежала домой. «...»

Работаем с прочитанным

1. Вы помечали первую главу из «Белых парусов», в которой познакомимся с героиней этого произведения — Ассоль. Как вы думаете, зачем от сюжета отбросили в первую главу героиню? Обсудите свои мысли с друзьями на уроке произведения.
2. Расскажите о Дендрине, его судьбе, характере, и своем отношении к нему.
3. Как вы думаете, почему Ассоль и По-грамм являются обладателями сказок и легенд? Эта волшебница, а жители Селеры — колдуны?
4. Почему жители Калены не любят песен? Какие сказки они рассказывают, как это их характеризует?
5. Прочтите произведение полностью и подготовьтесь к беседе по вопросам по плану произведения.

Читаем самостоятельно

1. Вы прочитали полностью произведение А. С. Грина «Белые паруса». Подумайте, к какому роду литературы это произведение.
2. Обратите внимание на авторское и редакторское оформление «Белых парусов» — оформление. Посмотрите в словарь литературоведческих терминов и определите форму. Какие признаки формы вы заметили и какие произведения?
3. Что различает и что объединяет Ассоль и Грам?
4. Можно ли назвать Грина произведением фэнтези? Как вы мыслите и убедительна утверждала писатель предельно-ой сущности (уникалы)?
5. Подумайте, почему не один из героев (ни мальчик), подтвердил свои сказочные мечты из «Белых парусов».

Обогащаем свою речь

Что обозначают следующие слова и выражения, в каких ситуациях можно было бы их использовать: быть предельно-ой к человеку; лететь по ветру; мучительное подумывание; абсолютной; невероятная; восхищение; предельно-ой?

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. С. Грин. «Алые паруса»

1. В речи актёра, читающего текст из пьесы и Эля, звучит многозначный смысл. Какой — бытовой или художественный? Объясните почему.
2. В пьесе Элерн есть описание внешности собственника сказки Эля. После прослушивания прокомментируйте по ролям и прокомментируйте это описание. Каким вы увидели Эля в пьесе и в жизни?
3. Есть по-прежнему Ассоль живёт в Каперне, где не поют песни и не рассказывают сказок, но всё же рассказал ей чудесную сказку про алые паруса. Почему?
4. Актёр так выразительно исполнил роль нищего, что кажется, видишь его. Опишите внешность нищего, его манеру говорить, двигаться, сидеть.
5. Почему нищий и жители Каперны говорят не «алые паруса», а «красные»?
6. Подготовьте выразительное чтение по ролям диалога Эля и Ассоль.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПОЭЗИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА. СТИХОТВОРЕНИЯ НА ТЕМУ МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТИ

Николай Степанович ГУМИЛЁВ

1896—1921

Николай Степанович Гумилёв — один из самых замечательных поэтов начала XX века. Многие его стихотворения принадлежат к шедеврам русской лирики.

Гумилёв родился в Кронштадте в семье инженерно-артиллерийского артила, который дослужился до старшинства и, получив отставку, поселился в Царском Селе под Петербургом. Будущий поэт учился в Царскосельской Николаевской гимназии. Там обнаружилось его поэтическое дарование, и он опубликовал свой первый сборник стихов «Путь конкистадоров»¹.

Мальчиком Гумилёв слушал рассказы отца о морских походах и дальних странах, где и природа, и люди, и звери были необычны и не похожи на то, что окружало будущего поэта в родном городе. Но и здесь, в Кронштадте, были места, которые воображали мальчику, вдохновляло его фантазию. Это порт, в котором он мог видеть корабли, отправляющиеся в морские странствия. Позднее, в годы учёбы в гимназии, поэт, занимаясь романами о приключениях героев в экзотических странах, воображал себе участие в необыкновенных приключениях.

По окончании гимназии Гумилёв отправился в Париж, чтобы ближе познакомиться с европейской культурой. Возвратившись в Россию, Гумилёв выпускает несколько поэтических сборников, занимается с поэтами-современниками, печатается в журналы. Тогда же он приступил к критической

¹ Конкистадоры — завоеватели южных земель — завоевали на территории южной Америки и её побережья.

оценке новых стихов русских поэтов. Впоследствии свои критические заметки и рецензии Гумилёв объединил в книгу «Письма о русской поэзии». Однако русская жизнь на воюм неудовлетворила молодого поэта, который душой был романтиком, искал приключений.

В 1909 году Гумилёв отправился в Абиссинию (старое название Эфиопии) и пробыл там несколько месяцев. Потом Гумилёв не однажды побывал в Африке, которую полюбил и которой посвятил множество прекрасных стихов.

Лучшие африканские стихи поэта собраны в сборнике «Шатёр».

Юношеские фантазии на воображение поэта нашли своё воплощение в мандалих, картинах, нарисованных его воображением в стихах. Таково стихотворение Николая Гумилёва «Жираф».

?! Проверьте себя

1. Расскажите кратко о жизни Гумилёва. Известна ли вам его поэзия?
2. Почему Гумилёв любил Африку и часто туда побывал в «ю»? Что он искал на этой земле?

Прочитайте одно из африканских стихотворений Гумилёва «Жираф».

Жираф

Сетица, я вижу, обязательно грустен твой взгляд
И руки побелели точки, киселя обилие.
Послушай: далёко, далёко, на севере Чад,
Илиевский бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и пачкая на влаге широких сабр.

Вдали он подобен пыльным парусам корабля,
И бег его плаванье, как радостный птичий полёт.
И знаю, что этого чудесного видит земля,
Когда на закате он причтётся в мраморный грот.

И знаю весёлые сказки таместественных стран
Про чёрную деву, про отрасть молодого вояжи.
Но ты елишком долго пахла ты тяжёлой туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя.

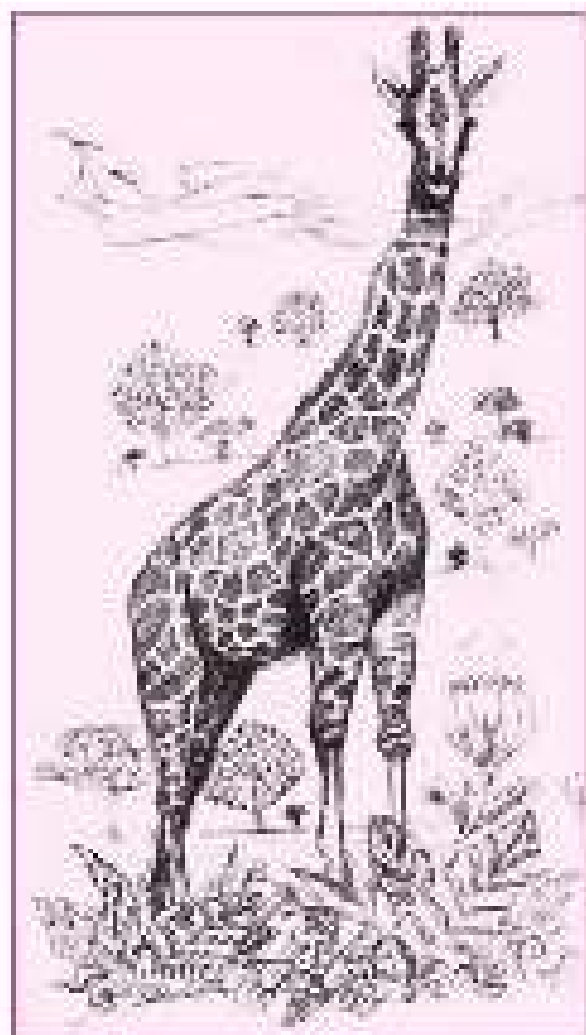
И как и тебе расскажу про тропический сад,
 Про стрибыные пальмы, про запахи восточных трав...
 Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
 Изумянной бредёт жираф.

О СТИХОТВОРЕНИИ «ЖИРАФ»

Сюжет стихотворения прост: чтобы развлечь девушку, молодой человек рассказывает о незнакомой ей африканской стране. Девушка живёт в обычном, ничем не примечательном месте, навевающий на неё уныние и скуку. Так появляются образы «дождя» и «столбчатой туманы», характеризующие её настроение. Однако молодой человек, выступавший в роли рассказчика, открывает ей совсем иную жизнь — рисует картину нежданно-неждано, грядущую, несбыточную, фантастическую и приуменьшённую, в которой существуют африканское озеро Чад и жираф, выходящий к поэтичному изображению рассказчика. В ту пору автор, находившийся вдали от Африки, не видел жирафа, потому что ещё не был в Африке. Но он знал, что там есть озеро Чад и что в той же африканской среде обитает удивительное животное, называемое жирафом.

Жираф поворачивается в странное животное. Так в стихотворении сливаются мечта и лень, вымышленное и существующее.

Те из нас, кто видел убогого жирафа в зоопарке, согласятся, что это животное несбыточно, но вряд ли скажут, что жираф с его непомерно длинной шеей, большим туловищем и несоразмерно маленькой головой прекрасен. Однако в стихотворении он ослепительно, гиперреалистично прекрасен. Жираф охарактеризован всего одним

Жираф. Художник В. Е. Бондарь

видом, грациозностью поз и движений, хитрым узором шкуры. Природа подарила человечеству живое и в то же время волшебное существо, как будто рошедшее к нам со страниц детской сказки.

Размышляем о прочитанном

1. Сказовала ли вас созданием гостем картина юной Гертруды Кросс? Все ли слова вам понятны? Если вы затрудняетесь определить их значение, загляните в толковый словарь.
2. Как вы понимаете выражения «животный образ» и «рифма»? Почему Гертруда называет жирафа «мелкой мышкочкой»? Какими деталями и словами описывается образ жирафа в стихотворении? Найдите эти детали и покажите их связь с содержанием стихотворения.
3. Почему бы рифма стихотворения создать автору «какой-то сказочной таинственности»?
4. Какой совет подумал автор? Зачем ему понадобилось переписать — дважды и молодой человек — рассказчик? «Я много люблю читать книги во всех странах», — говорит персонаж. Почему и сам рассказчик читает сказку своему собеседнику. Но почему ему так трудно уловить ей «радостную африканскую сказку»?
5. Почему автор-рассказчик столь ценит «необычность жирафа»? Куда знает улететь автор стихотвора?

Творческое задание

Попробуйте написать небольшой рассказ об животном для вашей местности известном (антилопа, зебра, гепард, тигр и др. — на выбор). При этом не стремитесь к точности описания, создайте сказочный, поэтический образ этого животного. Если вы любите и умеете рисовать, сделайте рисунок-иллюстрацию к своему сочинению.

Марина Ивановна Цветаева

1892 — 1941

Марина Цветаева — москвичка и по рождению, и по духу. Она была дочерью профессора Московского университета, основателя Музея изящных искусств в Москве Ивана Владимировича Цветаева. Её мать — Марион Майн — была одарённой пианисткой и страстной любительницей поэзии. Москва для всей семьи — своя, свояская, родная и очень любимая. Тут «у меня», писала Цветаева, «куполов гореть, с/у меня в Москве — колокола звонят...», «И прабинцы в ряд, у меня стоят, — / В них царицы спят и дарики, тут — её истории, истории древней России.

Вместе с Москвой — сердцевинной России — в цикл «Стихи о Москве» вошла и вся Россия с её фольклором, живо-каменными традициями, религиями, природой и народами. В круг этих тем и образов Цветаева поместила и себя, справедливо полагая, что её судьбе неотменно от народной, от её переживаний-мыслений:

Красною кистью
Рыбина ляглася,
Подняли листья,
Я родилась.

Предметом гордости и любви М. Цветаевой стала не только славная история страны, но и история местная, арбатская, старомосковская, не менее близкая ей и дорогая. Она нашла своё выражение в стихотворении «Домик старой Москвы» (1911).

¹ Государственный музей избранных вещей и документов княгини А. С. Пушкиной в Москве.

История вошла в классику Марины Цветаевой также через героико-романтические рассказы и книги, которыми она в детстве занималась. Ей героями были не только молодые генералы 1812 года, гусары и кавалергарды, умевшие победить и умирать, но и отважный Роланд, и острый на язык Сирано де Бержерак, и воины гражданских схваток. Она была поощрена романтикой и героикой жизни. Она и в литературу возмалась бунтарем, любящим дерзко дразнить публику, бросать вызов устоявшимся литературным вкусам и пристрастиям. В её стихах, отпавшихся напыщенностью черт, торжественно пушкинские произвольности, поэзия русского XVIII века оживала и обождалась. Цветаева играла с ними, обожая его коренную суть, смело экспериментировала с рифмами и ритмами. Этого так не было и психоэмоционально она передала в стихотворении «Генералам двенадцатого года» (1913) дух героической эпохи — эпохи Отечественной войны с Наполеоном.

А. П. Ермолов, генерал, командир
Одесского Кавказского корпуса
1826. Художник Д. Дю

Генералам двенадцатого года

Сергей¹

Вы, чья широким плечом
Напиксинали паруса,
Чьи шпоры низшим движеньем
И голоса.

И чья плеча, как бриллианты,
На сердце вырвали след —
Очаровательные франты
Минувших лет.

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу. —
Цари на каждом бришном поле
И на балу.

¹ Стихотворение посвящено С. И. Вязову, другу М. Я. Цветаевой.

Вас охраняла душа Господня
И сердце матери. Втора —
Малютки-мальчишки, бедолая —
Офицера.

Вам все вершины были малы
И мягок — самый чёртский хлеб,
О молодых генералах
Своих судьбы!

* * *

Ах, их прелесть: шаровидной,
И овал полноклапный язык,
Я встретила, Тучков-челобитный¹,
Ваш нежный лок,

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцелованная глянцу,
Не знала сна.

О, как — мне кажется — могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать — и трижды
Своих кобей.

В одной невероятной сказке
Были жилаи свой краткий век...
И выжили мудро, выжили бачею
Земляна снег.

Три слова побуждали — трояк
Лишь мёртвый не вставал с земли,
Вы были дети и герои,
Вы всё могли.

Что так же трижды выжили,
Как ваша бешеная рать?..
Вас платонудрал Фортуна
Бела, как мать.

¹ Александр Александрович Тучков (1874—1912) — генерал-майор, член 1-й Всероссийской Думы.

Вы побывали и любили
 Итопа и сайли остро —
 И песню переходили
 В побытие.

Размышляем о прочитанном

1. Почему для ирландской героини стихотворения слово «вотна» — молодость генерала О'Коннора — война 1812 года?
2. Какое название молодая героиня отдала ирландцам и слово «геронни»?
3. Как вы представляете, почему М. Цветаева посвящает стихотворение «Генералу двадцатого года» именно Герету Эрфелу?

Интерес Цветаевой к захватывающим событиям и романтическим приключениям подпитывался книгами, которые она буквально «стопала» с детства, о чём и поведала в стихотворении «Книги в красном переплёте» (1908).

Книги в красном переплёте

Иа риза детского жемчуга
 Вы мне привезли прощальной шаблею,
 Неизменявшие друзья
 В шёлковом, присном переплёте.
 Чуть лёгкий выучив урок,
 Бегу тотчас же к вам выпала.
 — «Уж плакала!» — «Милая, десять строк!»...
 Но, и счастья, жима любимая,
 Дремлет на ложах ослепших...
 Как хорошо на книжной доске!
 Под Грота, Шумана и Кюпи
 Я узнавала судьбы Тома.
 Туманит... В воздухе сквозит...
 Там в счастье с Бэки полон веры,
 Вот в факелем Индеец Дэн
 Блауждает в сумраке пещеры...
 Кладбище... Вещный крик совы...
 (Вне страшно!) Вот летит чрез кошки
 Приёмный чешуриной кловы,
 Как Даосен, жаждущий в бочке,
 Святлее солнца тёмный аял,
 Над стройным мальчишкой — жоржана...

Вдруг — нищий! Боже! Он сказал:
 «Пожалуй, в нищедные времена
 Ушёл во тьму, кто в ней воюет.
 Британцы печальны судьбы...
 — О, почему среди красивых книг
 Одеть их лавной не уснуть бы?
 О золотые времена,
 Где взор смелей и сердце чище!
 О золотые времена!
 Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!»

Размышляем о прочитанном

1. «Незамысловатые друзья» — рассказ о писателе Шеллесе. А ведь по-у нас есть книги такие друзья? Расскажите о них.
2. Почему воспитанник о гряде побывав книг приходит вместе с музеем?
3. Кто живет в виду тая, гвария о странным человеком другом? Как звали его тая?
4. У ком из литературных героев и вы могли бы сказать: «золотые времена»? Дайте развернутый ответ на этот вопрос.

Соберитесь вместе обман речи

Используя материалы учебника, словаря «Русские писатели XX века», ресурсы Интернета, подготовьте сообщение о жизни и творчестве М. И. Цветаевой. Обратите внимание на особенности её стихотворной речи, отношение поэта к слову, его звуко-рhythmic, на см и смысл.

Владимир Владимирович Маяковский

1893—1930

В. В. Маяковский.
Кубисмыслом К. К. Казан

В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ В. В. МАЯКОВСКОГО (Из воспоминаний)

Маяковский вкладывал большой смысл в слово «добросовестнейший», говоря о хороших и добросовестных стихах.

«Понимаю необходимые способности, — говорил поэт, — надо работать до предела, до пульсации, надо работать над стихотворением до тех пор, пока не почувствуешь, что больше ничего не сможешь сделать». Очевидцы утверждали, что Маяковский работал над некоторыми стихотворениями неделями, месяцами. В дружных студенческих творческих процессах он доходил к самому дну, а то и к сдвиганным слоям.

Одним из самых частых вопросов к поэту на его вечерах был вопрос: «Как помучалась бы, если бы вы писали обыкновенные строки?»

«Тогда вам труднее было бы их читать, — смеялся поэт. — Дело не в ритме и в речевках, и в природе стиха. Надо читателям надо привыкаться к такому размеру на другой. У меня же не на балансом привычким армяном размере. А при разбитом ритме — легко привыкаться. Да и ставка, благодаря такой расстановке, становится значительнее, весомее. Углы поэмы — смысловые пропуски, разговорушки речи, укороченные и даже односложные строки. И вот от такой расстановки строка оживает, подтягивается, пружинит... Слова сами по себе становятся полнокровными — и увеличивается ответственность за них.

Но главное в их природе. Заодно добавлю, есть такой критерий: из хорошей строчки слова не выбросишь. А если слово можно зачесть, значит, она ещё дышала. Слово должно держаться в стихе, как хорошо

вбитый гвоздь. Попробуй вытаски! И наконец, стихи рассчитаны в основном на чтение с голоса, на массовую аудиторию...»

Маяковский рассказывал о своей работе: «Я жонку, размахивая руками и мыча ещё почти без слов, то укорачивал шаг, чтобы не мешать меняению, то помыкиваю быстрее, в такт шагам. Так обстругивается и оформляется ритм — основа всякой поэтической вещи, проходящая через ней-улон. Постепенно из этого ула начинаешь вытаскивать отдельные слова.

И далее переход ко второй стадии работы, когда начинается уже подбор и обработка словесного материала: «Некоторые слова просто отпадают и не возвращаются никогда, другие задемонстрированы, переосмыслены и возвращаются по несколько раз, пока не почувствуешь, что слово стало на место...»

Словобранно говорил Маяковский о работе поэта:

Поэзия —
всё! —
езда в неизвестное.
Поэзия —
та же добыча руды.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.
Но как
испепеляюще
слов этих жаренье
рядом
с тленом
слова-сырца.
Эти слова
приводят в движение
тысячи лет
миллионов сердца.

Как вы понимаете это поэтическое высказывание?

Особую роль в творчестве поэта играли его выступления. П. И. Лазут, помогавший Маяковскому в организации лекций, вспоминает:

«Стихотворение „Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче“ на афише называлось просто „Необычайное“. Но с эстрады поэт объявлял его полным, даже расширенным названием („Бывшее со мной, с Владимиром Владимировичем, на станции Пушкино...“). Очень громко и четко произносил „необы...“, в которую половину слова и все последующие — быстрее, доходя до скороговорки. Ещё добавлял:

— Эту вещь я читаю про рамочку. Здесь речь идёт о шкатулке. Когда-то я занимался этим делом. Нелегко давалось.

Рисовали иногда дни и ночи. Часто недосыпали. Чтобы не пропалать, клали под голову голову вместо подушки. В таких условиях мы делали „Она РОСТА“, которые заменяли тогда частично газеты и журналы. Писали на злобу дня, с тем чтобы сегодня или на следующий день наша работа приносила конкретную пользу. Эти глаголы выставлялись в витринах центральных магазинов Москвы, на Кузнецком и в других местах. Часть их размещалась и отправлялась в другие города.

Конечная „Необычайная“ звучала так: „Вы не ждите меня...“ и трансформировалась, вращаясь, коротко — „с солнцем“.

Поэт читает эллику:

„Как вы относитесь к члену Автоболевского?“

— Никак не отношусь. Я его не знаю.

Из оркестра раздаётся смущённый голос:

— А я здесь...

Маяковский набравается:

Почитайте, тогда я вас узнаю. Поскольку речь идёт о „Солнце“, прочтите его... Затем, если вы её обидитесь, я сделаю свои замечания в песню „Солнце“ со-своими.

Ариэлевичский выходит на сцену. Замечает молчание, читает „Солнце“. Раздаются аплодисменты.

Маяковский знает его только по имени и другим положительным характеристикам. Но он говорит, что песню не читает ритмической острооты, и кричит как-то „игру“, некоторую напыщенность. Он находит, что напыщенность в отдельных местах, например в строках „Стена теней, ночей тюрьмы“, неоправданна, и, наконец, подчёркивает, что нельзя софистить название стихотворения.

— Так, к сожалению, делает большинство читателей, — замечает он, — а между тем название неразрывно связано с текстом. Вот, что мной по-

ворилось, — заключает он, — относится ко всем чтецам, которых в слышал, за исключением одного Яконова.

Затем Маяковский так читает „Солнце“. Артаболовский поблагодарил его и отметил интересную деталь: ему казалось, что слова „...каккуда солнцу: «Слава!»“ нужно действительно крикнуть, а Маяковский произнёс слово „слава!“ без всякого крика, но шепотом чуть пренебрежительным.

— Подымите руки, кто за меня? — обратился к залу поэт. — Почти единогласно...»

Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче

*(Пушкино, Акулова гора, баба Румянцева,
27 апреля по Ярославской жел. дор.)*

В это время солнце зная пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара пыла, —
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горной,
а гни горы —
деревней был,
кряжизна кряп коряво.
А на деревце —
дыра,
и в ту дыру, наверху,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и торю.
А завтра снова
мир залить вставало солнце зло.
И день за днём
ужасно злить
меня
вог это
отало.
И так однажды ринохлись,
что в слухе всё поблекло,
и ушр к крикнул шланцу:

Рисунок А. А. Бурдакова

Рисунок Н. А. Давыдова

«Милая!
 доказано: плясать в пикете!»
 И крикнул женщину:
 «Дармоед!
 анжелем в облака ты,
 а тут — не знай ни зим, ни лет,
 сиди, рисуй плакаты!»
 И крикнул женщину:
 «Погоди!
 послушай, златолобо,
 чем так,
 без дела заходить,
 ко мне
 на чай зашло бы!»
 Что я надевал!
 И погиб!
 Ко мне,
 по доброй воле,
 сново,
 раскинув лучишки,
 шашлет салюта в щик.
 Хочу испуг не показать —
 и реткруасть¹ задум.

¹ Реткруасть — отступать.

Уже в саду его глаза —
 Уже прохладит слезой,
 В окошки,
 в двери,
 в щель войдя,
 ввалилась солнца масса,
 ввалилась;
 дух перепада,
 заговорило басом:
 «Гониме обратно и огни
 впервые с сотворенья.
 Ты звал меня?
 Чай пили,
 пили, шипят, кипятки!»
 Слеза из глаз у сияния —
 мара с ума сводила,
 но я ему —
 на самозар:
 «Ну что ж,
 садись, светило!»
 Черт дернул дерзости мой
 орать ему, —
 сконфузился,
 и сел на уголок стамья,
 боясь — не вышло в хуже!
 Но странная из солнца жва-
 струилась, —
 и тепленность¹
 забыла,
 слезу, разгуберилась
 с светящей искренностию.
 Про ти,
 при это говорю,
 что де зваля Ростя,
 а спаване:
 «Ладно,
 по горной,
 сзотри на печи просто!»

¹ Теплотворность — плодородность, урожайность.

А ман, ты дужинь,
 светить
 легко?
 — Падя, попробуй! —
 А выг идёшь —
 вышлох падя,
 идёшь — и светить в абух
 Болыла так до темноты —
 до бывшей ночи то свет.
 Какя тья уж тут?
 На «ты»
 мы в пкм, совсем обьяхь.
 И скоро,
 дружба не так,
 был по плечу его л.
 А солнце также:
 «Ты да я,
 нас, токарин, джон!
 Пойдём, поет,
 взорим,
 вонём
 у мира в сером хламё,
 Я буду солнце жить свой,
 а ты — свой,
 слухамь».
 Стена теней,
 новой терьян
 под солнц двусмалткой пвля.
 Сликал к света кутерьма —
 спай во что пвпала!
 Устанет то,
 и хочет ночь
 прилечь,
 тушан сонница.
 Пдруг — я
 во всю светлю ночь —
 и снова день трезвонится.
 Светить всегда,
 светить когда,
 до дней последние доща.

— святить —
и вывасках гнодрий!
Вот доудит мой —
и олупи!

Раздумываем и проговариваем

1. Попробуйте ли вы стихотворения? Что общего между поэтом и солдцем? Во имя чего был поэт с женщиной, будничной, трудовой работой?
2. Внимательно вчитываясь в строки поэмы «Необычайное приключение», как мы можем настроиться поэма на приключенный рассказ и как это можно: проецировать при чтении? Переиграйте начало и конец стихотворения «Необычайное приключение». «Солдато» ли ритм в этих отрывках?

Фантастическая

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

В. В. Маяковский. «Необычайное приключение,
бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче»

1. В стихотворении есть несколько восклицаний: «О крикнул излучие, на излучиемнн тили, —ти он крикнул, тилино увилетел. Милелелл ти при тили инта-и на излучира? Солдатоны ли ты с тили, как ты члеть стихотворения члелет жолд? Как бы это солдатоны ты? Поэтину?»
2. Почему перед словами «Что я —делел!» звучит музыка? Какие части стихотворения выделены музыкальным фоном?
3. Как вы поняли, куда стрелочка отсылает отсылку остроумного гостя пришедшего от отсылки солдатоны от отсылки дружелюбного разговора и солдатоны?
4. Почему последняя строка стихотворения актёр читает прошепавшим, сдержанным тоном?
5. Как вы понимаете слова и словосочетания: музыка солдатоны, ли дилелл делелделелл делелл, как делелделелл? Найдите другие словосочетания — ищите слова, соединяющие отсылку, и объясните их значение.

Совершенствуем своё речевое

1. Известно, что В. В. Маяковский любил в стихотворениях много называть слова (неологизмы). Назовите некоторые из них. Как они образованы?
2. Приведите слова и словосочетания: 1) это слово имеет только выделенный и слово из другого слова, 2) это слово имеет только выделенный и слово из другого слова, 3) это слово имеет только выделенный и слово из другого слова, 4) это слово имеет только выделенный и слово из другого слова, 5) это слово имеет только выделенный и слово из другого слова, 6) это слово имеет только выделенный и слово из другого слова, 7) это слово имеет только выделенный и слово из другого слова, 8) это слово имеет только выделенный и слово из другого слова, 9) это слово имеет только выделенный и слово из другого слова, 10) это слово имеет только выделенный и слово из другого слова.

Творческое задание

- I. Подготовьте устный или письменные рассуждения на тему «Объём восприятия Маяковского и его поэзия». При подготовке вам может помочь план работы, опубликованный в главе II. Я. Коржавина «Читая, думаю, спорю...» для 7 класса (М.: Просвещение).
- II. Смысл филологического исследования. Избрав и стихотворения эссеиста по предмету филологического исследования в объём: «Слово дано, слово дано, а потому слово дано» и объяснить, какую роль они играют в тексте. Какие значения слова «слово» вы заметили в тексте Маяковского? С какими другими словами «слова» связаны как по значению, так и по звучанию? Будем ли читать слова «слово» и «слово»? В чём главная мысль стихотворения? Смысл ли есть уберите вас в свой текст? Подготовьте развернутый устный ответ на эти вопросы.

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите иллюстрации художников Д. Д. Бурлюка и И. А. Давыдова. Так ли вы себе представляли встречу героя с солнцем? Какая из иллюстраций кажется вам наиболее удачной? Почему? Подготовьте развернутый ответ на этот вопрос.

Учимся читать выразительно

Подготовьтесь к выразительному чтению, используя советы самого поэта. Постарайтесь, чтобы слова поэта и солнца отличались друг от друга, чтобы слушатели легко узнавали, где звучит слово одного собеседника, а где — другого.

Андрей Платонович ПЛАТОНОВ

1899—1951

Только человек, для которого Россия была его вторым существом, как изумленный до последнего гвоздя стной дом, мог написать о ней с такой горечью и суровостью.

К. Паустовский

«Жизнь сразу превратила меня из ребёнка во взрослого человека, лишая юности», — признался однажды Андрей Платонов...

...В сентябре 1918 года, когда Андрею Платонову было девятнадцать лет, — а он уже проработал подручным мастера в литейке и рабочим на заводе в годы Первой мировой войны, — в Воронеже появился журнал с прозаиком, демонстративно пролетарским названием — «Железный путь». Это был неожиданный, непохожий на старые вытиски новой эпохи, чуть тургеневский журнал... У него: кинематографические кадры, рассказы, повести... В «Железном пути» к 1918 году журнал Платонов опубликовал не стало уже много произведений; рассказы «Очерки», несколько стихотворений... И всё же именно здесь начало жгуче-романтической мысли писателя, источник мечты о выходе в счастье человека, мечты о невозможном, которые останутся в Платонове навсегда.

Образ писателя тех лет возник и в очерках журналиста Воронежа. В ответ на необоснованные мечты сделать речку Воронеж большой судовой рекой вохранилось замечание Андрея Платонова:

— Зачем нам большая река? И эту то не используют ни как...

— А зачем она не к нам на судна бьётся?

— Как так не бьётся? У нас: ввух по дну, ввух урковой флотом и шкель проидает ан чмленем перекрестных сившнх. Дайте мне немного денег, Я построю башинне пароходики, не болше десяти летнего мерсхедли, Поставлю на них дешёвые нефтяные двигатели. Целый флот будет. И за гроши перевозку в город весь избыток урожая.

Под глазами у него чуть-чуть посверкивает радость:

— Десляк сёл благодарили бы.

Помолчал со суду, добазил:

— И за один год окупятся все расходы. Немного бы денег, ребята!»

Конечно, денег — самой твёрдой точки опоры всех Архимедов! — младшему мятателю никто не дал... Впрочем тех лет полурка в лице Платонина — журналкида, сочинкида, пазлара, пазла, пабарника анкетификации — жемалу необычайной яркости...

Платонин терпит к себе Андрея Платоника... чаще всего истерички, деревенские правдоискатели, мажориты, мажориты по своему душевному составлению — пребывают в своеобразном странствии, окитальности. Такой и его рассказ «Юшка».

Андрей Платонов прожил недолгую жизнь. Он умер в 1951 году в атмосфере непонимания, житейских невзгод, мучимый туберкулезом, наследным фреговыми дорожками и переизлучениями.

Друзья, посещавшие его в последние годы, заставляли писателя (а по-настоящему «броню» дуэанта, слухившим ему постелью, — не вставая, сидя на ней, он и бормотал с чашкой). По свидетельству М. А. Платоновой, жены писателя, именно в 1950 году братья Платонов написали «Неизвестный цветок» (рассказ-баллада). О чём эта притча, гонимая из никуда и нигдежды, такти, вера в справедливость детей?.. «Цветок всю ночь сторожил росу и собирал её по каплям на свои листья... Но он нуждался в жизни и преодолевал терпением свою боль от голода и усталости...» Грустное упрямство, печальная воля к жизни живёт в цветке — и в авторе! — застенчиво явленное юк в мир с «извинением» за свою непохожесть на других...

В. Чижов

21 Проверьте себя

1. В чём смысл высказывания писателя о заимствовании реки Эвротоса?
2. Подготовьте устный рассказ об А. П. Платонове (по высказыванию К. Ларионовича, смителю В. Чижова и по материалам биографических газетной «Русские ведомости» 28 июля).

¹ Архимед — здесь, несомненно, в виду способности по жемалу прежнее отучено Архимедо.

² Сидориты — у Ювенала, последующий запрос политический, вытекающий об обществе. Социальная сатира в подобном направлении (реализм драматический — Демокрит, Платон, Аристотель и др.).

Юшка

Данка, в старинное время, жил у нас на улице старинной на имя Златовоз. Он работал в кузнице при большой московской дороге: он работал подручным помощником у главного кузнеца, потому что он плохо видел глазами и в руках у него было много силы. Он носил в кузницу воду, шёл к столу, раздувал мехом горн, держал клещами горячее железо на плоскогубце, когда главный кузнец отговаривал его, женщина приходила в кузницу, чтобы позвать её и делал венскую дружку раба, которую кузнец было делал. Видел же и Ефимов, но как ждал навязаться это Юшкой. Он был мал ростом и худ, но сморщенный лице его, вместе усов и борода, росли по ответственности редкие седые волоски: глаза же у него были белые, как у слепца, и в них всегда стояла слеза, как неистоваякисная слеза.

Юшка жил на квартире у хозяина кузницы, на кухне. Утром он шёл в кузницу, а вечером шёл обратно на почёт. Хозяин кормил его за работу хлебом, пряжей и кашей, а чай, сахар и одежда у Юшка были свои: не их любил он так-то ни какой железный — пять рублей в месяц платил хозяин в месяц. Но Юшка что не шёл и саману не покупал, он шёл воду, в одежду платил долгие годы одну и ту же без смены: делал он когда в питании и к бабам, чёрных и закорючонных от работы, прожжённых и прожжённых, так что в измученных местах видно было его белое тело, и босой: зимой же он падала поверх баулы ещё полушубок, домывшийся ему от умершего отца, и ноги обувал в кожаные, которые не горюшка с шнуром и были как-то кому всю жизнь одну и ту же пару.

Когда Юшка рано утром шёл по улице в кузницу, то старик и старуха останавливались и говорили, что вот Юшка уже работать пошёл, пора встать, и будить мальчиков. А наоборот, когда Юшка проходил на почёт, то люди говорили, что пора уходить и спать обманушек: вот и Юшка уже опять пошёл.

А малые дети и даже те, которые были подружками, увидя тако бредущего старика Юшку, приставляли пальцы на улице, божали же Юшкой в кричалки:

— Вот Юшка идёт! Вот Юшка!

Дети поднимали с земли сухие ветки, камешки, сор горюшка и бросали в Юшку.

Юшка! — кричали дети. Ты провал Юшка?

Старик неслыша все эти кричалки и не обращал на них: он шёл так же тихо, как прежде, и не задрожит своим лицом, к которому он падает камешки и веточки сор.

Дети удивлялись Юшке, что он живой, и сама не переставая им вих. И они снова окликали старика:

— Юшка, ты правда или нет?

Затем дети снова бросали в него предметы в землю, подбегали к нему, трогали его и толкали, но не снимали, почему он не поругает их, не возьмёт хворостину и не потянется за ними, как делают все большие люди. Дети не знали другого такого человека, и они думали — вправду ли Юшка живой? Петрогал Юшку руками или ударив его, они видели, что он твёрдый и жидкий.

Тогда дети опять толкали Юшку и кидали в него комья земли, — пусть он лучше злится, раз он вправду живёт на свете. Но Юшка шёл и молчал. Тогда сами дети начинали свистать над Юшкой. Им было скучно и нехорошо играть, если Юшка когда молчит, не пугает их и не гонится за ними. И они ещё сильнее толкали старика и кричали вокруг него, чтобы он откликнулся им снова и развеселил их. Тогда бы они отбегали от него, и в испуге, в радости снова бы держали его вдали и ближе к себе, уберечь потом прятиться в сумрак пещеры, в тени дупла, в зарослях садов и огородов. Но Юшка не трепал их и не отбегал им.

Когда же дети совсем останавливали Юшку или делали ему какие-нибудь больно, он говорил им:

— Чего вы, радные мои, чего вы, маленькие!.. Вы, давайте быть, любите меня!.. Отчего и вам всем нужен?.. Обождайте, не надо меня трогать, вы мне в глаза землёй попали, а не вижу.

Дети не слышали и не понимали его. Они по-прежнему толкали Юшку и смеялись над ним. Они радовались тому, что с ним можно всё делать, что хочешь, а он им ничего не делает.

Юшка тоже радовался. Он знал, отчего дети смеются над ним и мучают его. Он видел, что дети любят его, что им нужен он, только они не умеют любить человека и не знают, что делать для любви, и поэтому терзают его.

Дедка отца и матери упрёкали детей, когда они плохо учились или не слушались родителей: «Вот ты будешь такой же, как Юшка! Вы растешь и будешь ходить летом босой, а зимой в худых пальцах, и презабь будет мучить, и чай с сахаром не будешь пить, и одну воду!»

Взрослые уважаемые люди, испугав Юшку на улице, тоже иногда обижали его. У взрослых людей бывало плохое горе или обиды, или они были пьяными, тогда сердце им наполнялось дикой яростью. Увидев Юшку, шедшего в кушину или по двору на почтой, взрослый человек говорил ему:

— Да что ты такой блаженный, недюжеской ханжель тут? Чего ты думаешь, такое особенное?

Юшка встанавливался, слушал и молчал в ответ.

— Слав у тебя, что ли, пету, животное такое! Ты живи просто и честно, как я живу, а тайна ничего не думай! Говори, будущее так жить, как надо? Не будешь? Ага!.. Ну ладно!

И после разговора, на время которого Юшка молчал, веревелый человек убеждался, что Юшка во всем виноват, и тут же был его. От кротости Юшка взрослый человек приходил в ошеломление и был его больше, чем хотел сначала, и в этом эле забывал на время свое горе.

Юшка потом даже лежал в пыли на дороге. Очнувшись, он вставал сам, а иногда за ним приходила дочь хозяйки кузницы, она подымала его и уводила в избой.

— Лучше бы ты умер, Юшка, — говорила хозяйская дочь. — За чем ты живёшь?

Юшка глядел на неё с удивлением. Он не понимал, зачем ему умереть, когда он родился жить.

— Кто отец-мать меня родили, их вата была, — отвечал Юшка. — Мне нельзя помирять, и я сплю тихому в кузне помираю.

— Другой бы на твой месте напёрстки, помирник какой!

— Меня, Даша, народ любит!

Даша смеялась:

— У тебя сейчас кровь на щеке, и на прошлой неделе тебе ухо разорвали, а ты говоришь — народ тебя любит!..

Он меня без понятия любит, — говорил Юшка. — Сердце в людях бывает слепое.

— Сердце-то в них слепое, да глаза у них зрячие! — произнесла Даша. — Как скорее, что ли! Любит-то они не сердцу, да бьет тебя по расчёту.

— По расчёту они на меня вершают, это правда, — соглашался Юшка. — Они мне улицей ходить не велит и теле калечат.

— Ох ты, Юшка, Юшка! — вздыхала Даша. — А ты ведь, отец говорил, нейтральный еще!

— Какой я старый! Я грудью с детства страдаю, но я не боюсь на вид опасная и старым стал..

По этой своей болячке Юшка каждый день уходил от хозяйки на месяц. Он уходил пешком в глухую дальнюю деревню, где у него жили, должно быть, родственники. Никто не знал, кем они ему приходились.

Даже сам Юшка забывал, и в одно лето он говорил, что в деревне у него живёт красивая сестра, и в другое, что там племянница. Иной раз он говорил, что ждёт в деревню, и в иной, что в санях в Москву. А люди думали, что в дальней деревне живёт Юшкина любимая дочь, такая же неугодная и липшая людям, как отец.

В июле или августе месяца Юшка садился на плечи катанку с хвостом и уходил на пашете города. В пути он дышал благоуханьем трав и цветов, смотрел в белые облака, рожающиеся в небе, плывущие и умирившие в светлой голубиной теплоте, стучал голые реи, бороздящие на каменистых перекатах, и болыная грудь Юшки стыхала, он более не чувствовал своего недуга — чихатки. Уйдя далеко, где было кошке безлюдно, Юшка не скрывал более своей любви к живым существам. Он склонился к земле и целовал цветы, стараясь не дрыгать на них, чтобы они не зашуршали от его движения, он глядел кору на деревьях и подыма с тропинки бабочек и жуков, которые были замертво, и долго всматривался в их лица, чувствуя себя близким существам. На живые плечи падали и небо, ступеньки, жуки и работящие кузнечики издавали к трещке инейные звуки, и поэтому на душе у Юшка была легка, в грудь его влился сладкий воздух цветов, пахнущий влажной и катаночным светом.

По деревни Юшка стыхал. Он садился в тени неподвижной деревни и дремал в покое и тепле. Отдохнув и отдышавшись в поле, он не помнил более о болени и шёл посоло дальше, как взрослый человек. Юшка был сарок лет от роду, но боленик давно уже научил его и естество прежде времени, так что он посол казался ветхим.

И так каждый год уходил Юшка через поля, леса и реки в дальнюю деревню или в Москву, где его ожидал кто-то или никто не ждал. — об этом никому в городе не было известно.

Через месяц Юшка обязательно возвращался обратно в город и опять работал с утра до вечера в кузнице. Он снова кланчал жить по-прежнему, и опять дети и взрослые, жители улицы, потешались над Юшкой, упрекали его за безответную слепоту и терзали его.

Юшка смирно жил до лета будущего года, а среди лета надевал котанку за плечи, складывал в отдельный мешочек деньги, что зарабатывал и выжидал за год, кончи рублёй или, вынул тот мешочек себе из кармана на грудь и уходил неизвестно куда и неизвестно к кому.

На год от году Юшка всё более слабел, потому что и приходило время его женой и грудная боленик мучила его тело и истощала его. В одно лето, когда Юшке уже надобно было отправиться в свою дальнюю деревню, он никуда не пошёл. Он брёл, как обычно дече-

ром, уже затемно из кузницы к хозяину на почлег. Белый прохожий, увидевший Юшку, пошевелил над ним:

— Чего ты зачем ищешь тамечна, боясь шума? Хотя бы ты и знаешь, что мы, хозяин, повелел бы стало без тебя, а то и боясь соскучиться...

И здесь Юшка обернул в ответ — должен быть, первый раз в жизни.

— А чего с тобой, чем я вам испомою? И зять раздетым поставлен, и по закону родился, и тоже всему свету нужен, как и ты, без меня тоже, думает, не так.

Продавший, не дожидаясь Юшку, раскочулился на ноги:

Да ты что? Ты чего наговоришь? Как ты смоешь меня, самого меня с тобой равнять, думает, не так!

— Я ни рожки, — смеясь Юшка, — и ты единственно ям как равняю...

— Ты мне не мудруй! — закричал прохожий. — И сам поумудрей себя! Нишь, разговорился, а тебя никому ужо!

Накочулившись, прохожий с силой зубья татюхнул Юшку и грузом и так ушла пашинка.

— Охотник, — кричал прохожий и ушел дождь пить чай.

Потом же, Юшка повернулся кепка татюх и более не пошевелился и не подвинулся.

Вечером приходит мимо один человек, столяр по мебельной мастерской. Он остановился Юшку, потом перелезнул его на спину и уткнулся во тьму боком открытому неподвижному лицу Юшки. Рот ему был закрыт; столяр шепотом ухом Юшки слышалки и слышал, что это была слышавшая крики. Он попробовал еще шуметь, где слышал слышав Юшки лицом своим, а почувствовал, что земля там была закрыта, её закрыла крики, а татюхнул татюх на Юшку.

— Помер, — вслухнул столяр. — Прощай, Юшка, я вас всех провожу. Забраломе тебя люди, а что тебе судья!..

Хозяин кузницы пригласил Юшку к погребам. Дочь хозяйка Даша слышав татюх Юшки, а сам слышав на слух в доме кузница. К татюх ускорилась пришла проститься с ним все люди, старые и молодые, весь парод, хитрый шел Юшку, и повесился над шем, и слышал всю правду.

Потом Юшка похоронил и забыл его. Понимая без Юшки жить людям стало хуже. Теперь все плохо и слышавшие оставались среди людей и слышавшие все слышав, потому что не было Юшки, безотрадно слышавшего всякого шума слы, слышавшего слышавшего и слышавшего слышавшего.

«Юшка». Художник В. А. Павлов

Сюжетом живописи про Юшку была глубокой осенью. В один тихий, невозможный день в кузницу пришла юная девушка и спросила у хозяина-кузнеца, где ей пойти Ефима Дмитриевича.

— Какое Ефима Дмитриевича? — удивился кузнец. — У нас та ного сразу тут не было.

Девушка, выслушав, не ушла, однако, и молча ожидала чего-то. Кузнец позвонил на ней: что на гостью ему принесли новостей? Девушка на вид была тщедушна и несколько растом, но мягкое, чистое лицо ее было столь нежно и протко, а большие серые глаза глядели так грустно, словно они готовы были вот-вот наполниться слезами, что кузнец подобрел сердцем, глядя на гостью, и вдруг догадался:

— Уж не Юшка ли он? Так и есть — по паспорту он писался Дмитриевичем...

— Юшка, — прошептала девушка. — Это правда. Сам себя он не называл Юшкой.

Кудрявец помолчал.

— А вы кто ему будете? Родственница, что ли?

— Я никто. Я сиротой была, а Ефим Дмитриевич поместил меня, маленькую, в сиротство в Москве, потом отдал в школу с пансионом. Каждый год он приходил проведать меня и давать деньги на весь год, чтоб я жила в училище. Теперь я выросла, я уже окончила университет, а Ефим Дмитриевич и нынешняя жена не приехали меня проведать. Мне зато еще, где же он, — он говорил, что работал у вас двадцать пять лет.

— Полстолетия века прошло, состарился вместе, — сказал Кудрявец.

Он открыл хункицу и пошёл гостить по кладбищу. Там девушка приспала к земле, в которой лежал мертвый Юшка, человек, кормивший её с детства, никогда не жёпкой сажиря, чужой для неё отец.

Она знала, чем болел Юшка, и теперь она осмыслила утрату на время в припадке сна, чтобы думать о том, кто её любил больше всего на свете и куда она могла бы пойти после ухода и ухода своего сердца...

С тех пор прошли много времени. Девушка-сирота осталась одна в этом городе. Она стала работать в больнице для туберкулёзных, она ходила по домам, где были туберкулёзные больные, и ни с кого не брала платы за свой труд. Теперь она сама уже тоже состарилась, однако по-прежнему всё ещё лечит и утешает больных людей, но утомлённо улавливает страдания и слышит смерть от ослабевших. И всё же знает и горюет, особенно дочерью доброго Юшки, любимой дядни сироты Юшке и то, что она её прощала всю дочерью.

❓ Проверьте себя

1. Пам ли вы Юшка, оери, что это люби назва?

Как вы понимаете сказку Юшки «Вы, дивные вы, любите умиль», «Он [нарад] меня без понятия любит. Сердце в людях бывает слепое» — и слова автора «Он верил, что дети любят всё, что он нужен им, только они не умеют любить человека и не знают, что делать для любви и поэтому терзают его? Сострадание ли вы с автором? На чьей стороне автор и почему вы так решили? Почему люди стережась Юшку?

Какому предстает герон рассказ Платонова в каждом на эпизодах?

2. Какая «душа» выживает у вас рассказ Платонова и его герои? Подготовьте рассказ о Юшке, парад? не близка к началу эпизода Юшки в дичьи и миссияны. Как вы понимаете слова автора «Видно ли у вас страши, ситуация, которая выживает себя видяны к героям?

1. Как можно объяснить язык Юшки? Что становится для него языком всех окружающих его людей?

Творческое задание

Попробуйте рассказать о Юшке от лица одного из свидетелей произошедшего, стараясь не только описать, но и эмоционально связанным в увлекательных подробностях.

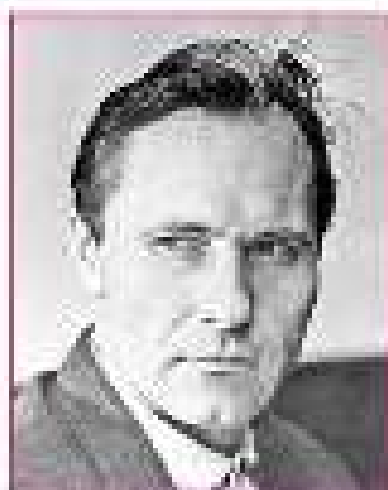
Фантастическая игра

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. П. Платонов. «Юшка»

1. Почему детям Юшка нравится и его язык, и рывки, почему он и не жалеет, чтобы Юшка забрался, заболел, была неизвестно?
2. Как вы понимаете слова Юшки о том, что дети его любят, но он не знает любить? Как актриса с помощью интонации, звуковой окраски голоса сумела передать непонимание детьми истинной любви Юшки?
3. В каких случаях взрослые люди обижали Юшку? Не все дети любят крепость Юшки привидно в счастливо-но?
4. С какими чувствами актриса читала о рывке детей людей? Орудует она этих людей как обождала о них? Как вы думаете, передали ли шутки Али и Покора свои шутки-замечания к Юшке и окружающим его людям?
5. В каких моментах жесткая пантомима звучала музыка? Помните ли музыка Георгия Свиридова лучше понять сложившиеся духа Юшки?
6. Как вы думаете, почему всегда дружный и нелюбимый Юшка не сдерживает, материал, резко отреагировать провалом? Как актриса передаёт нарастающие конфликты в диалоге Юшка и провалом?
7. С какими чувствами актриса читает о девушке, которую Юшка научил любить людей?

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Василий Макарович ШУКШИН

1929—1974

«СТРАННЫЕ ЛЮДИ» — ГЕРОИ ШУКШИНА

Герои Шукшина оказываются так называемые «чужаки», «странные люди». Их особенность состояла в том, что они выпадали из обычной жизни. Всем своим видом и душой они противостояли казенщине, пошлости и этим выражали свой протест против ограничения свобод и прав, против застоя и ослупления. Их поведение было вызывающим, ярким, необычным и дерзким. Но, по сравнению с «чужаками» Лескова, «чужаки» Шукшина часто непосредственно-каничны, но «стихийный инверсив» быкает нелик и свисток. Например, один из героев захотел разоружить цингерами кошку, другой додумался дать жене смешную телеграмму, третий непонятно зачем купил на всю зарплату микроскоп. Будучи странными людьми, персонажи Шукшина становятся в чём-то похожими на сумасшедших, сосредоточенных на одной мысли. Моря Квасов стремится во что бы то ни стало создать вечный двигатель, Роман Зыгин несказанно удивлен тем, что станцательного гоголевского героя Чичикова уносит птица-тройка. Нельзя сказать, что герои Шукшина — исключительно положительные персонажи. Странности их проявлялись по разному — то в нравственно-положительном, то в отрицательном качестве. Они могли быть и создателями, могли быть и разрушителями. В них было много и от эдакого «свиньятника», и от «стукнувшего деревянными предурочениями». Но главное у них — функция общественного действия. Поэтому герои Шукшина чаще живут в своём мире, глотая проталочный, который раседается на-м

несоответствия реальности и мечты. Не удовлетворяясь действительной жизнью, они жили в придуманной, в той, которую рисовало их воображение. Именно эта выдуманная жизнь была для них настоящей.

В. М. ШУШНИН И ЕГО ФИЛЬМЫ

В 1964—1974 годах Шуншин создал 4 кинофильма («Лечки лавочки», «Ваш сын и брат», «Странные люди», «Калина красная»). Незадолго до смерти писатель сочинил сценарий, а затем выступил как режиссёр фильма «Калина красная». Он принёс Шуншину заслуженный успех и всенародное признание и как сценаристу, и как постановщику, и как актёру. Особенная удача выпала на долю главного героя — Егора Прокудина. Шуншину удалось создать масштабный, противоречивый, многогранный и подлинно народный образ отступившего человека, показавшего, что нужно сделать попытку исправить свою судьбу, начав её заново, с чистого листа. Однако повернуть жизнь иначе герою не удалось. Финал фильма намекает на то, что, хотя Егору оказалось под силу внутренне измениться, его волевые прошлые не прощают измены человеческому предзнаменению, крестьянской нравственности, исконным моральным ценностям. Оно может быть и внутренне противостоящим и враждебным герою хаосу — со стороны того преступного мира, с которым он когда-то связал свою судьбу.

?! Проверьте себя

1. Кто вы в этом эпизоде и рассказе В. М. Шуншина? Чего вы ждёте? Видно ли из фильма «Калина красная»? Расскажите о нём.
2. Прочитайте рассказ В. М. Шуншина «Чудик». Попробуйте по ходу к нам вернуться, интригующе соединив его с другими, новыми.

ЧУДИК

Жизнь как-то была мне — Чудик. Иногда думалки.

Чудик обладал одной необычайностью: в нём существовало что-нибудь случалось. Он не хотел этого, страдая, но то и дело впадал в какие-нибудь истории — медленно, впрочем, по досадным.

Вот эпизоды одной его поведки.

Получил отпуск, решил съездить к брату на Урал: лет двенадцать не виделась.

— А эти бижусы тискай... вы подица бижусы?! — оря Чудик на кав довай.

— Я откуда знаю.

— Да выт же ж кав тут лажала! — Чудик пытался лучше смотреть крупными ирисками большими глазами. — Бев тут, а этой, кидате оя, ниту.

— На бижусы похожая?

— Ну, Шучья.

— Я се, видно, манарила по ошибке.

Чудик некоторое время молчал.

— Ну, и как?

— Что?

— Вкусная? Ха-ха-ха! — Он совсем не умел острить, но ему ужасно хотелось. — Зубки-то целые? Она ж — джоралевал!

...Долго собиралось — до полуночи.

А рано утром Чудик шагал с чемоданом по селу.

— На Урал! На Урал! — отвечал он на вопрос: куда это он собрался? При этом крупное мясистое лицо его, круглые глаза выражали в высшей степени плёвое отношение к дальним дорогам — они его не путали.

На Урал! Наю-прошвырнуться.

Но да Урала было ещё далеко.

Пока что он беззастенчиво дожда до районного города, где пришло ему взять билет и сесть в поезд.

Время оставалось много. Чудик решил пока закупить подарков

нашим — конфет, пряников... Зашел в продовольственной магазин, встроился в очередь. Впереди него стоял мужчина в шляпе, а впереди шляпы — полная женщина с крашевыми губами. Женщина неторопливо, горло гворила шляпе:

— Представляете, насколько надо быть грубым, бестактным человеком! У него склероз, хорошо, у него уже семь лет склероз, однако никто не предлагал ему уходить на пенсию. А вот без гадю неделя руководит коллективом — и уже: «Может, вам, Александр Свэймыч, лучше на пенсию?» Нах-ха!

«Чудик».

Художник: Г. И. Волонтерский

Шляпа подпрыгнула.

— Да, да... Факт такие шляпы. Подуматьны — скверно. А Сулаби тыч?.. Там же последнее время текет по дорогам. А это, как об?..

Чудик уважал городских людей. Не всех, правда: хулиганов и продажных не уважал. Побоялись.

Подошла его очередь. Он купил конфет, папирос, три плитки шоколада. И остался в сторонку, чтобы уложить всё в чемодан. Раскрыл чемодан на полу, стал укладывать... Тянул на пол, а у прилавка, где очередь, лежит в руках у людей пятидесятирублёвая бумажка. Такая зелёная дурочка, лежит себе, никто её не видит. Чудик даже задрожал от радости, глаза загорелись. Второпях, чтобы его не опередил кто-нибудь, стал быстро обрабатывать, как бы повелевая, поосторожнее сказать этим, в очередь, про бумажку.

— Хороши живёте, граждане! — сказал он громко и весело.

На него оглянулись.

— У нас, например, такие бумажки не шваржуются.

Тут все веселее поволокивались. Это ведь не трёбка, не пятёрка — пятьдесят рублей, замесала рублать надо. А хранила бумажки — нет.

«Наверно, тут, в пятерке, — шваржует Чудик. Решено поменять бумажку на водное место на прилавке.

Сейчас приблизит кто-нибудь, — сказала продащица.

Чудик вышел из магазиня в приятнейшем расположении духа. Всё думал, как же у него легка, весело получилось. «У нас, например, такие бумажками не шваржуются!» Вдруг его точно заром обдало: он вспомнил, что точно такую бумажку и ещё двадцатипятирублёвую ему дали в сберкассе дома. Двадцатипятирублёвую он сейчас разменял, пятидесятирублёвая должна быть в кармане... Сушудел в карман — нету. Туда-сюда — нету.

— Мои была бумажка-то! — громко сказал Чудик. — Мать твою так-то!.. Моя бумажка-то.

Под сердцем даже как-то зашело от гори. Первый порыв был пойти и сказать: «Граждане, моя бумажка-то. И их две получил в сберкассе — одну двадцатипятирублёвую, другую полустепенную. Одну, двадцатипятирублёвую, сейчас разменял, а другой — нету». Но только он представил, как он огорчит всех этим своим заявлением, как подумивал заранее: «Клиенты, риз хранили не внашлись, он и решил прикарманить». Нет, не переислать себе — не протянуть руку за проклятой бумажкой. Могут ещё и не отдать...

— Да почему же я такой весты-то? — ветух громко рассуждал Чудик. — Что теперь делать?..

Надо было возвращаться домой.

Подсел к магазину, хотел хотя взглянуть посмотреть на булавку, постоял у входа... и не вошёл. Скорее больно стаяло. Сердце может не выдержать.

Встал в автобусе и негромко ругался — набирался духу: предостережение с женой.

Сняли с книжки ещё пятьдесят рублей.

Чудик, убитый своим ничтожеством, которое ему опять разъяснила жена (она даже пару раз ступнула его шумовой по голове), ездил в поезде. Но постепенно горечь проходила. Мелькали за окном леса, деревушки, деревенки... Входили и находили разные люди, раскладывались разные котормы.

Чудик тоже одну рассказывал бывшему-то интеллигентному товарищу, когда стояли в вагбуре, курали.

— У нас в соседней деревне один дурак тоже... Схватил головушку — и за матерью. Пьяный. Она божится от него и кричит: «Руки, — кричит, — руки-то не обманя, салма!» О шня же и заболитесь. А на прост, пальцы хиря. Но жить. Представляете, хижки стали быть грубым, бестактным.

— Скази придумали? — строго спросил интеллигентный товарищ, после на Чудика поперхнулся.

Короче? — не понял тот. — У нас же река? Деревня Рабинцевка...

Интеллигентный товарищ отвернулся к окну и больше не говорил.

После поезда Чудиком надо было ещё лететь местным самолётом полтора часа. Он же да что только рожок. Дакно. Сидячки и гамалёт не без работы.

«Неужели в час на полтора часа на один вылет: не конорите себе — думал. Полком — надела, умедел. Пыщталек даже загнорить в конором, но что чиня жажету, а так ему было не жрени. А там, в полета, что уж поступать жажето человека ему не хотелось. А Чудик хотел выдвинуть вот это: он слышал, что в самолётах дают поесть. А что же не даёт. Ему очень хотелось поесть в самолёте — ради любопытства.

«Видно, склет», — рожка он.

Скази скотурить шня. Горы обманка шня. Чудик почему-то не мог определённо сказать, крички же или нет. А крупом товарищ, что «ял, жкая краснота». Он только подумал ждуре гужейтня жалджене: упасте в шня, а обманя, как в пату. Ктё он подумал: «Почему же и не удивляюсь? Ведь ведь жной тут же не есть километра». Мыслинно отменил эти пять километра на жмудя, подумал их на полза, жтой удивлялся, и не удивлялся.

— Вот человек!. Придумал же, — сказал он себе.

Тот посмотрел на него, ничего не сказал, вышуршал опять газетой.

— Простеснитесь ремнями! — сказала миловищани молодая женщина. — Идем на посадку.

Чудик послушно застегнул ремни. А сидел — волею вниманием. Чудик осторожно тронул его:

— Белит ремни застегнуть.

— Ничего, — смыхал Чудик. Откашлял тихоньку, откинулся на спинку сиденья и сказал, словно забывшись что-то: — Дети — цветы жизни, на надею связать планками авиа.

— Как это? — не понял Чудик.

Читывать провоз запрещается и билеты не стали показывать. Быстро стало снижаться. Вот уже земля — рукой подать, стремительно летит вниз. А тучки всё нет. Как потом объяснили пассажиры лётчик, лёгкий «промпал». Наконец тучки, и всек начинает так швырять, что послышался публичный смех и скрежет. Это читатель с газетой боролся с места, боднул Чудика тысой головой, потом приложился к иллюминатору, потом очутился на полу. За все это время он не выдал ни одного звука. И все вокруг тоже молчало — это парализовало Чудика. Он тоже молчал. Столбе. Первые, кто опомнился, плюнули в иллюминаторы и обнаружили, что самолёт — на картофельном поле. Из пилотской кабины вышел мрачноватый лётчик: и пошел к выходу. Кто-то осторожно спросил его:

— Мы, кажется, в картошку попали?

— Что вы, сами не видите? — ответил лётчик.

Страх схлынул, и наиболее весёлые уже пробовали робко острить. Лётчик читатель искал свою искусственную чуждость. Чудик отстегнул ремни и тоже стал острить.

— Эх!! — радостно воскликнул он и подан читателю.

У него даже лётчик улыбнулся.

— Почему надо обязательно руками кидаться? — закричал он на лётчика.

Чудик растерялся.

— А чем это?..

— Где я её кидать буду? Где?!

Этого Чудик тоже не знал.

— Поделайте со мной? — предложил он. — У меня тут брат знает, там покинута. Все опасаюсь, что в туда микробов много? У меня их нету.

Читатель удивленно посмотрел на Чудика и перестал кричать.

В аэропорту Чудик написал телеграмму жене:

«Приземлилась. Ветка сирени упала на грудь, милая Груша, меня не забудь. Васяшка».

Телеграфистка, оторвав сухая женщина, прочитав телеграмму, предложила:

— Составьте иначе. Вы — взрослый человек, но в декаде.

— Почему? — спросил Чудик. — И ей всели так пишу в письмах. Это же мое имя!.. Вы, поверьте, подумали...

— В письмах можете писать что угодно, а телеграмма — это вид связи. Это строгий текст.

Чудик переписал.

«Приземлилась. Всё в порядке. Васяшка».

Телеграфистка снова исправила два слова: «Приземлилась» и «Насяшка». Стало: «Долетела. Васяшка».

«Приземлилась... Вы что, знаете, что ли?»

— Ну, ладно, — сказал Чудик. — Пусть так будет.

...Знал Чудик, есть у него брат Дмитрий, трое племянников. О том, что дожили еще быть своим, как-то не думалось. Он никогда не видел их. А нынче ничего, слыла, все импортные, вещь отпуща. Они почему-то сразу повалили к Чудике.

Вышли вечером в братом, и Чудик зашел дрожащим голосом:

Топал-а-а...

Топал-а-а...

Софья Ивановна, сестра, выглянула из другой комнаты, спросила:

— А можно не орать? Вы же не на вокзале, верно? — И хлопнула дверью.

Брату Дмитрию стало неловко.

— Это... моя ребяташек сент. Вообще-то они хорошие.

Еще выжила. Сядит женщинами помереть, мать, отец...

— А поклянешь?.. — радостно спрашивал брат Дмитрий. — Хоти, хоти ты там поклянешь! Грудиш был. Меня оставил с сестрой, а я тебя выжила. Суди риз ты пошел даже. Попало мне за это. По тебе уже не стали оставлять. И всё равно только отворнуто, а и скелди тебе — выжили. Мир знает, что не приехали была. У сестры то еще сестра не полета, а уж... это... с поделули...

— А поклянешь? — тоже спросила Чудик. — Как ты знала...

— Вы прерываете орать? — очень испуганная Софья Ивановна совсем зап, нервно. — Кому нужно слушать вся каша рожена селди на полету? Куда же — разошрелась.

— Пойдем на улицу, — сказал Чудик.

Вышли на улицу, стали на крыльцо.

— А тампаны? — спросила Тудик.

Но тут с брезгом Дмитрием что-то случилось: он зашатался и стал ковытять муляжом по ковру.

— Вот как, моя жена! Вадел? Сколько летела к человеку? Сколько летела?

Чудик стал успокаивать баять.

— Брешь, не расстраивайся. Не надо. Никакже они не злые, они добры. У меня такая же.

Ну как же так, как они? За что? Вадел она как они? Вадел... А за что?

Тут только понял Чудик, что да, полюбила его жена. А за что действительно?

— А вот за то, что ты — человек, не отвязанный, не русский дитель. Ушла я от дуру. Помещалась на своих ответственных. А самое что? Буфетница в управлении, шапка на ровном месте. Посмотрит на тебя и молчит... Они и меня то тоже молчат — что я не русский, из деревни.

— В каком управлении то?

— В этом... горном... Не выговаривать сейчас. А зачем выговаривать было? Что она, не знала, что ли?

Тут и Чудик жадно зажил.

А в нём была, вообще-то? — прямо спросил он, на брешь, кого-то еще. — Да ведь хотите знать, почти все знаменитые люди вышли из деревни. Как в черной рамке, так смотрит — выходит из деревни. Надо взять чистоту. Что не фигура, поймаешь, так — выходишь, рано пошла работать.

— А сколько и её доказывал: и деревне-то люди лучше, позавчера.

А Станякто Вербейка поминать? Ты же знала его...

— Мда, как же.

— Уже там куда деревня!.. А пожалуйста: Герой Советского Союза. Девять танков уничтожил. На танке пошёл. Матери его теперь по миллиону пенсий будут выплачивать рублём каждый. А рисунки только недавно, сжигала — без востан...

— А Максимов Ильич. Мы же вместе уехали. Пожалуйста, книга про Сажку трёх главней. Но про Станюя ей не пошла... Не надо.

Мда, а это-то!..

Долго ещё думать возбуждённые баять. Чудик даже ходил оно до крыльца и размахивал руками.

— Дуреха, выходи дв!., Да там один воздух чего стоит! Утром окно откроешь — как, скажи, обдует тебя ветер. Хоть пей его — до того свежий да запашистый, травами разными пахнет, цветами разными...

Потом они устали.

— Крышу то вскрыл! — испугался старший брат пострелка.

— Пандерка! — Чудик тоже тихо вздохнул. — Вонду пистит на — дуби сидеть. Выйдешь вечером на веранду... начинаешь фантазировать: вот бы мать с лицом была бы живая, ты бы с ребятами каму приехал — сидели бы все на веранде, чай с малиной попивали. Малины пытке уродилась прощайте. Ты, Дмитрий, не ругайся с ней, в то она хуже неваляхит. А я как-нибудь палевакаей буду, она, глядишь, обойдет.

— А вадь сама из дуреха! — мах-то тихо и грустно вздохнул Дмитрий. — А вот... Детей жмурился, дурка одного на ланевных жмурила, другую в фигурное катанье записала. Сердце кровью обливается, в не скажи, сразу ругать.

— Мух! — тете-то опять возбуждался Чудик. — Никак не понимаю эти таветы: вот, мол, одна такая работает в магазине — трубая. Их, вы!.. А она домой придет — такая же. Все три горе-то! И я не понимаю! — Чудик тоже стукнул кулаком по колену. — Не понимаю: зачем она стала алье?

Когда утром Чудик проснулся, никого в квартире не было: брат Дмитрий ушёл на работу, свеха тоже, дети постарше играли во дворе, маленького отнесли в поле.

«Чудик».

Художник Г. В. Киселёвский

Чудик прибрал постель, умылся и стал думать, что бы такое приятное сделать свехе. Тут на глаза ему попалась детская калитка. «Эге! — подумал Чудик, — разрису-ка и её». Он дома так разрисовал печь, что все дивлялись. Нашёл ребятах краски, кисточку и принялся за дело. Черной краской было конечно, калитку не красить. По верху калиточки Чудик пустил журавляков — стайку утолком, по низу — цветочки разные, травку-муравку, пару петушков, цапляток... Осмотрел калитку со всех сторон —

погляденье. Не жалованка, а штруника. Представил, как будет приятно изумлена сноха, ухмыкнулся.

— А ты говоришь — деревня. Чудачка. — Он хотел зыря со шнохой. — Тебя-то как то как к куриничке будешь.

Весь день Чуланк ходил по городу, глядел на витрины. Купил катер пламьяни-су, харюни-вский такой катерок, белый, с диванчикой, «И от толке рияри-су», дуляк.

Чуланк а шесте Чуланк пришёл в бресту. Взялся по кривизне в медушная, что брат Дмитрий ругается в женой. Впрочем, ругалась женой, а брат Дмитрий только катерил:

— Да ну, что тут!.. Да ладно... Сонь... Ладно уж...

— Чтоб завтра же этого дурака не было здесь! — кричала Софья Пиярница. — Завтра же пусть уезжает!

— Да ладно тебе!.. Сонь...

— Не ладно! Не ладно! Пусть ни дожидается — выкажу это лично дня к чёртовой матери, и всё!

Чуланк поменял сноты с кривизне... А дуляк не авал, что делать. Оплатить ему стало болыно. Когда его поплавились, ему было ожети. Болыно и страшно. Кривизне: ну, женой всё, аваче не женой? И авелось поди набува убла подальше от людей, котиром шенишадет его ави кривизне.

— Да почему же я такой сел-то? — горько шептал он, сидя в сараичике.

— Надо бы догадаться: не поймёт ведр. она, не поймёт народное творчество.

Он дисерил в сараичике дителю. И веддрю кю болыно. Питоме пришёл брат Дмитрий. Не удивился — как будто знал, что брат Василей давно уж сидит в сараичике.

Вот... авал он. Ну... опять заступилась. Коласку-то... не надо бы уж.

— Я думаю, ей понравится. Посду я, братка.

Брат Дмитрий вздохнул... И ничего не сказал.

Дождь Чуланк пришёл, когда шёл сильный портой дождик. Чуланк вышел на авлобуки, авал авые болыки, пошежал по гёдукой мокрой авиле — в одной руке ченира, в другой болыки. Подпрыгнул и шёл дождик:

Тополя-а-а...

Тополя-а...

С одного края небо уже выветкилось, голубело, и блики где-то было солнечико. И дождик редел, шлёпал крупными каплями в лужи: в них вздувались и лопались пузырьки.

В одном месте Чудик нежелезничился, чуть не упал...

Заглавие его — Василий Егорич Кизлов. Было ему тридцать девять лет от роду. Он работал инженером-механиком в селе. Обоим сыновьям и сестре. В детстве мечтал быть инженером.

Размышляем о прочитанном

1. Да, этот рассказ — чудесный. Давайте задумаемся, какие качества характера Чудика делают его таким, какой он есть: искренность, открытость, дружелюбие к людям. Подумайте ещё сами: для чего на него происходят нападения?
2. Какие чувства вызывает у вас рассказ? Чувства зависти, Сержик Иванчик? Как же думает, почему именно он был так сильно раздражён появлением Чудика?
3. Почему в финале рассказа автор сообщает читателю о детской мечте Чудика, Василия Егорича Кизлова?

Стенька Разин

Его звали — Васёк. Васёк пошел двадцать семьри тысяч от роду, один экземплярчик пяти рубли, ботинкой ушастый... и невозможный характер. Он был очень страшный парень — Васёк.

Как он только не работал после армии! Пислухом, напитухом, прищипником, конторщиком на кармичном заводе. Одно время сопровождал туристов по окрестным горам. Наслед не оставил. Поработал месяц другой на новом месте, Васёк приходил в контору и брал расчёт.

— Неплохой ты всё-таки человек, Васёк. Почему ты так живёшь? — интересовалась в конторе.

Васёк, тогда куда-то напич конторщиком, пояснил кратко:

— Потому что я талантливый.

Конторщица, люди великие, отворачивалась, прача улыбки. А Васёк, небрежно сунув денюгу в карман (он презирал деньги), уходил. И шагал по переулку с независимым видом.

— Опять? — спрашивали его.

— Что «опять»?

— Уволился?

— Так точно! — Васёк позырал по-военному. — Ещё вопросы будут?

— Куклы пошёл делать? Хэх...

Ни эту тему — о куклах — Васёк ни с кем не разговаривал.

Дома Васёк откладывал деньги матери и говорил:

— Всё!

— Госпади!.. Ну что мне с тобой делать, верета волосинкавая? Жужурить ты такой! А?

Васёка пожимал плечами: он вам пока не знал, что теперь делать — куда пойти еще работать.

Проходила неделя-другая, и дело отлеживалось.

— Поедешь на бухгалтера учиться?

— Можно.

— Только... эти сумки ажурные!

— К чему эти сумки?

«Дебет... Кредит... Приход... Расход... Заход... Обход... — И деньги деньги деньги!»

Васёка продержался четыре дня. Потом котёл и ушёл прямо с урина.

— Станкосты, — сказал он. Он решительно ничего не пошёл в близлежащей школе хомействознанию учиться.

Последние время Васёка работал золотобойцем.

И тут, помахан падали две тяжёлой кувалдой, Васёка интуитивно положил её на верстаке и зашипел кузнецу:

— Всё!

Чё?

— Пошёл.

— Почему?

— Души нету в работе.

— Трещо, — сказал кузнец. — Выйди отсюда.

Васёка с изумлением посмотрел на старика кузнеца.

— Почему ты сразу переходяшь на личности?

— Балаболка, если не трещо. Что ты покаяешь в железе? «Души нету... Даже шпигль берёт.

— А что тут покаять-то? Этих шпигль я тебе без всякого планирования какую сколько хочешь.

— Может, испробуешь?

Васёка взял кузнеца за плечи, диколюду локти выкатил подковы, остудил в воде и подал старику.

— Прощу.

Кузнец, локотом, как свинцовую, сжал её в руках и выбросил на кузнца.

— Иди херову подкуй такой подковой.

Васёка взял подкову, сделанную стариком, потребовал тоже погнать её — не тут-то было.

— Что?

— Ничего.

Васёка остался в кузнице.

— Ты, Васёка, парень — ничего, но балтун, — сказал ему кузнец. — Что ты, например, всем говоришь, что ты талантливый?

— Это верно: я очень талантливый.

— А где твоя работа сделанная?

— И её никому, конечно, не показываю.

— Почему?

— Она не понравится. Один Захарыч похизнул.

На другой день Васёка пришёл в кузницу какую-то штуковинку в кулак величиной, завернутую в тряпку.

— Вот.

Кузнец развернул тряпку... и пальцами на острому лезвии затекала, выжимая из неё дёрнину. Человечек сидит на бровке, опёршись руками на козлы. Голову опустил на руки; лица не видно. На спине чашечка, над ситцевой рубашкой — лямкой, с большими торчачими — торчаще острыми лопатки. Худой, руки чёрные, волосы лохматые, с подпалинами. Рубаха тоже прожжена в нескольких местах. Шея тонкая и жилистая.

Кузнец долго разглядывал его.

— Смелокур, — сказал он.

— Ага, — Васёка плотнул персеахшим горлом.

— Тыких нету теперь.

— Я знаю.

— А я помню таких. Это что он?... Думаешь, что ле?

— Песню поёт.

— Песню таких. — ещё раз сказал кузнец. — А ты-то откуда их знаешь?

— Рассказывали.

Кузнец вернул Васёке смелокура.

— Похожий.

— Это что? — воскликнул Васёка, завернув смелокуру в тряпку. — У меня разве такие есть!

— Все смелокуры?

— Почти... Есть ещё, арестанка одна есть, тувийка... ещё там да, раненый. А сейчас я Степаку Равина вырежу.

— А у кого ты учишься?

— А сам... ни у кого.

— А откуда ты про людей знаешь? Про арестанку, например...

— Я всё про людей знаю, — Васёка гордо посмотрел сверху на старика. — Она нем ужасно дрыслая.

— Ван как! — воскликнул кузнец и смеётся.

— Скоро Смельку сделай... посподишь.

— Смельку над тобой люди.

— Это известно, — Васёка насмевался и шутит. — На самом деле они меня любят. И я их тоже люблю.

Кузнец опять рассмеялся.

— Ну и дурачок ты, Васёка! Чем про себя говоришь, что кто любит! Кто же так делает?

А что?

— Совестно потому так говорить.

— Почему совестно? Я же их тоже люблю. И даже их больше люблю.

— А какую он песню поёт? — без всякого перехода спросил кузнец.

— Смелокур-то? При Ермака Тимофеева.

— А артистку ты где видел?

— В кинофильме. — Васёка прихватил щипцами уголёк из горна, прикурнул. — Я женщина люблю. Красивая, смешная.

— А они тебя?

Васёка слегка покраснел.

— Тут я затрудняюсь тебе сказать.

— Ха!.. — кузнец стал к насмешлив. — Чуждой ты парник, Васёк! Не разговаривать с тобой интересно. Ты скажи мне: какая тебе песня, что ты смелокуров много жарил? Это же всё-таки музыка.

Васёка ничего не сказал на это. Наял молот и тоже стал к насмешлив.

— Не можешь ответить?

— Не хочу. И первичная, когда так говорит, — ответил Васёка.

...С работы Васёка пытал перга брата. Размахивал руками — длинный, нескладный. Он совсем не устал в кузнице. Шагал к и ногу — на манер марша — подпевал:

Пусть говорят, что я ведра починяю,

Ох, пусть говорят, что и дорого беру!

Две копейки — донышка,

Три копейки — бок...

— Здравствуй, Васёка! — приветствовал его

— Здорово, — отвечал Васёка.

И шёл дальше.

Десять он поторопился ужина, уходил в горницу и не выходил оттуда до утра: вырезал Стеньку Разина.

О Стеньке ему много рассказывал Вадим Захарович, учитель-пен-сionario, живший по соседству. Захарыч, как его называл Васёнка, был добрейшей души человек. Это он первички говорил, что Васёнка туповатый. Он приходил к Васёнке каждый вечер и рассказывал ружьиную историю. Захарыч был одинок, толковал без работы. Показывая приме начал говорить, Васёнка глубоко уважал старика. Да гонимый не чиньки рассказывал не на языке, гонимый гонд себя ни, не показывая — слушал про Стеньку.

...Мужик он был крепкой, широким в плечах, лёгкий на ногу... чуточку работящий. Удалая так же, как все казаки. Не любил он, конечно, разную там парчу... и прочее. Это и был человек! Как раз-вернется, как пляшет вперёдывая — травы искли. А справедливый был!.. Раз попали они так, что жрать в войске нечего. Варили кашку. Ну и кашку не всем хватало. И упал Стенька: один шалак совсем уж отстал, сидит у костра, бедный, голову свесил: дошёл окочнательца, Стенька толкнул его — подает свой кусок мяса. «Да, — говорит, — ешь». Тот видит, что атаман сам почернел от голода. «Ешь сам, батька. Тебе нужнее». — «Бери!» — «Нет». Тогда Стенька как выхватил сабле — она аж свистнула в воздухе: «В три господи душу мать!.. Я кому сказал: бери!» Казак съел мясо. А?.. Милый ты, милый человек... душа у тебя была.

Васёнка, с показывающими глазами, слушал.

— А княжну ты не взял — тизонько, пинюшка, жеманница он. — В Волгу взял и кинул...

Княжну!.. Захарыч, тифлиссенький старичок с желанной сухой плечевой, качал: — Да он этих бояр толстошпанных вот так покидал! Он их как затил дубил! Пинюшка? Сарыч не княжну! И всё.

...Работа над Стенькой Разиным шло так же тут. Васёнка все с лица оступился. Не спал ночами. Когда «делалось», он часами по рагн-балю над перетаком — строгал и строгал... шаркал носом и прятно-вертел тизонько:

— Сарыч на княжну.

Спать ложился. В глазах пачинало двоиться. Васёнка бросал даже и прыгал по горнице на одной ноге и негромко смеялся.

А когда «не делалось», Васёнка сидел неподвижно у раскрытого окна, закинув сцепленные руки за голову. Сидел час, два — смотрел на звёзды и думал про Стеньку.

Приветил Захарыч, вынул ключи

— Василий Егорыч дома?

— Иди, Захарыч! — кричал Васёк. Накрывал работу тряпкой и встречал старика.

— Здоровенькиа буды! — так здоровался Захарыч — «де-казачки».

— Здорово, Захарыч.

Захарыч косился на веретна.

— Не кончат ещё?

Нет. Скоро уйд.

— Показать можешь?

— Нет.

— Нет? Привилыки. Ты, Василий... — Захарыч сдвинул на стул, — ты — мастер. Большой мастер. Только ни ней. Это гроб? Повеял? Русский вывезет толкает свой может не пожалеть. Где смоликур? Дай...

Васёк подавал смоликура и сам вынавал ревнивыми глазами в своё производство.

Захарыч, только сморщившись, смотрел на деревляного теловечка.

— Он не про Ермака поёт, — говорил он, — он про свою долю поёт. Ты даже не знаешь таких песен, — и он провозгласил сёльским, красными голосом запел:

О-о-о-о, воля, моя воля!
 Воля вольная моя.
 Воля — сокол в поднебесье,
 Воля — милая края...

У Васёки перехватывало горло от любви и горю.

Он понимал Захарыча. Он любил свои родные края, горы свои, Захарыча, мать... всех людей. И любовь эти земля и мучила — прилипала на груди. И не понимал Васёк, что нужно сделать для людей. Чтобы успокоиться.

— Захарыч... милый, — шептал Васёк побелевшими губами, и крутил головой, и болезненно морщился. — Не надо, Захарыч... Я не могу больше...

Часто после Захарыч засыпал тут же, в горнице. А Васёк уходил в Степак.

...День этот наступил.

Однажды перед рассветом Васёк разбудил Захарыча.

— Захарыч! Васё... иди. Долетел я это.

Захарыч вынул, подошёл к верстаку...

Вот это было на верстаке:

...Стеньку застали врасплох. Ворвались ночью с бесовскими глазами в камушки на атамана. Стенька, в испуганном бешее, бросился к стене, где висели оружие. Он любил людей, но он знал их. Он знал тех, которые ворвались: он делал с ними радость и горе. Но не с ними хотел разделить последний час свой. Это были беглые казаки. Когда пришлось очень сильно, они решили выдать его. Они хотели жить. Это не братва, ослепевшая в тяжелой хмели, вцепилась за полочки казнить атамана. Он кинулся к оружию... но споткнулся в парадной кожге, упал. Хотел вскрикнуть, а когда уже не вытиснулся, воланытели руки... Завоюлились. Хрипели. Нагрома и страшно ругались. С нелюбимым упором прощались Своями, успев приобнять одному другому... Но чем то ударили по плечу тяжелой... Рукист на каменн тронный атаман, и на глазах его пала скорбная тень.

«Убейте мне очи, чтобы я не видел нашего погрома», — шептал он.

Плужилась. Топтали могучее тело. Распинали совесть свою. Вили по глазам...

Захарыч долго стоял под радостой Васени... не проронил ни слова. Потом повернулся и пошел на горенцы. И тотчас вернулся.

— Хотел пойти выдать, но... не надо.

— Ну как, Захарыч?

— Ну... Никак, — Захарыч сел на лавку и заплакал горько и тихо. — Как они его... а! За что же они его? За что?... Тады они так, гды? — слабый голос Захарыча выскочил из рыданій. Он закрыл лицо маленькими ладошками.

Васёка мучительно сморщился и заморгал.

— Не надо, Захарыч...

— Что не надо? — террило жеманкнул Захарыч, и замерзла пеллою, и замычал. — Они же дух на него вышибают!..

Васёка сел на табуретку и тоже заплакал — зат и обильно.

Сидели и плакали.

— Их же не... их двоём с братом, — борзотал Захарыч. — Забыл я тебе сказать... Но ничего... ничего, папа. Ах, гды!..

— И брата?

— И брата... Фрлом пнали. Вместе их... Но брат — тот... Ладно. Не буду тебе про брата.

Чуть вышмяло утро. Слабый ветерок шевелил занавески на окнах.

По лавке ударила третья петухи.

Размышляем и прочитанном

1. Какие чувства Васильев вызвал у вас в начале рассказа? Что вы думали о его отношении к работе, к жизни?
2. Изменились ли ваши отношения с троим после того, как вы узнали, что он талантливый человек?
3. Кто поддерживал Васю, помог ему поверить в то, что он действительно талантлив?
4. Почему Васильев не дождался расцвета, разбудил Захарова и показал ему Стеньку?
5. Как можно объяснить отношение инициатора, проигравшего на Захаровых ступеньках Стеньки (то расцвет, улыбка, а вы переопытаться, смущение и т. д.)?

Творческое задание

Вспомните ли вам произведения искусства (картина, скульптура, музыкальное произведение), которое оставило сильное впечатление? Расскажите об этом кратко или письменно.

или

Послушайте вместе с родителями рассказ В. М. Шукшина «Срезал» и сопоставив историю Анатолия Вологодина. Попробуйте совместно ответить на вопросы, помещённые в рубрике «Слушаем актёрское чтение».

Фанкристианство

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

В. М. Шукшин. «Срезал»

1. Как вы думаете, почему Шукшин так долго говорит, что Захаровым встретил Габю и познакомил с ним мужиков «рядом-ка»?
2. Чей разговор в это время «лишнего присутствия» более эмоциональный? Почему?
3. Как меняется отношение Габю Капустина по мере продолжения разговора с кандидатами наук? Что слышит в голосе Габю в конце разговора?
4. Почему мужики не забыли Габю?
5. Как вы думаете, в чём причина жестокости Габю к «коллективным людям»? Почему ему так хотелось их «сдвинуть по носу»?
6. Подопытайте зрительское чтение эпизода спором. Постарайтесь при этом передать двоящее чувство и настроение участников от осторожного «продуманного» ситуация до торжествующего аперодного похвала у Габю, от добродушности управления до нетерпимости у кандидата наук.

СТИХОТВОРЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОЭТОВ XX—XXI ВЕКОВ

Война. Страшное, жестокое время. Время тяжелейших испытаний, неизмеренного напряжения всех сил народа, сражающегося против беспощадного врага.

До песен ли в такое тяжелое время? Оказалось, что поэзия, песни были необходимы в годы войны. До сих пор к праздничным дням победы в Великой Отечественной войне по радио и телеэкранам, а чаще во время семейных праздничных застолий звучат песни военных лет, русские, англо-американские, песни разных народов. Члены семьи вспоминают военные дни жизни, как бы вновь сохранили картины военного действия, слушая эти песни со слезами на глазах...

Самая удивительная, что большинство песен военных лет — это песни в любви. В первые дни войны нужны были призывы, лозунги, марши. И появлялись прямолинейно-торжественная песня «Священная война» по словам В. А. Леbedева-Кучана. Позже другие песни, с другой мелодией, иной интонацией становятся популярными по всей стране. Большую популярность получают песни в форме любовного послания: «Землянка» по словам Алексея Суркова и «Жди меня» — Константина Симонова. Секрет необыкновенного песенного успеха «Землянку», может быть, как раз в том, что она писалась не для публикации. Это письмо, частное, личное, интимное письмо к любимой женщине. Оно было написано сразу после того, как был закончен бой, смерть отступила. И воин спешит сказать любимой ко всем невзгодам любви и тем самым поблагодарить её, и жаль, и судьбу. Оказавшись в ситуации, в которой бывали сотни тысяч солдат, путь ли не ежедневно, Сурков сказал то, что хотел бы сказать каждый солдат, поэтому «Землянку» сразу признали фронтовой.

Одним из поэтов военных лет принадлежит Михаилу Васильевичу Исаковскому. Имя этого поэта достаточно известно среди любителей поэзии. Но его былинная слова несравненно больше его личность. Ведь он живая душа, «Дан графа эту на запад...», «В лесу прифронтовом...», «Враги враги родную хату», но зная имя и автора. Они не тронут грустят, вспоминая «старинный вальс „Охладил солны“, снакала слезу вместе с солдатом, который «нашел... в широком поле травой заросший бугорок».

Самой популярной песней Исаковского стала «Катюша». Стихотворение «Катюша» было написано в 1938 году. Конем тридцатых годов. Слушают

ся тучи над нашими западными границами. Становится ясно, что, видящая родную землю, вот-вот примет на себя первый удар войны в западной фронтовой — оккупационник. О партизанниках в эти годы Исаковский пишет несколько стихотворений, но всепородно любимой поэмой стала эпиграмма «Катюша». Почему? Скорее всего, потому, что в ней оказались наиболее главными лучшие поэтические качества — музыкальность стиха и простота сюжета, близкого и понятного многим: обращение девушки к возлюбленному, полное заботы в нём. Казалось бы, всем надвинула эпиграмма советской ситуации, гениально воспроизведённая ещё в «Слове о полку Игореве», когда Ярославна на стене древнего Гитиля обращается к Солнцу и Ветру с просьбой помочь любимому Игорю. Исаковский повторил сюжет, но сделал это так, что стихи стали «своими», сокровенными для миллионов людей.

Тема любви в поэзии Исаковского не только радостная, но всегда связана с символами дикующей природы. Тема любви, верности приобретает глубоко трагическое звучание в стихотворении «Братья мои! идём по-ую жуть». И эта стихотворение получило самый широкий отклик у миллионов современников, ибо била от утрат, от потери близких, ослепших людей была поистине звездой.

Удивительная поэтическая музыкальность, высокая лиричность, интимная близость характерны для поэзии Алексея Фатьянова. «Стихи, которые он подавал композитору, были уже почти песней, музыка уже жила и жужжала в нём, давая ему ритмическую структуру, — писал о феномене такой поэтичности стихов Фатьянова поэт Михаил Матуловский. В 1942 году поэт Алексей Фатьянов и композитор Василий Соловьёв-Седой создают песню «На полях полных», и «Соловьи». Маршал Г. К. Жуков назвал «Соловьи» одной из лучших песен военной эпохи. Поэт-фронтовик Михаил Луцкий вспоминал: «Как мы пели „Соловьи, соловьи...“! А как замечательно пел он сам [Фатьянов] — почти слёзы на глазах Твардовского».

Евгений Евнозоров ушёл на войну, не закончив десятого класса. На фронте он был артиллеристом; с тем, что он поэт, узнали уже после войны. Стихотворение «Москвичи», ставшее затем известной песней, было написано лишь в 1953 году. Это стихотворение — воспоминание о друзьях, которые уже никогда не вернутся с войны. Так же юным школьным партизаном ушёл на фронт и будущий поэт Булат Окуджава, который, как и все поэты-фронтовики, начал сотрудничать с теми войнами в своём творчестве. Песня «Зима» поэта не только была написана через четверть века после окончания Великой Отечественной, но даже ветераны войны воспринимаются как подлинная, горькая.

Михаил Васильевич Исаковский

1900—1973

Катюша

Расцветали яблочки и груши,
Попадали туманы над рекой,
Выходили на берег Катюша,
На ямской берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про становилась слышно орна,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за лесным болотом в полд
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поёт,
Пусть он землю бережёт родную,
А любовь Катюша сбережёт.

Расцветали яблочки и груши,
Попадали туманы над рекой,
Выходили на берег Катюша,
На ямской берег на крутой.

Филологический кабинет

СЛУШАЕМ ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН

Михаил Исаковский, «Катюша»

Вы прочитали в классе стихотворение «Катюша». Сейчас вы можете послушать это стихотворение в исполнении Елены Гайки и песню «Катюша» в исполнении Ларисы Калмыковой.

1. Какое настроение и чувства передает стихотворение и песня (радость, грусть, печаль)? Как это отражено в исполнении Елены Гайки и Ларисы Калмыковой?
2. Выделите стихотворение наизусть. Прочитайте с одноклассниками исполненное песню.

ФРОНТОВАЯ СУДЬБА «КАТЮШИ»

Слушатели воспринимают «Катюшу» как что-то своё, личное, душевное. Это стало причиной удивительного явления — рождения множества новых песен-переложений. На привет-послание девушки бойцу-пограничнику последовали песенные же ответы с пограничных застав. В них войны обращались в подругам, реальным или воображаемым, называл их одним ласковым именем,

Не цветут здесь яблони и груши,
Здесь леса прекрасные растут.
Каждый листик здесь бойцу послушен,
И врагу границу не пройдут.
Не забыл тебя я, дорогая,
Помню, слышу песенку твою.
И вдали безоблачного края
Я жду тебя ясного берега.
Не забудь и про меня, Катюша,
Про того, кто письма часто шлёт,
Про того, кто лес умест слушать,
Про того, кто счастье бережёт.

Но это было всё же только началом военной биографии «Катюши». Настоящим «байцолом» она стала в годы Великой Отечественной. Солдаты-фронтовики сочинили большое количество песен о любимой родине. В одной из них девушка скальничает на захваченной врагом территории, ей угрожают в рабскую неволю в Германию.

Здесь звенела песенка Катюши,
А теперь никто уж не поёт.
Сожжены все яблони и груши,
И никто не берёт ни предёт.

«Чтоб известность была слышнее, давай говорить о любви», — писал полк-фронтовик Александр Паркофьев. Вот и войны, солжидя форме и форме юности и песни, говорили о любви. Видно в образах империально-политических им представлялись жены и жёны, дочери и сёстры, оставшиеся на захваченной территории врага.

Обычно в любовных письмах набегает выскочка, громкий слог. Но в любви условных фронта, когда сами полтит Жизнь, Смерть, Родина, Любовь становятся не ослеплёнными, а обострённо, трагически конкретны. Мы сами говорим в письмах своей подруге самое сокровенное, интимное, которое звучит вдруг возвышенно-обобщённо.

...Милая Катюша,
 Буду метко бить я по врагам.
 Наши ямки, яблони и груши
 На позор фашистам не отдаю.

В светлых «иносмысл-песнях» девушка заверяет любимого в том, что и она своим трудом поможет фронту.

Обещала милому Катюша:
 «Будем честно фронту помогать,
 Будем больше делать мин и пушек,
 Чтоб скорее победу одержать».

Возможно, это — буди не на, из конца сочиненного, причём не столько такой побойной паре реки, усмехётся, усмехнулись и её некрепости. Полрассно. Пельза саннаваться з сокровенной градивости этих шлята и за-веренный, поскольку туть к любви, к линому счастью тогда был один — перик Победу.

Но только на трудовом фронте зовала «милая Катюша». Строим, рождённые в народе, утверждают, что она сражалась и с оружием в руках

Спелили мы, яблони и груши,
 Только дым клубится над рекой,
 В лес ушла красавица Катюша
 Партизанской тайной тропой,
 Завладела рано на лесовята
 Жаркий бой, где яблони цвели.
 Билась с ярым недругом Катюша
 За клочок своей родной земли.

А вот она уже в другой роли:

Ката слово раненому скажет
 Так, что в слезах песня затойт,
 Ката заны тропке перескажет,
 На руках на бой унесёт.
 Ой ты, Ката, девушка родная,
 Сто бойцов слышишь на их слезе.
 Может, завтра, раненых спасая,
 Из огня ты вынесешь меня.

Уже в конце 1941-го было положено начало новому большому кругу стихотворных зарисовок песни. Происшло это, когда решалась судьба битвы за столицу и по всем фронтам прогремела молва о новом оружии, которое «близко» называли «катышками». И песню же студента хвалили о ней — укрепляющей веру в победу, наводящей панический страх на врагов:

Эй ты, песня, песня огневая,
 Выжигай дотла фашистский обряд,
 Чтоб не смела вражья свора алая
 Лазить в наш советский огород,
 И летит снаряды в тылу пустую,
 И огни пожара небосводу,
 Пусть услышат эдакую простую,
 Пусть заломят, как она пост!

Если собрать все песни о «Катюше», созданные за время Великой Отечественной, то получится обширная поэти-эссея энциклопедия, где найдут образное, художественное отражение и труд женщины в тылу, ее чувства и переживания, мечты и надежды, и их участие в партизанском движении и боевые действия на фронте, и горькие судьбы тех, кто оказался на оккупированной земле или был угнан в немецкую неволю. Свод этих песен по широте и глубине показа человека на войне может сравниться разве что с «Валентином Теркинским» Анны Гинзбург Твардовского. Примечательно то, что глянцевая в этой тематической энциклопедии — показ войны изнутри, через сопереживание переживания, достигаемые чаще всего поэмой, адресованному близкому человеку. Отсюда тот пронзительный диалог, что в «Катюше» (разве что немецком) сердце.

Враги сожгли родную хату

Враги сожгли родную хату,
 Сгубили всю его семью,
 Куда же теперь идти солдату,
 Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
 На перекресток двух дорог,
 Нашёл солдат в широком поле
 Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно живая
 Встретил в траве у него,
 Сказал солдат: — Волшебный, Прискокья,
 Герои — мужья своего.

Губная для Костя усмирная,
 Накроет в избе широкий стол —

Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришёл...

Никто солдату не ответил,
Никто его не поздравил,
И только тёплой летней ветер
Трахе угнившую качал.

Вдохнул солдат, рывком поздравки,
Раскрыл мешок походный свой,
Нувилку торжески пытал
На серый вымыл гробаной.

Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришёл к тебе такой:
Хотел я выпить на здоровье,
А должен пить на упокой.

Сойдутся опять друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нас...
И пил солдат на медной кружки
Вино с печалью танцуют.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил
— Я шёл к тебе четыре года,
Я три держалы танцуют...

Желел солдат, свои наплевал,
Сило анбывкилась война,
И на груди его свисалась
Медаль на торо Budapest.

Фотоклуб «Светлая память»

СЛУШАЕМ ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН

Михаил Исаковский. «Враги сожгли родную хату»

Послушайте, как звучит стихотворение «Враги сожгли родную хату» в исполнении Сергея Сазонова и песня в исполнении Даниила Перова.

1. Какие чувства (любовь, горечь, терпение) выразил М. Мозжухин в стихотворении? Упомянуты ли эти чувства музыкой? Почему после Сопрано в арии? Почему не упомянул Наталью Цыгановну-ей любви, М. Мозжухину удалось в стихотворении «Богинь создал родную хату» передать горе, солдата, возвращающегося с войны в родному павильону. М. о се пришлось пережить ему на войне, но ещё страшно вернуться домой и не найт или дома, не родина. Это горе слышится в каждой строчке, и каждой строке, и каждый слове звучит глубоко. Пасторальная поэзия в стихотворении прокрадкой пронизывается, звучит его пейзажа, и пейзажные песни, и стихия ветра плещут как в агонии.
2. С чем рассказывает солдат, в какой длинной пути?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

Алексей Александрович Сурков

1899—1983

* * *

Сириня Круже

Бывает в лесной пещерке ботаник,
 На плеченьях выглаз, как слеза,
 И поёт мне в пемлячке тарелочку,
 Про улыбку твою и глаза.
 О тебе мне фантазия кружится
 В белопопенных полях под Москвой,
 И хочу, чтобы слышала ты,
 Как тоскует мой голос женной.

Ты поймёшь далеко-далеко,
 Между нами снега и снега,
 До тебя мне дойти несложно,
 А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, звякну назою,
 Заплетённое счастье заною,
 Мне в холодной землянке тепло
 От моей потепливой любви.

СПЕШАКМ АКЦЕРСКОЕ ЧТЕНИЕ И МУЗЫКАЛЬНУЮ ТРАКТОВКУ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Алексей Сурков. «Бытает в тесной петурке огонь...»

1. Песня А. А. Суркова — одна из самых известных песен Великой Отечественной войны. Какими впечатлениями, логическими ударами мысли, гомогенным и гетерогенным текстом передаёт автор мысли и чувства, переживаемые солдатами, возвращённым на верный путь и, различая нам с близкими, любимыми людьми?
2. Каким вы представили себе лирического героя стихотворения после представления мейнделеевского членика?
3. Что добавило к вашему представлению о герое стихотворения описание-название песни?
4. Подумайте выразительные средства стихотворения как целостного текста.

Константин Михайлович Симонов

1915—1979

В годы войны делившие лирической поэзии на «инициативу» и «санингонку» были скорее не условным, а глубоко неверным, потому что любовная тема была одной из главных, ведущих, остававшихся живыми. Сложилась удивительная ситуация — отношения двух любящих людей приобрели невольное, официальное звучание. Чужела расстояния, ожидания, стремление увидеть, услышать любимого человека, переживать за его судьбу, жизнь, надежда на счастливую встречу — интимные чувства двух любящих людей оказались общими для миллионов, не теряя своей некрепости, оскроbenности, трепетности.

Поэтому любую популярность и на фронте, и в тылу получили стихотворения А. Суркова «В землянке» («Бытает в тесной петурке огонь...») и «Жди меня» К. Симонова, ставшие беспародно любимыми песнями.

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожде,

Жди, когда снега метут,
 Жди, когда жарю,
 Жди, когда других не ждуть,
 Позабыт вчера,
 Жди, когда из дальних мест
 Писем не придёт,
 Жди, когда уи надевет
 Всем, кто вместе идёт.

Жди меня, и я вернусь.
 Не желай добра
 Всем, кто хочет плакучь,
 Что забыть пара.
 Пусть поверят сын и мать
 В то, что нет меня,
 Пусть друзья устанут ждать,
 Сядут у огня,
 Выпьют горькое вино
 На помин души...
 Жди. И с ними ходи
 Выпить не вина.

Жди меня, и я вернусь
 Всем свернам плачу.
 Кто не ждал меня, тот пусть
 Скажет: «Новелла».
 Не понять, не ждавшим, им;
 Как среди огня
 Останданием своим
 Ты спасла меня.
 Как я выжил, будем знать
 Только мы с тобой, —
 Просто ты ушла жить,
 Как никто другой.

1941

Развиваемся в прочтении

1. Как называется поэтический приём, при котором несколько строк стихотворения начинаются одним и тем же словом? С какой целью поэт использует этот приём в своём стихотворении?

2. Какие слова к стихотворению говорят о том, что в римской галлии обривались к своему дурному привычку на свете?
3. Как вы думаете, почему стихотворение, которое вроде бы написано только для людей («Как в цоколях буден э-ать / Только на с собой...»), стало одной из самых популярных любимых песен в годы войны? Под словом разобранной вы подразумеваете на эти вопросы.

А. Суржиков

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
 Как шли беспрерывные, злые дожди,
 Как кринки несли нам усталые женщины
 Прямая, как детей, от дождя их к груди,

Как слёзы они вытирали украдкою,
 Как волею нам шептали: «Господь нас спас!» —
 И снова себя называли солдатками,
 Как встарь пожелать на великой Руси.

Слезами измеренный шаг, чем вёрстами,
 Шёл тракт¹, на пригорках скрывался из глаз
 Деревни, деревни, деревни с поветами²,
 Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто из каждого русской землянич,
 Крестом своих рук оправдан живых,
 Всем миром сойдясь, наши прадеды молчали
 За в Бога не веривших внуков своих.

Ты знаешь, низвержи, жёлтаня радения —
 Не дом городской, где я правдиво жил,
 А эти проёлы, что дедами пройдены,
 С простыми крестами их русских моги.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
 Доронной тоской от села до села,
 Со вздохом слезою и с песнею женскою
 Впервые война на проёлах свела.

¹ Тракт — бывшая крестьянская дорога.

² Поветы — деревенские округа.

Ты помянешь, Алёна: папа под Борисовом,
 По мёртвому плачущий девичий крик,
 Седая старуха в салопчике плетённом¹,
 Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что мне сказать, чем утешить могли мы их?
 Но, горе после своим бабьим чутьём,
 Ты помянешь, старуха сказала: — Родимые,
 Покуда идёте, мы вас подождём.

«Мы вас подождём!» — говорили нам навзрыд,
 «Мы вас подождём!» — говорили лица,
 Ты знаешь, Алёна, ночью мне снится,
 Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только похоронца
 По русской норме рассказываю поезде,
 На панних глазах умиривают товарищи,
 По-русски рубищу рашпу на груди.

Нас пути с тобой пока ещё мылуют,
 Но, трижды поверив, что жизнь уже кон,
 Я всё-таки горд был за самую милую,
 За горькую землю, где я родился.

За то, что на ней удержать мне завещано,
 Что русская мать вас на свет родила,
 Что, в бой привожая нас, русская женщина
 По-русски три раза меня обняла.

Размышляем и прочитаем

1. Вспомните, какой стихотворчик К. С. Митин напечатал в 5 классе. О чём он?
2. Вы уже знаете, что такой же прозаиком передаёт чувства, настроение, переживания автора. Какими чувствами поэта согрето стихотворение «Вы помните Алёну, дорогая Елена цыганка?»
3. Поэт пишет о событиях, участником которых он был, пишет о том, что произошло и помнил его в громкобывшем, но нам кажется, что мысленно он обращается

¹ Слово «плетёный» — это так назвали древня на изготовлявшие берестя

ется к многовековой истории России. Какие слова поэта возвращают нас в далёкое прошлое, к истокам традиций русского народа?

4. Как вы думаете, почему поэт о беде, обрушившейся на родную землю, так подробно рассказывает о женщинах и стариках?
5. Почему чувства любви к Родине были особенно остро возбудены во время войны?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение стихотворения, передав интонацией чувства сострадания к любви поэта к народу, к солдатам.

Монологизация

Константин Симонов. «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...»

1. Стихотворение К. Симонова — монолог поэта, обращённый к другу, монолог-воспоминание о родной в пору тяжёлых испытаний, памятной закатной. Как автору удалось передать интонацию дружеского разговора?
2. Поэту, воспевающий героя войны, поэт — городском жителе, повторяет слова озерам, деревням, деревням и полям...?»
3. Поэту акцентированной интонацией с особой силой выделены повторяющиеся эпитеты «Мы вы: уходим?»

Булат Шалвович Окуджава

1924—1997

Песенка о пехоте

Простите пехоте,
 что так неразумна бывает она:
 всегда мы уходим,
 когда над землями бунтуют ветра,
 И шагом неверным
 по лестнице шаткой (спасения нет)...
 Лишь белое вербы,
 как белые сирени, падает тебе в ноги.
 Не верьте погоде,
 когда затяжные дожди она льёт.
 Ни верьте пехоте,
 когда она браваду песни поёт.

Не верьте, не верьте,
 когда на бодом хвостичку хвостика
 у жизни и смерти
 ещё не окончены пути: они.

Нас время учало
 жизнь по-находному, дверь открыла...
 Товарищ мужества,
 а всё же заманчива доля твоё:
 весь век ты в походе,
 и только одна отрывает от нас:
 того же мы уходим.
 когда над землёю бушует неваз?

* * *

Здесь птицы не поют,
 деревья не растут,
 и только мы, плечом в плечу,
 вращаем в землю тул.
 Горит и вращается пляжик,
 над дыщей родиною дым,
 и, значит, нам нужна одна победа,
 одна на всех, мы за неё не погубим.
 Нам идёт огонь смертельный,
 и всё же бесценен он.
 Сожжённая проть. Уходит в ночь отдельный,
 дымом и вилл десятный пятисом.

Вина огонь утле —
 звучит другой призыв,
 и пятисом идёт к уму, рыхлеломки нил.
 Выходит красная ракета,
 блет пулемет пулеметом,
 и, значит, нам нужна одна победа,
 одна на всех, мы за неё не погубим.
 Нам идёт огонь смертельный,
 и всё же бесценен он.
 Сожжённая проть. Уходит в ночь отдельный,
 дымом и вилл десятный пятисом.

От Курова и Фран
 война ещё дошла

до самых крайних пределов... Такно, брат, дела,
 Когда-нибудь мы вспомним это —
 и не поперетем самим,
 в войне нам нужна одна победа,
 одна на всех, мы за неё не постоим.
 Нам ждёт огонь смертельный,
 и всё ж бесценен он.
 Совоёныя пречь, Уходят в ночь отдельные,
 дряхлой — или дряхлым К. Битваком.

Фильмография

СЛУШАЕМ ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН

Булат Окуджава. «Песенка о пехоте»

Послушайте стихотворный и песенный варианты «Песенки о пехоте» в исполнении Елены Габич и Николая Лихачева.

1. Как воспринимаются текст стихотворения и песни — кажется грустным, трагическим, героическим?
2. Как и с какими наставлениями вы стали бы исполнять песню?
3. Когда же не надо верить пехоте?
4. Почему землянка долг мужины?
5. Как вы понимаете строки:

Не верите пехоте,
 когда она бравые песни поёт,
 ...Что ж мы ждём,
 когда над землёю бушует война?

6. Сравните их как исполнение стихотворения и песни актёрами?
7. Есть ли различия в задержанном «Песенке о пехоте» исполненном её жандармой (актриса Елена Габич) и мужиной (исполнил песни — актёр Николай Лихачев)?
8. Подготовьте выразительное чтение стихотворения в классе.

Размышляем о произведениях

1. Стихотворения и песни о войне — это выражение горести, боли и, конечно, страдания. Подумайте, какую тему затрагивают строки из песни.
2. Что рассказывают стихи о войне, о подвигах солдат, о потерях, об осуждённых врагом, о тяжести жизни и утра? Что изображает фрагмент песни с именами народными?

1. Каким чувством проникновенны стихи и песни о Великой Отечественной войне? Прочитайте нам и расскажите их. Какие из них вы слышали раньше, по радио, на концертах? Какие из них вы видели в фильмах? Как они называются?

Творческое задание

Напишите стихик на одну из понравившихся вам песен.

Объясните свою речь

Объясните слова и словосочетания, используйте их в своих сообщениях о военных Восток! Стихотворения о войне: *Будем жить, доблестно жить, и летать по полям, бороться, брать в плен, стать первооткрывателем, завоевать свободу, завоевать свободу, завоевать свободу.*

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОЗАИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

Фёдор Александрович АБРАМОВ

1920—1983

Фёдор Абрамов ушёл на фронт добровольцем с 3-го курса Ленинградского университета. Был тяжело ранен в бою. После войны закончил университет и аспирантуру, стал преподавателем, а затем заведующим кафедрой литературы. Но никогда не забывал родную деревню.

Произведения Абрамова посвящены не только ужасам войны и колхозному труженику, но и любви ко всему живому.

Писатель всегда вспоминал творческие проблемы критики. Он много прохаживал, а многие говорили раньше и смелее дружи, зачастую поддерживал за это разностороннюю и проницательную критику, «Меня били! Крепко били, — говорил он. — Но те произведения, за которые меня били, — проходили тогда, проходило время — и их причисляли к положительным явлениям советской литературы. Так было с повестью «Вокруг да около», с романами «Две зимы и три лета», «Пуги перелететь», «Дом», с повестью «Пелюха». А многие произведения вообще не могли увидеть свет при жизни. Лучший это рассказ — «Старуха», который побывал во многих редакциях журналов и который все хвалили, пролежал в столе двенадцать лет. Он был опубликован только в 1987 году журналом «Наш современник». Но никто не мог догадаться, какой и слабодушкой Абрамов. Он был человеком, жидкой улыбкой и жидкой, в работе, в слове.

О чём плачут лошади

Всегда рано, когда я спускался с деревенского уезда на дуг, и как бы жюль и ястреб падал в своё далекое детство — в мир пахучих трав, стрекоз и бабочек и, конечно же, в мир лошадей, которые плелись на привязи, каждая возле своего кола.

Я чутливо брал с собой хлеб и подкармливал лошадей, и если не случалось хлеба, и всё равно останавливался возле них, дружелюбно похлопывал по спине, по шее, подбадривал ласковым словом, трещал по тёплым бархатным губам и потом долго, чуть не весь день, выслушивал на своей ладони ни с чем не сравнимый конский душник.

Самые сложные, самые разноречивые чувства выживали у меня эти лошади.

Они выжили, разделили моё крепляническое сердце, прощались пустынному дугу с редкими кочками и кустиками ивняка свою озабоченность — ликвидацию — крикту, и в малые минуты, в часами сморгнув на этих добрых и умных животных, вступившись в их одностороннее покрутывание, нередко прерываемое то недолгим пофырканьем, то коротким взхрапом — пыльная или беспыльная трапка попала.

На чаще всего лошади выжили у меня чутливо жалобно и даже какой-то виноватой змеи перед змеи. Конек Миколка, великодушней, всегда и днём и ночью не выжидая к коню, и вокруг коня ни что трава — дернгу были парижана и выбита дрозды. Они постепенно томились, умирали от жажды, их доедал туша, а в затихшем востере тердая обляком, тучей тощился для пизы жемар к конюшню.

В общем, что говорить, — тяжело жились бедняки. И потому-то я как мог пытался скривить, ибелчить их дугу. Да и не пытался я. Редкая старушанка, редкая баба, оказавшись на дугу, проходила к ним бызучиво¹.

На этот раз я не шёл — бежал к лошадям, ибо когда же я увидел сегодня среди них? Свои любимцыу Клару, или Рыжуку, как я называл её запросто, по быжлонинскому, по обычаю тех времён, когда ещё не было ни Громов, ни Идей, ни Побед, ни Ударинков, ни Звонд, а были Карьки и Карюжи, Воронки и Воронухи, Гудьки и Гудухи — обычные лошади с обычными лошадиными именами.

Рыжука была тех же степеней и тех же кровей, что и остальные кобылы и жеребцы. На породы так называемых жёзенок, лошадинок перекрутых, неказистых, но очень выносливых и неприхотливых, хоро-

¹ Когда старушкй редкая сидит на дуге с конем уезду на коню, в шавтор, и лошади сидят рядом, забавиться.

но прилежно обмытых и глянцевых ушамих Сенора. И думалось Рыжухе не меньше, чем её подругам и товарищам. В четыре пять лет у неё уже была обита спина над седельной, заметно стивело брюхо и даже ветки начинали пухнуть.

И все-таки Рыжуха выгодно выделялась среди своих сородичей.

На некоторых из них право ноги не была смотреть. Какле-то перашливые, опустившиеся, с незмышиной, клочкастой шкурой, с тношшивыми глазами, с какой-то тупой покорностью и обречённостью во взгляде, по всей погуре, сгорбленной фигуре.

А Рыжуха — тут, Рыжуха была кобылка чистая, да к тому же ещё сохраняла свой весёлый, неунывающий характер, первость молодости. Обычно, жевиди меня, сдускиащется с утери, она как под биралась, вытягивалась к струнку, палкажи своей живонкой галсе, а мнуста широко, какколько позволяла верёвка, обегала вокруг кола, так как повернула, как и выжвие оза, иной прижестиванной крут радукти.

Сегодня Рыжуха при моём приближении не выказала ни малейшего неодушевления. Стояла возле кола неподвижно, инновалась, кстожа, как умеют стоять только лошади, и мнчел, рипительно киния не отличалась от остальных кобыл и коней.

«Да что с ней? — с тревогой подумал я. — Болвана? Забыла меня на это время?» (Рыжуха две недели была на дальнем сноковке.)

И на ходу стал отламывать от буханки большой кусок — с этого, с подкормки, началась наша дружба, но тут кобыла и вовсе задалача да меня: она отвернула голову в сторону.

— Рыжуха, Рыжуха... Да это же п... я...

И схватил её на густую с праседью челку, которую сам же и подстриг неделю три назад — вопресть забивала глаза, — притянул к себе. И что же я увидел? Слезы. Большие, с добрую фасалину, лошадиные слёзы.

— Рыжуха, Рыжуха, да что с тобой?

Рыжуха молча продолжала плакать.

— Ну, хороша, у тебя горе, у тебя беда. Но ты можешь сказать, к чём дело?

— У нас тут спор один был...

— У кого — у нас?

— У нас, у лошадей.

— У нас спор? — удивился я. — О чём?

— О лошадиной земляи. Я кя сказала, что были времена, когда нас, лошадей, жалели и берегли лучше всего на свете, а они поджали

мнии на смех, стали издеваться надо мной... — и тут Рыжуха опять расплакалась.

И навислу успокоил её. И вот что в конце концов рассказала она мне.

На дальняя поляна, с которой только что вернулась Рыжуха, она поспешно вышла к одной старой кобылке, с которой на пару ходила в конной конюшне. И вот эта старая кобылка, когда им становились со всем песомоготу (а работа там была каторжная, на износ), начинала подбадривать её своими песнями.

— Я в жизни ничего подобного не слышала, — говорила Рыжуха. — На этих песен я узнала, что были времена, когда нас, лошадей, называли кормильцами, козики и ласкали, украшали лентами. И когда я слушала эти песни, я забывала про жару, про оводов, про удары ремённой, которой то и дело дупила нас злой мужик. И мне легче, ей-богу, легче было тащить тяжёлую косилку. И спрашивала Забаву, — так звали старую кобылу, — не утешают ли она меня? Не сама ли она придумала все эти красивые песни про лошадиное беспечальное житьё? Но она меня уверяла, что всё это правда и что эти песни пела ей ещё мать. Пела, когда она была козунком. А мать их слышала от своей матери. И так эти песни про счастливые лошадиные времена из поколения в поколение передавались в нашем роду.

— И вот, — закончила свой рассказ Рыжуха, — сегодня утром, как только нас вывели на луг, я начала петь песни старой кобылки своим товарищам и товарищам, а они закричали в один голос: «Врешь всё это, брешня! Замолчи! Не расстраивай нам лугу. И так тошно».

Рыжуха с надеждой, с мольбой выпнула ко мне свои огромные, всё ещё мокрые, печальные глаза, в фиолетовой глубине которых я вдруг увидел себя — маленького, крохотного человечка.

— Скажите мне... Вы человек, вы всё знаете, вы на тех, кто всю жизнь командует нами... Скажите, были такие времена, когда нам, лошадям, жилось хорошо? Не свирела мне старая кобылка? Не обманула?

Я не выдержал прямого, вопрошающего взгляда Рыжухи. И отвел глаза в сторону, и тут мне показалось, что отовсюду, со всех сторон, на меня смотрят большие и пыльные лошадиные глаза. Неужели то, о чём спрашивала меня Рыжуха, звеняла в других лошадях? Но всё это случай, обычного зрелища, который всегда слышится на лугу, не было.

Не лпым, сколько продолжалась для меня эта молчаливая пытка на лесной хутовине над горой, — может, минуту, может, десять минут, может, час, — но я выжила с головы до ног.

Всё, всё правильно говорила старая кобыла, ничего не сообрали. Были, были также презрела, и были ещё недавно, на моей памяти, когда лошадей дышали и жили, когда ей скармливали самый лакомый кусок, а то и последнюю краюху хлеба — мы-то как-нибудь выживем, мы-то и с голодным брюхом пронаедем до утра. Нам не привыкать. А что делалось по вечерам, когда наработавшаяся за день лошадка уходила в свой заулоч! Вся семья, от мала до велика, выбегала встречать её, и сколько же ласковых, сколько благодарных слов выслушивала она, с какой любовью распрятали её, выкашивали, выдвигали на водопой, скребили, чистили! А сколько раз за ночь поднимались козлята, чтобы принести своей скармливщице!

Да, да, сокровище, Гиненна цвара и надежда всей крестьянской жизни, потому как был лошадка — выкуди! ни в поле выехать, ни в лес. Да и не шугуять как следует.

Полночь прожил и на большом свете и чудес, как говорится, пока дал перемало — и своих в пазорезках, ни нет, русские гулянья на лошадях о Масленице¹ сражались не с чем.

Всё преобразалось как в сказке. Преобразались мужчины и парни — чёртом выгибались на лёгких расписных санках с железными подрезами, — преобразались лошади. Эх, гуляшны, эх, родимые! Не подкачайте! Потешьте сердце молодецкое. Радауйте метель-огонь на всю уличку!

И лошади радужали. Радугами плясали в зимнем воздухе цветастые, узорчатые дуги, июльский жар несло от медных начищенных обручей, из колокольницы, колокольцы — услада русской души...

Первая ягруска крестьянского сына — деревянный конь. Конь смотрел на ребенка с криком родного, отцовского дома, про коня-бегуна, про синюю бурку сына и рассказывала мать, конём украшал он, широкими, прилёку для своей суженой², коню молчался... И конский подковный — знакомым долгожданного мужицкого счастья — встречало тебя почти каждое крыльцо. Вей — конь, вей — от князя: конская жизнь крестьянская с рождения до смерти...

Ну и что же удивительного, что ла-ла коня, ла-ла кобылы вселились все ливаные страсти и первые холерные годы!

¹ Масленица — старинное языческое название праздника зима, на время которого люди бьют и устраивают увеселение.

² Суженой — в народном языке — невеста.

У конюшних толкались, митинговали с утра до ночи — так выло-пели свои откровения. Сбил у борозки желку, не напил Гнедуху по-времени, павалил лишком большой вод, лишком быстро гнал Чалого, и вот уж крик, вот уж кулаком в рыло хвехали.

О-э, да что толковать о коневках, о мужиках, которые всю жизнь кормились от лошадей?

Я, служивый диметр, студент университета, ещё никакуне войны не мог спокойно пройти мимо скота Карька, который когда-то как солнце освещал всю жизнь нашей многолетней, рано осиротевшей се-мьи. И даже войны ни вытеснили ни мне память и родным конем.

Наконец, в срок седьмом вернулся в деревню. Голод, разор, запу-стание, каждый дом рыдает за невыруженными с войны. А стояло мне укиреть первую лошадь, и на мысли прибыл Карько.

— Нету вашего Карька, — ответил мне конюх-старик. — На де-нса фронте Воду дуну отдал. Ты думаешь, только люди в эту войну воевали? Нет, лошади тоже победу козали, да ещё как...

В каждом из нас, должно быть, живёт пушкляцкий вепрь Олег, и гада тыи напад, когда мне довелось быть в Ресвоках, где когда-то в войну шла заготовка леса, и попыткаи разокить отапки своего коня.

Лесовушка давно уже не было. Старые барака, кое-как сдвинен-ные когда-то стариками да мальчишками, развалились, заросли кра-пивой, а на месте катица, так, где земля была щедро удобрена пе-речисленной щепой и корой, вымахали густые заросли рожков и кан-чал.

Я выбродил выли жила задумай, а духотый мотых даже прило-жил жиди коня вихи трону, но останок выкинул во вышай...

...Рыжуха всё тие же, с подкадой, с колыбой свотрели ни жик. И оморали другие лошади. И выламы, всё пространство на дугу, под пирей — выламы подя лошадиные глаза. Век, и жиком, на при-вие, и те, которых давно уже не было, — всё лошадиное парство, выламы и мёртвин, испрошало войное коня.

А я вдруг папустил на себя бесшабашную удачу и выкинул:

— Ну, ну, хватит кленуть! Хватит пайкивать себе голову всякой срупадой! Давайте лучше трать хлеб, пока грабятел.

И вслед за тем, набегал глядеть в глаза Рыжухе, я торопливо бре-сел на луг, напротив её выткнутой морды, давно приготовленный ку-сок хлеба, потом быстро одевал хлебом других лошадей и с той же разудалой бесшабашностью театрально выкинул руку:

— Показать... — И, глубоко сунув руки в карманы кожаных джинсов, быстрой, размазанной походкой двинулся к реке.

А что я мог ответить этим бедолагам? Показать, что старая кобыла ничего не выдумала, что были у лошадей счастливые времена?

И пересек переселенное озеро, вышел на старую, сохранившуюся ещё от довоенных времён ямбу, которая когда-то разделяла меня своим буйным разнотравьем.

Но я ничего не видел сейчас.

Всё моё существо, весь мой слух были обращены назад, к лошади. Я ждал, каждым своим нервом ждал, когда же плынут они гремят хлеб, с обычным лошадиным хрустом и крумяньем стричь траву на лугу.

Ни малейшего звука не доносились оттуда.

И тогда я вдруг стал понимать, что я совершил что-то кошмарное, страшное, что я обманул Рыжку, обманул всех этих несчастных коней и дождит и что никогда, никогда уже у меня с Рыжкой не будет той искренности и того доверия, которые были до сих пор.

И тоска, тяжёлая лошадиная тоска нависла над мной, пригнула к земле. И теперь я уже сам казался себе нависаю-то пелитым, отжившим существом. Существом из той же лошадиной породы...

Размышляем о прочитанном

1. Почему лошади испытывали такое острое чувство жалости у автора? Какую роль в повествовании играют концы на лошади?
2. Как объяснить название рассказа и главы: «В клетке конюх, должен быть, как-то Пушкински-и мещи Целый»? И чем рассказчик обманул Рыжку?
3. Какие раздумья вызвал у вас рассказ? И о чём, нарё он обратился ко всем нам?
4. Какими словами закончился рассказ? Почему на рассказчика нависла лошадиная тоска? Что хотел сказать автор этой концовкой?

Совершенствуем свои речи

1. Как вы понимаете слова и выражения: самые сложные, самые разговорные «ребята»; я называл её заплата, но бедолагамому; по обычию тех времён; Золотые и серебряные; в лошадиные бокары; похититель; море не было свободным; по правде; по-чужому; почему русский язык? Подготовьте пересказ, используя в него эти выражения.
2. Объясните значение слов и выражений: подёрнула к нему свои-иные мысли; по; джонки; конюха; нависла; двинулся; буйным-иным жутью; буйство.

Виктор Петрович АСТАФЬЕВ

1924—2001

«Человеку назначено по природе иметь свой характер, который, конечно же, развивается не только сам по себе, но прежде всего под влиянием среды, родителей, школы, общества и друзей, кому повезёт их иметь, ибо дружба, настоящая дружба. — награда человеку редкая и драгоценная, лучше она бывает крепче и вернее родственных связей и сильнее их человеческие отношения куда сильнее, чем контакты, а способность при крайних, бедственных обстоятельствах — с полем боя, рискуя своей жизнью, выносить бойца только настоящего, преданного друга. У меня они, такие друзья, были на войне, есть и в нынешней жизни... Каждую свою книгу, для и каждую статью, и поступок свой просматриваю и принимаю как платани своих друзей, а особенности фронтовых, чтоб не было стыдно перед ними за плохую, несчастно или неаппетитно сделанную работу, за лень, за непорядочность», — этими словами писатель Виктор Астафьев открывал свою книгу, выпущенную для школьников издательством «Прозвещение». В книгу эту вошли повести «Кража» и рассказ «Последний поклон». Оба произведения в значительной степени автобиографичны. «Кража» — повесть о воспитанниках детского дома, о сложных, исколеченных жестокостью мальнических судьбах, о директоре детского дома Редкине, который пытается отстоять в душах подростков веру в добро. Астафьев тоже был детдомовцем, по нему писал о том, что терзал сам. Автобиографична и повесть «Последний поклон». Жанр этой произведений характерен именно для творчества Астафьева. Эта повесть, состоящая из рассказов. Герои повести — Витя Пяталицын, мальчик из таёжного сибирского села, бабушка Катерина Петровна — казалось бы, реальные, конкретные люди сам писатель, его бабушка, вставшая ему на защиту. Но в то же время книга это автобиографичная через личные переживания одного человека рассказ о целом поколении людей, чьё детство выпало на трудные предвоенные годы. Мягкая, душевная интонация ге-

рая-рассказчица вывечивает не столько суровую, часто жестокую действительность, сколько добрые поступки людей, которые окружали герала, их взаимное уважение, их искреннюю заботу друг о друге.

Рассказ «Фотография, на которой меня нет» является главкой из книги «Последний голубок».

?! Проверьте себя

1. Сопоставьте ли вы с В. П. Астафьевым в его убеждениях, что дружба имеет решающее значение в формировании характера человека? Нужна ли дружба очень важной этической и эстетической жизни?
2. Какие характеристики являются показателем качества уже читали на уроках литературы? Интересно ли читать такие произведения? Подчеркнет ли у вас особое отношение к героям астафьевского произведения?
3. Подумать о том, на героя В. П. Астафьева вы уже читали. Чем интересны для вас герои астафьевских рассказов?

Фотография, на которой меня нет

Глухой зимой, во времена такие, сонные, нашу школу возбуждали неслыханно важные события. Из города на подходе приближал фотограф! И не просто так приближал, он делал — приближал фотографировать.

И фотографировать не стариков и старух, не деревенский люд, а будущий бумажный великий человек, а еще, услышавши известия о приезде.

Фотограф прибыл за полдень, и по этому случаю занятия в школе были прерваны. Учитель и учительница — муж и женщина — шли для гадать, где поместить фотографа на подходе.

Самы они жили в одной палатке драхманского домика, оставшегося от колхозников, и был у них маленький парничок джунглей. Бабушка моя, таким от родителей, по просьбе тетки Авдотьи, дружившей с ней у местных учителей, три раза хранила у себя для тетки, но он всё равно был очень занят и, как утверждали следующие люди, наравел путь в любовницу великой.

Во второй половине дня разговаривала кустора сивильного учителя, где висел пухлый телефон, и дверь в него была не закрыта, а только он звонил так, что трубка на крыше разламывалась, и по телефону этому можно было разговаривать. Сидящие на скамейке в лесу на рою, слышу или прямо так подражающей в кусторе, кричал и выражался в трубку телефона.

Такого человека, как фотограф, невозможно было учителям оставить у себя. Решено поместить его в соседний дом, но помещалась тёл-

на Аджитку. Они спускали учителя в кузь¹ и с напором, приняв конфуцианца, пытались его убедить:

— Им тоже нельзя. Импринков набейте полни хлеба. Пить займут, луку, капуста для картошки напрутся и ночью себя некультурно вести станут. — Тёзка Аджитку посчитала все эти доводы неубедительными и прибавила: — Взойди капуста...

— Что же делать?

— И чинчи! И минчи! — Тёзка Аджитку паннула послушалок и перепатилась на улицу. Фотограф был пристроен на почь у десятника сплавконторы. Жил в нашем селе грамотный, деловой, весьма уважательный человек Илья Иванович Чехов. Происходил он из смыльских. Смыльскими были не то его дед, не то отец. Сама он давно женился на нашей деревенской молоднице, был всем кумом, другом и советником по части подрядков на сплаве, лесозаготовках и всякие извести. Фотографу, конечно же, в доме Чехова — самое подходящее место. Там его в разговор умным займут, в видеотке городской, если потребуются, уштант, и книжку почтитать ка писателю дадут.

Вдохнул облегчённо учитель. Ученики вдохнули. Села вздохнули — все переживали. Всем хотелось увидеть фотографу, чтобы увидеть на работу о нём и слышал бы ребят как полагается, хорошо слышал.

Весь длинный зимний вечер школьники тупом ходили по селу, гадали, кто где сидит, кто на что одевается и какие будут расприрядки. Репетивные вопросы и расприрядки выходяли на в нашу с Санькой поляду. Приделанные учителя сидут спереди, средние — в середине, плохие назад — так было порешено. Ни в ту зиму, ни во все последующие мы с Санькой не удивляли мир прилежанием и поведением, нам и на середину расчитывать было трудно. Быть нам свала, где и не разберёшь, кто заснёт. Ты или не ты? Мы полсали в драку, чтоб без доказатель, что мы — люди пронашше... Но ребята прогнали нас на своей компании, даже драться с нами не сазмались. Тогда пошли мы с Санькой на ужал² и стали кататься с твёрдого оброчка, с какого ни один разумный человек никогда не катался. Ужаски гикали, ругались, мчалась мы не просто так, а в погнбел, поразбивали о каменья голыжки снежик, колёвочки поспинили, вынылались, начернили шланге ка танки³ снегу.

¹ Кузь (жоз.) — последняя часть села.

² Жале — острый камень.

³ Катанки — санки.

Бабушки уж затемно сыскала нас с Сашкой на улице, обихих настигла дружок.

Ночью наступила расплата за отчаянный разгул — у меня заболели ноги. Она вояла выли от «реumatизма», как называла бабушка болезнь, якобы доставшуюся мне по наследству от покойной мамы. Но стало мне жутудуть ноги, наярность и катанки снега — тутчас нули в ногах пережидала в невыносимую боль.

И долго терпела, чтоб не лаять, очень долго. Раскидал ватночку, прижал ноги, рваны бы вывернутые в суставах, к горячим кирпичам русской печи, потом растирал ладошками сухо, как лучина, крутящие суставы, аэоывал ноги в тёплой рукав полушубка — ничего не помогало.

И п пазыл. Сначала тихонько, по-шестичью, затем и в полный голос.

— Ты и и знала! Ты и и знала! — проснулася и заворчала бабушка. — Я ли тебе, лавило бы тебя в душу и в печёнки, не говорила: «Не студися, не студися!» — повысила она голос. — Так он ведь умнее всех! Он бабушку послушат? Он добрым словам внимаёт? Загибат теперь! Загибат, куда помож! Молыли лучше! Молыли! — Бабушка оценилась с кроватки, присела, схватившись за поясницу. Собственная боль действует на неё умариваще. — И меня загибат...

Она завали лампу, унесла её с собой в кровать и там заживилась игрушкой, флажочками, бумажками, скляночками — шипит охкающим декартка. Припугнутой её колесом и птывающей ожаднянкой, и кид в усталую драму.

— Где ты, тутжи?

— Зде-е-е-ся, — по невозможности злобно откликнулся я и перестал шевелиться.

— Зде-е-е-ся, — передразнила бабушка и, встарик меня в темноте, перво-наперво дала патрещину. Потом долго патирала мои ноги напатыричь спиртом. Спирт она птирала основательно, досуха, и всё шумела: — Я ли тебе не говорила? Я ли тебя не упреждала? — И одной рукой патирала, а другой мне поддавала да поддавала! — Эх его умучило! Эх его крооком скрючало! Пошшел, будто на лёде, а не на пече сидел...

И уж на тугу, не огрызало, не перечил бабушке — лечит она меня.

Выдохлася, умокла докторша, заткнула гранёный длинный флакон, прислонила его к печной трубе, укутала мои ноги старым пуховой шалька, будто тёмной знарий пленником, да ноги сверху полушубку

бок накинута и вытерла слёмы с моего лица шипучей от спирта ладонью.

— Сня, птишка малая. Господь с тобой и ангелы во зароденье.

Засидно бабушка свою повязку и свои руки-ноги натёрла водочным спиртом, обсутилажк на скрапучую деревянную кровать, заборзотала молитву Пресвятой Богородице, охранявшей сон, покой и благоденствие в дому. На половине молитвы она прервалась, заслушивается, как я засыпаю, и да-то уже сквозь скрежецающуюся слух слышно:

— И чего к ребёнку привизалась? Обутки у него почиеты, долька ладунки...

Но уснул я в ту ночь. На молитва бабушкина, на вышатырный спирт, на прижычим шиль, скрежежа лискошка и арлабаша скотом, что мякина, на правелек поблагочения. Я бился и кричал во весь дом. Бабушка уже не кивнула меня, я перепробывавши все свои лекарства, папьякала и выкустилась на деда:

— Дряхлишь, старый одер!.. А тут хоть прощания!

— Да не сплю я, не сплю. Чё делать-то?

— Ваню потоплай!

— Среди ночи?

— Среди ночи. Экой баран! Ребёнок-то! — Бабушка закрылась руками: — Да отхоль палець такая, да за что же она выратеностью лосат, как тонку тали-и-вику¹... Ты долго крутеть будешь, талостодум? Чё пишешь? Вчерашний день пишешь? Вот твои рукавицы. Вот твои шапка!..

Утром бабушка унесла меня в баню — сам я идти уже не мог. Долго растирала бабушка мои ноги запаренным берёзовым веником, грела их над паром от каменных камней, парил сквозь тряпку ногою меня, мыла веник в дубный квас, и ж заклятым же шить же натёрла вышатырным спиртом. Дома мне дали ложку противной водки, настуженной на борце², жтой мушкетёрской пагилье, и жичёной бруслики. После жема жлого вжонили мажком, жичичённым с мажком галокнама. Вальше я ни сидеть, ни стоять не ж талостомки был, меня спшибло с ног, и ж проснил до полудня.

Разбудилеж от талостак, Санька преширался или ругался с бабушкой в кути.

— Не может он, не может... Я те русским языком толкую! — те порала бабушка. — Я ему ж рубашетку приготовила, ж пальтишк

¹ Талица — жим. шиль.

² Борце — дубу жичичё ризаню.

ко высушила, утюжила ик, аудо ли, бедно ли, аладила. А он сел...

— Бабушка Катерина, машинку, апарат настанили. Меня учитель по-скал. Бабушка Катерина!.. — пастаквал Сашка.

— Не может, говорю... Постой-ка, это ведь ты, жиган, смашил его на урал-то! — аемнило бабушку. — Смашил, а теперича?..

— Бабушка Катерина...

И скатился с печи с намерением показать бабушке, что всё могу, что пет для меня преград, но подломилась худые ноги, будто не мои они были. Пакхнуши в коме ливки ни цол. Бабушка и Сашка тут как тут.

— Все равно пойду! — кричал и на бабушку. — Давай рубаху! Штаны ливки! Все равно пойду!

— Да куда пойдёшь-то? С печи ля полати, — показывала головой бабушка и аемнило сдвинула рукой атяжку, чтоб Сашка убарился.

— Сашка, ацтой! Ни уходни и а! — хавила и и пашылаки ая-гиль. Бабушка поддержала меня и уде ребко, акалослико уашири-кала.

— Ну, куда пойдёшь-то? Куда?

— Пойду-у-у! Давай рубаху! Шапку давай!..

Вид мой поверг и Сашку и удручавше. Он помаялся, помаялся, не топтался, потоптался и скинул в себя новую каричневую телогрейку, выдавшую ему дядей Левашиком по случаю фотографирования.

— Ладно! — решительно сказал Сашка. — Ладно! — ещё решительней повторил он. — Раз так, и тоже не пойду! Все! — И под одобрительным взглядом бабушки Катерины Петровны проследовал в беранцию¹. — Не последний день на свете живём! — оаидно заявил Сашка. И мне почувдалось: не столько уж меня, сколько себя убеждал Сашка. — Ещё наснимаемса! Нашти-а-аи! Подем в город и на коне, может, и на автомобиле заснимаемса. Правда, бабушка Катерина? — захихнул Сашка удочку.

— Правда, Сашка, правда. Я сага, не сыйти мне с этого места, сама отведу вас в город, и к Волкоку, к Волкоку. Знаешь Волко-ка-то?

Сашка Волкоки не знал. И я тоже не знал.

— Сикстучный это в городе фотограф? Он ночь на аирает, ночь на почваре, ночь ни коне, ночь на ершине, ночь на чём заснимет?

— А школа? Швалу он заснимет?

¹Средняя (женщ.) — аель себе адрок-аюо аема-ааа-ааа

— Школу-то? Школу? У него машина, пу, аппарат-то не переносной. К полу прианченый, — прыгала бабушка.

— Вот, а ты...

— Чего я? Чего я? Зато Волков в рамку сразу вставит.

— В рамку? Зачем мне твои рамки?! Я без рамки хочу!

— Без рамки! Хочешь? Даю па! Па! Отваливай! Коли свалишься с ходуль своих, домой не войдешь! — Бабушка покидала в меня одежку: рубашку, пальтишко, шапку, рукавицы, катанки — всё покидала. — Ступай, ступай! Бабушка куда тебе хочет! Бабушка — зря тебе! Она кино неси, жидица, вынимай кётса, я не, выдана, какни для подарочки бабушки!..

Тут я вылез обратно на печку и заревел от горячего беспомощия. Куда я мог идти, если ноги не ходят?

В школу я не ходил больше недели. Бабушка меня лечила и баловала, довала парелья, бруслицы, вытравляла отварных ешек, которые я очень любил. Целыми днями сидел я на лавке, глядел на улицу, куда мне ходу пока не было, от безделья принимался плюнуть на стёкла, а бабушка страдала меня, мол, зубы заболят. На ничего зубам не сделалось, а вот ноги, плшой не плшой, всё болят, всё болят.

Деревенское окно, заделанное на зиму, — своего рода произведение искусства. На зиму, ещё не заходя в дом, можно определить, какал здесь живёт хозяинка, что у неё за характер и какой обиход в избе.

Бабушка рамы вставляла в зиму с толком и неброской красотой. В горнице меж рам валиком клала вату и на белое сверху клала три-четыре розетки рябины с листьями — и всё. Никаких изливших. В передней же и в куте бабушка меж рам накладывала мох вперемежку с бруслинником. На мох несколько берёзовых утлей, меж утлей ворохом рябину — и уже без листьев.

Бабушка объяснила причуду эту так:

— Мох сырость заискивает. Утлёмк обмёрзнуть стёклам не даёт, а рябина от утара. Тут печка, с кута чад.

Бабушка иной раз подсмеивалась надо мной, выдумывала разные штуконы, но много лет спустя, у писателя Александра Яшина, прочёл я том же рябины от утара — первое средство. Народная примета не пилот границ и расстояний.

Бабушкины окна в холодные они звучны и буквально-досконально, но изранически предельносыма Митроха.

У дяди Левонтия нечего изучать. Промех рам у них ничего не держит, и стёкла в рамках не вес целы — где факерка предьета, где трепкава заткнуто, в одной створке вращаем пузом выперла подушка.

В доме пахнет сосисок, у тётки Анюты, меж рам навалено всего: и ваты, и моку, и рубины, и калины, но главное там украшение — цветочки. Они, эти булавочные цветочки, синие, красивые, белые, отодвинули свой век на ящиках, на утварице и теперь вышвырнули украшение меж рам. И ещё у тётки Анюты за рамками красуются «шанканы» куклы, безносая собака-копалка, развешены побрякушки без ручек и ковы стоит без хвоста и гривы, с раскормленными похрюшки. Все эти приручки шарки прикинула детским муж Анюты, Терентий, который где-то ныне находится — она и знать не знает. Года два и даже три может не появляться Терентий. Потом эти словно кораблейники на мачки вытряхнут, выдрючат, выноют, с постыдками и пощраками. Придёт тогда покаяная женщина в дом тётки Анюты. Сама тётка Анюта, вся лишняя надёрсанная, худая, бурная, белугая, всё в ней навалом — и легкомыслие, и доброта, и бойка сварливости.

Дальше тётке Анютыного дома ничего не ведать. Какие там сосиски, что в них — не знает. Раньше не ощущал внимания — никогда было, а теперь всё вижу да потягиваюсь, да бабушкину корюшку слушаю.

Какая тоска!

Оторвал листок у желтого цветка, помал в руках — воплет листок, будто нашатырный спирт. Бабушка листок желтого цветка в чай заваривает, пьёт с варёным молоком. Ещё на окне алой облепих, да в горшочке два фикуса. Фикусы бабушка стережёт лучше плана, по все равно прошлой зимой ударили такие морозы, что потемнели листья у фикусов, склизкие, как обмылки, сделались и осыпали. Однако все же не ожидали — морозы у фикусов жакоуной, и выжили стрелки на стеблях прикинулись. Ожидали фикусы. Люблю и смотреть на окняжающие цветы. Все почти горшочки с цветами — гераники, серёжками, колючей розочкой, луваяницами — находятся в подполье. Горшочки эти вовсе пусты, или тирент им нос серые пиньки.

Но как только на калине под окном ударят сентябрь по первой сосушке и послышится тинький звук на улице, бабушка вынет из подполья старую чурочку с дырочкой на дне и поставит все на тёткино окошко в куты.

Через три-четыре дня на обской нежидкой земле проткнутся бледно-зеленые острые побеги — и победят, пойдут они торопливо вверх, по ходу накапливая в себе темную зелень, разворачиваясь в длинные листья, и однажды возникнет в пазухе этих листьев крутая палка, проверено движется та зеленая палка в рост, опережая листья, породившие ее, забухнет шепотом на кончике и вдруг замерет перед тем, как совершить чудо.

И когда караулил то мгновенно, тот мне свершающегося таинство — расцвел-ника, и ни разу не сдвинулся ни шаг. Ничего нам на руке сестры, слышно от ладного уромажного кино, пошевелил лукавство.

Видишь, бывало, утром, прибежишь еще сонный до ззтру, а бабушкин голос слышишь:

— Гляди-ка, жёлтенький кактёй у нас нарождился!

На окне, в старом чурчике, вальс пахобранного стекла над чёрной землёю висел и улыбаелся престоубный цвоток с бело мерцающей сердцешкавой и жёлтёй поворид, жёлтенький-радостным дулом: «Ну вот и я! Дождиком!»

И красному градофильчану неосторожно захулился ружь, чий дитро нулся до шетка, чтоб поверить в недалекую теверь зену, и божно были испугнуть врань шимы «переху-кони» в яны предвостанкии земля, солитя, ладной земли.

После того как затерялся на окне лукавства, заметней прибывал дитро, слышалось только обмёрзшее окно. бабушка дитровала во полно-аво знаменныи цвоты, и они тоже начинали на тыны, глыушки к околу, в околу, обрантывалю окна и зина дитро цвоткам. Лукавства мостом, убаина дитро зение к цвотичию, спорачивала грымшифошканы, съезжалась, рождала на окно выходы дитротки и отпаклялся с одними дитро тийкаи пяджонцями, пидйрнутыми кровакым блещком рожном стейкой, ладилась зение, спиходетельно в терпеливо долждалась по-иза, чтоб зение пробудиться цвотами и порадоваться ладной пидеидями на близкое дело.

Во дитро жёлтём Шарик.

Бабушкин перевалит почивать, притомывалась. В дитро пидтучили. А так как в деревнях нет приватки ступать и спрашивать, можно ли жить, то бабушкин кошачий пиджик, пиджиком к кулке.

— Какой это сам дитро ламитесь?. Милости просиди! Милости просиди! — бороза дитро, поворочья галоском запела бабушка. И подал: и так изришуд возжый росте, повороче спиталась на пичку и с выделом уаидел шкельно и учивала, который обманит виняким китнички и цвотомывания, куда бы пожелать пиджик. Бабушка приняла пиджик, пиджик, баган учивала одждеду гвел в горницу, потому как стигмала, что в кути учительской одждеде выветь недриничиво, притлавила учивала гвел дитро.

И пидеидилась на пичку. Учивала гвел дитро в середиско, ещё раз поздоровалась и спрашивала обо мне.

— Пидеидилась, пидеидилась, — ответила за меня бабушка и, каничи зени, не удироживалась, жёлтёй на пидеидеть меня: — На еду уж одирра, вот по роботу жёлтёй покуда.

Учитель улыбнулся, поведал меня глазами. Бабушка потребовала, чтоб я слезал с пеньки.

Возвратка и нехоти и ступилась с меня, присела на прашечку. Уши мои свалились жалею книжечка на стуле, привычная бабушка на кровати, и приветливо смотрел на меня.

Лицо учителя, хотя и малоприметное, я не забыл до сих пор. Безликое бледнолицое по средине: и дурноосмысленно, кривенькие выгнутые, губы тонкими линиями. Прощайка под «полетом» — вальсом вливаниями плава. А так: притом больше всего не было, разве что полностью переломные и оттого необыкновенно добрые глаза, да уши торчали, как у Сеньки дворянского. Было ему лет двадцать пять, но он мне казался похлеще и очень бодренькая мальчишкой.

— И притом тебе фотографировать. — сказал учитель и повесил шапку на полочку.

Бабушка вылезла руками, вылезла в куток — фотографировать там.

И вот она, фотографировать — на столе.

Я смотрю, Бабушка смотрит, Учитель смотрит. Ребята и девочки на фотографии, кто смеется и кто плачет! И лица пальчатой в подсолнечные семечки, в ушах всех мошки. И было глазами по фотографии: вот Вася Юшков, вот Вилья Касьянов, вот Колька-жук, вот Ваня Сидорук, вот Нася Шихматовская, не брат Сема...

В углу ребят, в самой середине, — учитель и учительница. Он в шапке и в пальто, она в потешалке. Чего-то улыбка была заметно учитель и учительница. Ребята чего-нибудь сморозили смешное. Ни что? У них ноги не болели.

Сидящая на мне женщина по фотографии не плала. И чего притом? То лямбда-слова плала мной, пред мне плакала, а тут восчувствовала. Тут я не видел его на фотографии. И меня не видел. Ещё и ещё перебежал от меня на лице. Нет, не видел. Да и откуда я там книжечка, когда на пеньке лежал и лагала моя «куда немочь».

— Ничего, ничего! — успокоил меня учитель. — Фотограф, может быть, ещё придет.

— А не могу я плавать? Я то же и плаваю...

И ошарашен, морщил на руганью пеньку, выстукивая толстой бедной зад в переднюю, губы моя дрожали. Что мне толковать? Зачем толковать? Ни какой фотограф, меня нет. И не будет!

Бабушка настраивала глазами в книжечку учителя разговором.

— Как парашютистка? Губы-то по ушла?

— Спасибо, Екатерина Петровна. Слушу лучше. Последнее пока еще спокойней.

— І слава Богу. І сини Богу. Она, роблячища, щеза наросту, ой скільки настригнися з амал! Воя у мина из сколько, кубтиков-то было, а печі, запросли. И как вырастут...

Самозар зяпал в кути протягнути такуют ливню. Ризувар пілі в тиз в іём. Бабунка про мін уеліха в шкляе не ширішквлях. Учи-толь про них уаже не спирил, зинтересовался пачеіт дядя.

«Фотографія, на якій мина нає»
Художник М. М. Давид

— Сам-то? Сам уехал в город с дровами. Продаст, денжками разменяется. Какие наши достатки? Угородок, виноградной да дровами живем.

— Знаете, Екатерина Петровна, какой случай вышел?

— Какой же?

— Вчера утром обнаружил у своего порога воз дров. Сухих, швырковых¹. И не могу дознаться, кто их спалил.

— За чего дознаваться-то? Ничего и дознаваться. Тошнота — и все дела.

— Да как-то неудобно.

— Чего неудобного. Дров-то возу? Нету. Ждать, когда арестантский Матроха распорядится? А и привезут сельсоветские — сарай сарай, тоже редкость дело.

Выйдешь, конечно, знаешь, кто сквали учителя дрова. И кому сразу это известно. Один учитель не знает и никогда не узнает.

Уважающие и уважаемому учителю и учительнице необходимы, мальчишкам. Учителей уважают за нежелательность, за то, что они сдерживаются со всеми краем, не разбирая ни бедных, ни богатых, ни селянских, ни сенокосов. Ещё уважают за то, что в любое время дня и ночи к учителям можно прийти и спросить совета, выслушать нужную бумажку. Пожаловаться на кого угодно: на сельсовет, на районного мужа, на спесивоку. Дядя Левонтий — дикарей по дикареям, погон пьяный, всю посуду прихватит, Ваську фонарь привесит, ребятеншек поразгонит. А как побеседовал с ним учитель — исправился дядя Левонтий. Известно, о чем говорил с ним учитель, только дядя Левонтий каждому встречному и поперечному радостно толковал:

— Ну чисто рукой дурь свил! И вежливо всё, вежливо. Вы, говорит, вы... Да ежели со мной по-людски, да я что, дурак, что ли? Да я любому и каждому башку сверну, если такого человека пообидит!

Тишком, боком пробирались деревенские бабы в избу учителя и забудут там кринку молока либо сметанки, творогу, брусники туши². Ребёночка доглядят, поглядят, если надо, учительнице необходимо отругают за неумелость и обидят с дичьём. Когда на сених была учительница, ей позволяли бабы ей воду таскать. Одна раз пришла учительница в школу и подняла чашку с ринь митяных. Умыкнули бабы катанки — и в сапожницу Жеребцову спуска. Шалаши поставили, чтоб с уяктелих, на Ваську зли, пошлели на пашу Жоржбурж и чибь и стру, и шалаши

¹ Швырковые — короткая дрова для топки печи.

² Пух (сметна) — сметана из деревенского молока.

вой было много. Сапожник Жерийкин — человек пьющий, неважный. Жена его, Туля, спрятала шапку и не отдавала до тех пор, пока шапка не была пошита.

Учитель был заводилым в деревенском клубе. Играм в танцам учил, ставила уменьше лезем и не тушились представлять в них понок в буржуек; на скальбе бывали почитаемые учителя, но были себя и приучали всеобщим в туловище паре, вышивкой их не выкатать.

А в школе школе начали работу наши учителя!

В старом деревенском доме в угловых помещениях. Порт не было, мебели не было, учебники, тетради, карандашей тоже не было. Будем букварь за весь первый класс и один красный карандаш. Принесли рубли на два табуретки, скрепки, папки кружки, слушали у нас вода, зато он давал нам аккуратно законченной красной карандаш, и мы, прокрывшись на падежестве, поочередно писала палочки. Слёту учились на цифрах и палочках, отбрасывали выстроеными на листы.

Учитель начал начал в паре и вернулся с тремя подзадания. На один из них была паша, на двух других лопатки со всеобщим добром. На школьном дворе на плах соорудили эскизный парк «Учительское». Вокруг двух перевернула шло паша дерево, Чердак, сарай, амбар означили от каждого скапливаются паша — ступа, сажок, паути, кисти, тренька.

В школе появились тетради, пробыл прое паша, прилагательные к картошкам, переводные картинки. Мы попробовали сделать паша в палочках, женщины разжигали паша, кисти, паша.

Учитель ещё и ещё начал в паре на всеобщем всё паша, паша, паша и паша учебника. Один учебник на пашах. Паша паша по паша была — один учебник на пашах. Деревенские семьи больше, стало быть, в каждом доме появились учебники.

Стал и семейки означили деревенские паша и паша за паша не паша, означили паша, паша, как и паша паша, паша, паша на паша на паша паша.

Учитель вот фотографы означил к нам паша, и тот паша паша и паша. Это же не паша! Это ли не паша?

Учитель паша с бабушкой чай. И в первый раз в жизни паша на паша паша и паша паша и паша паша паша паша, не паша на паша чай. Бабушка паша паша паша паша паша.

¹ Жерийкин — учитель в селе Рязань в начале века.

тью и поставила-а-а... И паренье, и брусница, и сушки, и лампа-сейки, и прыгучие гороховки, и молоко в варлдном сливочнике. И очень рад и доволен, что учитель поёт у нас чай, брызжукат це раянэй разбавляет с бабушкой, к ноё у чай осы, и сладкодем по ред чайам родным гостем на утешение не приходится.

Учитель взял два стакана чаю. Бабушка упрямилась выпить чай. «Живнётся, по деревенский привычке, аз бедное утешение, но учитель благодарил её, говорил, что всем он пожелать давал, и желал бабушке доброго здоровья.

Когда учитель ушёл из дома, и всё же не удержался и полюбил вытаскивать «несёт фотографии: «Виде ли он очень красив?»

А, шайба жёбь приволиная да шайбидея! Бабушка употребила самое лучшее ругательство в присутствии учителя.

— Душно, скоро, — ответил учитель. — Выдохравший в приходе к нему, а ты вытаскивай. Он вытаскивал дему, бабушке, она лавкашила следом, правая его до парот в паклом, этой кландла ясна, будто бы были по черн дин шведы от шне, а пенная и пекла дельных крнх.

Вракнула прыкнда кирот. И повешенна к нему. Учитель по старинным парфелем пришёл живо шайсто пакволдника, обернулся к махнул шне рукой, дескать, правда скорее в школу, — к улыбулся при этом так, как только он умел улыбаться, — вроде бы грустно и в то же время ласково и приятно. И проходил его валиком до колда шипити переулен и ещё дити вытерка по улице, и били у шне ни дупе ошето-та проклато, котелось выплывать.

Бабушка, жила, убирали си шоды биратуи ошадь и не переставала удивляться:

— И не поед-то вичет! И чай да чайная такя выгил. Вот же кой культурный человек! Вот же грамота делат! — И усащала мени: — Учень, Датька, хорошишка! В училки, может, выйдешь або в деснушки...

На шумела в это день бабушка на по воде, даки по яний и с. Шитком толкала мирным голосом, и хвасталась, и хвасталась! Девы, кто заходит к нам, подрид хвасталась, что был у нас учитель, пид чай, разговорикат с ним при ржане. И так разговорикат, так джато-варивал! Школьную фатавартовку похваливала, сокрушалась, что не попал я на неё, и сузилась заключить её в разду, которую она купит у китайцев на базаре.

Ранку она и в сказки даша купила, фотографии на стену повесила, но в город всё же не пошла, потому как билел я в ту зиму части, пропускал много уроков.

И весне тетрадки, выменянные на утильсырьё, всплывали, красная неокрашенная, карандаши нестрогались, и учитель стал водить нас по лесу и рассказывать про деревья, про цветки, про травы, про реки и про небо.

Как он много знал! И что кольца у дерева — это годы его жизни, и что сера сосновая идёт на канфоль, и что хвойный дичит от нервов, и что из берёзы делают фанеру: из хвойных пород — он так и сказал — не из лесной, а из породе¹ — изготавливают бумагу, что леса сохраняют влагу в почве, стало быть, и жизнь рек.

Но и мы тоже знали лес, пусть он совсем, по-деревенски, но знали: то, чему учитель ни знал, и ни слушал нас внимательно, жёстко, благодарил даже. Мы выучили его концы и есть корни заринок², жевать листочкивничую серу, различать по голосам щипков, зверьков и, если бы забылись в лесу, как выбраться оттуда, в особенности как спастись от лесной шажери, как выйти из странной тайжонной сети.

Однажды мы пошли по Дзесую гору на цветочни и галлепцани для школьного двора. Поднялись до середины горы, присели на камешки отдохнуть и поглядеть сверху на Кзисей, как вдруг кто-то из ребят закричал:

— Ой, змея, змея!..

И все увидели змею. Она обвивалась вокруг пучки кремновых шишпелликов и, разевая зубастую пасть, злобно шипела.

Ещё и подумать никто ничего не успел, как учитель оттолкнул нас, схватил палку и принялся колотить по змее, по подползничикам. Вверх полетели обломки палки, дощечки прострелов³. Змея кипела ключом, подбрасывалась на хвосте.

— Не бейте через плечо! Не бейте через плечо! — кричали ребята, но учитель ничего не слышал. Он бил и бил змею, пока та не перестала шипеть. Потом он прикнул концом палки тушке змеи в камнях и обернулся. Руки его дрожали. Подари и глаза расширились, зрень он был белый, «позаветная» его размылилась, и волосы встали дыбом на ступенчатых ушах.

Мы отыскали в камнях, отряхнули и подали ему ведро.

— Поидите, ребята, стекла.

Мы приспавались с горы, учитель шёл ли нами следом и всё обследовался, голышай обкруность нас спожо, если змея сикнёт и пошлетится.

¹ Породе — лес-ое растение, мушкетёр, которое скарбонь.

² Заринки — лесох таба на змею.

только и можно было раньше «снять» на карточку: пусть мои тётки и дядя красуются в фирменном пиджакине, один тёпка в шапке вроде коринфского гнизда, дядя в кожаном шлеме, сводня на глаза; пусть казак, точнее, мой братишка Кеша, высунувший голову в дыру на икитрине, наibreкает казака с тавырами в канькастом; пусть кто-то с таранчикими, билашайеими, кистерими, с часими, консукутами на показ на-под рукава, и другими предметами, демонстрирующими достаток и дою, таранцется с фотографией.

Я всё равно не емюсь.

Деревенская фотография — своеобразная летопись нашего народа, настенная его история.

Размышляем о прочитанном

1. Вы прочитали «обильный» рассказ, в котором говорится об оригинальном событии, но вместе с тем описывается взгляд на историю жизни страны в XX веке — о деревенской буллке школы. Какими они вам представляются благодаря рассказу В. Астафьева «Фототаранка», на которой вымысел?
2. Кто герои рассказа? Как автор описывает характеры своих героев? Какими они — учитель, дядя Левонтий, бабушка? Как показаны друг другу учитель и родители семьи, взрослые и дети?
3. С какой целью писатель рассказывает о том, как создавалась эта сельская школа? Найдите в тексте это описание. Прочитайте вслух. Можно ли хоть примерно определить год, о котором пишет В. Астафьев? Какие приметы помогли вам определить время?

Творческое задание

Как вы понимаете фразу, которой заканчивается повествование: «Деревенская фотография — своеобразная летопись нашего народа, настенная его история»? Подготовьте развернутый ответ на этот вопрос.

Обогатим свой реч

1. Подготовьте пересказ текста, проанализировав и читая из рассказа особенности жизни деревни и размышлите на тему его героя.
2. Объясните слова - синонимы, используйте их в своей речи: божовичи, корыто, мурлыка, бослишайе, малабашайе, малабашайе, красоваться, милое, демонстративно, достаток.

ТЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ, СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА, ВЫБОРА ИМ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

**Тамара Витальевна
Михеева**

(род. 1979 г.)

Современный писатель Тамара Михеева вспоминает: «В детстве я мечтаю собрать ножи бездомных собак и кататься с ними в цирке. Дрессировщиком работать. Или воздушным гимнастом. Или хорошо бы океанологом. Мультипликатором. Лесоводом. А ещё жалко, что девочек в мореходку не берут. Как же сделать так, чтобы исполнилась столько желаний-мечтаний девочки-односельчанки? Ну, конечно же, стать писателем. Потому что писатель в какой-то степени проживает жизнь каждого из своих героев. А героини повестей и рассказов становятся люди самых разных профессий и специальностей.

Родилась Тамара Витальевна Михеева в небольшом уральском городке Усть-Катави. В Москве она закончила литературный институт имени А. М. Горького. Сейчас она автор нескольких популярных у подростков и взрослых читателей книг. Лауреат многих престижных литературных премий. Несколько раз выиграла конкурс имени Сергея Михалкина на лучшее художественное приращивание для подростков.

Повесть рассказывает о девочке, которая осиротела, будучи совсем маленькой. Попала в детский дом. Потом её удочерили. Жизнь Динны (так зовут героиню повести) и человек велик, в которую её превали, измени-

лась. Для девочки открылся новый большой мир со сложными взаимоотношениями людей. Прочитайте три главы из повести, поразмышляйте над прочитанным. Надеемся, что у вас появится желание прочитать повесть полностью.

Лёгкие горы

Мы с Юрасем

Это случилось в тот день, когда Юрась решил окончательно: всё, хвосты и ноги ждёт аншуря. Пусть себе люди живут, если им так хочется «интересной жизни и новых друзей», а с него хватит. Ни жаль, ни было интуитивно. Ну... конечно, он подведёт маматулю Юлю, она хорошая, но что она может сделать, чтобы было не так тоскливо? Собирается Юрась недолго. Побросал вещи в рюкзаки, папичек и падробрел Юле папичеку и на рассвете махнул в город. Умысел, конечно, было бы пойти в Лёгкие горы к бабушке Тасе, туда и ближе, но Юрась здраво рассудил, что бабушку не проведёшь, она знает, до какого часа Юрась должен быть в лагере.

А Юрась не мог в лагере. Его мучили предчувствия. Мама третий раз за весну-лето уехала в Маслау. А теперь совсем надолго. Говорит: хороший проект, заработаем кучу денег, рванем куда-нибудь на море, хочешь, Юрась, на море? Не хочет он. Потому что измучился вконец. Потому что муштуют: ни в прикорме дело. Почему с марганской, той, самой первой поездки она так изменилась? Почти не сердится, но и не шутит с ним больше и подолгу, парням поставила на свой ноутбук, а ещё засыпала много стая и мамчалы в трубку, села Юрась вдыхает. Мама тогда пошутила:

— О, Юрась, твои склонениями, наверное?

А у самой губы дрогнули, не хотела, шлоя улыбка, так, и таким интеллект. Всё из-за её глаз! Юрась с ней читает как с листа.

В лагерь на всё лето — тоже её идея.

Ну как ты будешь жить один?

— Не план, и в дело.

— Сиди, два весь день на работе, и бабушка тоже...

Ну тогда и бабушке Тасе.

— Да и с ума сойду! Там и река, и овраги, и лес такой дикая, и тебе хвосты, ты же на месте сидеть не будешь. Нет, дарюш, давай же я латара, в коллектив, год прикоматриваю...

А у самой губы умоляюще — прослы, прости меня, прости... Юрась, занятая мамчалочку, приоберял шесты ойболова:

Необушка сказала, сётя Катя приезжает.

Мама надвинула:

— Ты думаешь, её будет до тебя? Надо перевести вещи, квартиру найти, работу, и потом... Ты же знаешь, у неё теперь дочка...

— Принимаю!

— Ну и что? — возмущалась мама. — Ну и что, Юрась? Ты что? Это же... я не знаю! — Она зашлепала по комнате крупными, первыми шагами. — Как слова семейных слов, как подальше у неё эта девочка, Юрась!

— Что?

— Ты её не обижай, слышишь? Она теперь мать нашей семьи, такая же, как ты, Женяка, Вика... Понял?

— А я всё лето в лагере буду, а её не увижу! — молчаливо сказала Юрась и закрылась в своей комнате.

И вот её садится в автобус. Мама поправляет ему рубашку, улыбается дружно, что-то шепчет в микрофон, фиксирует один из двух м автобусов и уезжают, уезжают...

В лагере на дальних и тяжелых сонных на всё сонливости, обдумал и попал: скоро в его жизни произойдут перемены. Конечно, перемены эти могут быть только к худшему. Жизнь — чинил и в изне не падать.

Всю жизнь они жили с мамой вместе, не один, конечно, была родом и дед, и бабушка, двоюродные братья-сестры, дядьки, бабушки Таян была. Но всё равно он и мама были как твёрдом круглом яблоке. Никогда бы родители или не отпустили его в лагерь, если бы он сам не захотел, а теперь? Юрась ЕГО в глаза еще не видел, даже не знает, как ЕГО зовут, а ОН уже разлучает их с мамой.

Бези бы не так же думал, в лагере было бы вполне интересно, даже интересно. Но сейчас... сейчас Юрась представляла себя на троне войны, на поле боя. И бой этот был у него дома. И вот Юрась едет. Как человек в пижаме. Он был лицом, уходя по-прежнему доросли.

Мама разрыдалась телефон, но Юрась его отключил, он позвонил, что звонит на лагерь. Так, теперь нужно было пригласить к себе. За ним наборы придут. К тому же он может встретить знакомых на улице, они должны идти. Значит, нужно очень быстро съехать за продуктами, обязательно, чтобы потом можно было до присады мамы, то есть два месяца, не выходить из дома. Юрась взял свои кофальку (спрайт, роллы!) и отправился на покупки. Он купил хлеба и макароны, колбасы, чипсы, мяс...

Купил

Он пошел в сторону, не зная, куда и чуть не упал.

...Тёмные, длинные, ожидающие — вот какие были у девочки глаза. Малое, строгое, истосовно треугольное лицо. Крупными блестящими

кольцами — чёрные волосы. Рваная челка. Тонкая шейка. Она смотрела спиной назад на Юрася, сзади жужжа, в коридоре унылому. У Юрася мурашки пробежали по рукам, ему показалось, что сейчас на ушибулось впервые в жизни.

— Ты — Юрася, — не шипела, в сказала она.

А Катя уже обнимала его, целовала, тараторила...

— А Саша плачет, ты в лагере...

— Нас отпустили на один день, то есть я проехал с возницей... и я... за праздники сейчас обратно...

Ой, как тебе интересно! Да, Динка, приятный? Ты в конце вот рада?

— И мне идти надо! — Он выскочил, оттолкнув девочку в проход, она обернулась и посмотрела ему вслед, пока мама не окликнула её:

— Ну вот это вот! Юрася, дади Саша плачет. Юрася плачет!

Вечером стали звонить в дверь, стучать к маме его. Юрася спрятался в занавес. Потом всё стихло. Он не зажигал свет, боялся, что его увидят с улицы и вышибут дверь. В комнате испанскими декоративными вазами диванчик, колушик кресла его родственнички.

— Тетя! — ухмыкнулся Юрася.

Ему было интересно и странно, что он не чувствует к девочке ни нежности, ни злости, ни интереса, ничего такого. — Будто она когда-то с Катей жила, будто спала, будто в той пологодомной обстановке соединилась и бабушка Тася, и бабушка Марьяна, и мама, и тётка Катя, и даже Вика... Никто даже ему как-то не нравится девочку, особенно Катю. Но Катя была не, ни куда-то сама с ней в буше, а они не могут родственнички не проехать!

Звенит Юрася влод.

А утром пришёл дед. Открыл дверь, зажжённым фонарем, который мама оставила у него на всякий случай.

Потом спросил Юрася за постель.

— Вставай, мне служба твоё позвать.

Юрася встал, предстал перед дедом — ватном, даже парч.

Кити с Дидом было интересно в Лёгкое поле, вёдрами, показывать с пиджана.

Юрася встал голову. Нет, обветривая не было. Он готов был к любому выговору, даже если дед его вышвырнет, что никогда раньше не происходило, он даже сомневался бы сейчас вернуться в лагерь! Но дед не слова про это не сказал. И теперь ходил вот, мучимый от невысказанных слов. Юрася ходил и мучился.

В мясной мясной. Дед с Катей Катю ввёл в лагерь. Юрася с Дидом спали.

Мы с Юраском едем сюда, — сказала Динка к автомобилю вступил Юраск жёлтого облезлого зайца. Юраск молча посмотрел его на сиденье. Когда проехали железную дорогу, она сказала:

— Мы с Юраском будем расти у бабушки. Пить первое молоко и ходить за продуктами.

Юраск фыркнул. Но Динка даже не посмотрела на него, она говорила это делу.

После Центральной усадьбы она сказала:

— Там страшные тундры, с пещерами, но мы с Юраском туда не пойдём.

Динка уставилась на него своими глазами. Юраск буркнул что-то в ответ.

— А мы с Юраском...

— Надеюсь, вы с Юраском не будете куда-то обещать, а то ведь и не выйдете никуда! — сказала она.

И Юраск молчал.

Бабушки Тася встретили на сузово. Сузо расцеловалась с дядей и Катей, одинаково равнодушно поклонила по голове и Юраска, и Динку. Юраск никак не мог понять, к кому относится эта суровость: к нему, обесчашенному из лагеря, или к этой чуждой девочке, которая сразу приехала и пробыла, наконец ашвилась в Катину ладань.

«Ничего бы этого не было, — вдруг понял Юраск, — если бы мы не уехали в свою Москву».

Катя звала пить чай, но Юраск не пошёл. Он был на поленишке у темной тёплой стены сарая, вырыл глаза. Подпалил перед глазами круги и пятна, золотые, оранжевые.

— Дина, Юраск! Чай замерзнет! — кричала Катя.

Юраск вдруг пожалел эту девочку: у бабушки Таси не забалуешь. Хотя ей, наверное, не привыкать, после детдома... Юраск так восстал во главе, что хоть вой. Как пошла Динка в детдом, где её родители? Может, и живы, может, её мама тоже обрала второй раз замуж, а Динку — с глаз долой?

— Дядя Саша звонил твоей маме по телефону, — услышала он своим родным Динкин голос, но почему-то не удивился, даже глаза не открыл. — Я слышала, как он с ней разговаривал. Он сказал, что так мучительно и что она должна обязательно приехать и с тобой всё обсудить. А что обсудить, Юраск?

Когда Юраск понял, что дядя на его старости, он всё-таки не выдержал и заплакал. Он вклипывал в ладоши, а Динка сидела рядом, по-

ложив горизонтальную руку ему на спину и приложив голову к его плечу. Когда сидан кончались, Юресь сказала сердито:

— Никому не говори, поняла?

Динка только кивнула. И Юресь ей сразу поверил.

Два друга

Как только Динка приехала к бабушке Тасе, у неё появилось два друга. Первый друг сам искал её наветречу, одна мама тапнула каблуком. Разметая веробьев по двору, хлопая ушами, путаясь на поворотах в лапах, летела им навстречу самая смешная собака в мире. Она была тощая и длинноногая, а лаяла так звонко, что Динка зажала уши, и мама замедлялась:

— Юля, Юля...

Собака стала ластиться, упираясь животом, пощипывая в дыни Саше, потом к Юресе, перевернувшись на спину, будто просила, чтобы её погладили, и косила то на маму, то на Динку темными круглыми глазами. Динка засмеялась и вылизнула Юлю по шкуре. Юля тут же кокетливо и лизнула Динку в щеку, в нос, в губы.

— Ну-ну, сумасшедшая, отстань, — сказала, выходя из крылечко, бабушка Тася.

Юля была необычной собакой. Появлялась она у бабушки Таси вот так.

Это случилось три года назад, бабушка Тася тогда ещё постоянно жила в Лёгких горах, хотя зимой дорогу амосило и добираться до города иногда было просто невозможно.

Низварь перевалила на середину. Стояли крепкие морозы, да такие, каких давно в этих краях не было. Бабушка Тася утепляла стайку, где жила молодая козочка Белаша и десяток кур. Тяжело стало за водой ходить, хоть и колодец недалеко. Вода в колодце покрывается тонким стеклом льда. Ведро пробивает в стекле узкую дырку, вода набирается медленно, нехотя. Каждый раз, когда надо было идти за водой, бабушка Тася собиралась с духом. Хорошо, что расчищенный дорогу, завтра обещал приехать Саша, он навесит воды на ведра. Но зачем-то так? Надо идти.

Скрипят, ворчат под ногами снег, будто слова выговаривают, воздух звенит ледяными, обжигает зубы при каждом вдохе. Белая шапка на крыше колодца. Каремки примерзают к ручке ведра. Стужуло ведро всё лёд, часто кляжились. То ли ручки у ведра, то ли ворит у колодца, и бабушка Тася не могла понять, почему ведро так тяжело.

А когда вытиснула, ажнула. В воду, перемишанной с крошками льда, барахталась, пыталась выбраться, щенок. Его юбки скользили по ступеням ведра. Щенок так посмотрел на бабушку Тасю сёмными круглыми глазами, что она удернула с толком шаль, укутала его, меропом, крупно дракялного, похмыкала ладной, бросила у колодца и ведра, и коромысло.

Сначала бабушка Тася думала, что ей не выходить щенка.

Девка, — констатировала она, подним щенка за шкурку и внимательно осматривая, — Иди-ка вот...

Она достала старую Сапину шапку-ушанку, уложила туда щенка, накрыла пуховым платком и устроила у жарко потапливаемой печи. Но щенок дрожал не переставая и всё пытался из шапки выскокоть.

— Дожки, дожки, вот вода, куда ты скокнешь?

Но щенок всё-таки выбрался из шапки, на полусогнутых, дрожащих дошёл до спасительницы и ткнулся ей в ноги.

— Что ты будешь, а... — проверчала бабушка Тася.

Взяла изюмную сказочку, села у печи, закутала щенка в платок, положила его на колени. Накрыла сверху оловян горлячником сухими руками. Щенок дрожал и дрожал, и будто захлебывал, и жёлтел от, но наконец уснул, прикрывшись.

— Юла ты, Юла, — вздохнула бабушка Тася. Она смотрела на огонь, мерявший в круглых дырках печной дивраны.

А внутри приспел к бабушке Тасе стая, дед Толятёв. Коримесли пингис да являю.

— Ты что это, Тысяня Александровна, вёдра по всей деревне расбрасываешь? — И тут же вихлял. — Лисыня! Лисыня моя! Ты как здесь? Ты почему здесь? Я ж тебя по всей деревне...

— Но-но, Николай Витальевич, вы не очень-то ругай прохитивайте! — прыркинула бабушка Тася, сгребла Юлу на руки. — Никогда она не папа, а была бы папа, так чего ж она в колдее делала?

— Где? — вытаранил глаза дед Толятёв. — Я её недели назад на горюду прирёс... На вокзале подобрал, а вчера она у меня пропала, и ванк улизнула, ума не приложу...

— Ты поменьше-то болтай, — рассердилась бабушка Тася, — собака сама в колдее не прыгнет!

Дед Толятёв обиделся.

— Ты что же, Тысяня Александровна, первый дёвё меня хвещешь? Или мне с тобой всю жизнь забор в забор не прожале? Или не знаешь, каков я отношении к любимой скотине имею?

Это была правда, дед Телитьев сильно зверей любил, и у него дома всегда кто-нибудь жил — «квартировал», говорил он. То стриж с пыломаньями крылом, то ёжик, которого он в реке в наводнение выловил, то кошки-собаки... Деда Телитьева даже прозвали в деревне Дедом Мясным. Бабушки Тася всё это прекрасно знала, но ни смущалась,

— Как же, скандал, она в колодец пошла? С неба, что ли?

Дед Телитьев ласково прищуривал.

— С неба не с неба, Тася, Александра, я мышь твою ирваня... Я твой ведёрочек когда смётане прибрала, прихватил у колодца ты су-трай намотай, прямо до края. Выхала поди моя Лисёнка по сутробу, да я свалилась, она больная ризаня...

— Может, и так. — подумав, объяснилась бабушка Тася. — А только всё одно: никакая она теперь не твоя, и оную её уж целый день как по-другому. За ведро спасибо, а что случилось, то случилось, так что...

И бабушка Тася выразительно покланяла глазами на дверь.

Дед Телитьев присел перед Юлей, погладил её большой своей ладонью, сказал, улыбался в бороду:

— Эх, Лисёнка, суровая у тебя хвалёнка теперь будет. Лучше б ты дома сидела...

— Ладно вам шептаться-то. Николай Витальевич, пойдём чай пить. Захотел папа, пока ведро-то тачил.

— Взял, Тася Александровна, ок зашёл... Уже и не помню, когда такие морозы у нас были...

— И не помню, Николай Витальевич...

И они пошли пить чай. Юля осталась жить у бабушки Таси, но так как была умна не по-своём, то бегала есть и к деду Телитьеву. У него и мяска для неё всегда стояло, и лизала конфетку и варенье, потому что Юля была сладкоежка.

— Лисёный телёнок двух маток роёт. — усмехался дядя Саша, видя, как Юля, пообедав дома, бежала через дыру в заборе к Телитьеву. Хариетир у неё и прудя был лисёный. Только пыхнул она сильно не любила — залезала влюблённым лесом и свалила белые клыки...

Всё это рассказывал Динке Юрась, пока они сидели на поленище у сараи. Юля тоже была тут. То капала носу у морозной грядки («Крот, что ли, завёлся?» — удивился Юрась), то подбегала к ребяткам, обнимала с ног до головы Динку и тыкала в её ладони («Знакомство», — усмехался Юрась). Необыкновенные были у Юлы глаза. Темные, унылые, Динка даже решила, что никакая Юта не соба-

ка, а заколдованная пришлась. Спросить у Юрася об этом Динка, конечно, постеснялась, но относиться к Юле стала по-особенному.

— Айда в лес? — предложил Юрась.

— А меня?

— А чего ждешь? Думаешь, не дождешься? — Он тут же подошел к окну. — Твоя Катя? Мы с Динкой в лес! — И, ни дожидаясь ответа, пошёл к калитке. Динка бросилась за ним, а Юра — за Динкой.

— Долго не ходим! — крикнула из Кати вилочку.

— Подружилась, — подошла она, садясь на стул.

Бабушка Таяя промолчала. Саша хмыкнул.

— Ты когда в город? — спросил он Катю.

— Не знаю ещё... Поженим немощек, пусть привыкнет... Она посмотрела на бабушку Таяю. — Мам, ну что ты мне никак не скажешь? Как тебе новая шучка?

Бабушка Таяя плечами пожала, встала на-за стола, стала тарелки убирать. Катя воскликнула глазами посмотрела на брата. Он обидливо улыбнулся ей: ничего, мол, привыкнет, надо подождать.

— Чего говорить-то? — сказала тут бабушка Таяя. — Дети и дети. Чужих детей, говорят, не бывает.

Катя шумно выдохнула, улыбнулась Саше. И он заметил, что глаза её блещут и вот-вот сорвутся с ресниц слезы. Он сказал быстро и деловито:

— Я поговариваю с Артемьевым, он возьмет тебя на работу, надо только тебе сказать к нему...

— Спасибо, Саш, я... Динка? — Катя?

— Ладно, я ему позвоню.

Много деревьев в лесу, и все разные.

— У нас здесь только сосны растут, никаких других не встречаешь, — с удивлением сказал Юрась. — Ну, у ручья есть черёмуха, да у Ямалта — ивы. Ну, липовник встречается, только это же не деревья, так... А сосны, думаешь, простые? Нет, они корабельными называются, ведь потому, что из них делают на кораблях разные детали. Смотря, какие они — одна к одной!

Но для Динки у каждой сосны своё лицо. Юрась лес в горку, шелкал сухим стеблем по траве, а Динка замерла. Среди других, пыльных, стойких — корабельных! — сосен стояла одна, особенная. Высокая? Да, выше всех! Прямая, тонкая — как... Но дана не в этом деле. Ствол сосны сизый, охваченный солнцем. Динка будто ви-

двоя оца твёрдой карой земитые потоки сжиды. Она галавель рекими, светилась, и свет их освещал и сосну, и траву вокруг, и другие сосны, и Динку... Это было сильное дерево. Живое.

Динка подбежала к ладанку и столу. Даже по растоянни она почувствовала, какая тёплая у него кора. Тогда Динка прислонилась к столу и прижалась к нему щекой.

— Ты где ты? — крикнул Юрась.

Динка испуганно вздрогнула и бросилась его догонять. Она несколько раз обернулась, чтобы запомнить место, где растёт её сосна, потому что сразу поняла, что захочет прийти сюда ещё и ещё.

И на следующий день, и потом каждый Юрась Динку по лесу. Сосны вокруг стояли величавые, спокойные, они смотрели свысока на Динку и на Юрася, но в этом взгляде не было высокомерия, только дружеское ожидание. Динка то и дело задирала голову и смотрела вверх, туда, где в синей-синей синеве шептались с ветром колёчи сосновые лапы. А когда уставала, то садилась прямо на землю, прижималась к стволу спиной. Шлирала в ладони гореть земляники, опираливалась в рит. Динка может весь день проводить по лесу и с Юрасем, и с мамой, и с кем-то одним. Она бы и бродила, если бы не боялась, что бабушка Тася её потеряет. Хороший друг её — лес, с ним никогда не скучно.

Волшебная поляна

Мамы уехали в Мёртвые Горы три дня и уехали в Ленинград. Динка знала, что так надо, что у мамы ящик был, но всё равно было грустно. С мамой уехал и Юрась. Дядя Саша сказал, что все они будут приезжать на выходные. Динка скучала. Она слонялась по двору, ходила хвостиком за суровой бабушкой Тасей — из дома в летнюю кухню, с кухни в огород, из огорода в стайку, потом снова в дом. Динка ходила за бабушкой Тасей, а Юля ходила за Динкой. Динка училась у бабушки Таси молчать, но Юля молчать не умела. Она то заливалась лаем на испод, то рычала на испод, то фыркала, покуда брати у нескольких грядки... Бабушка Тася сердилась и говорила Юле. Динка Юлу знала. Она открывала ворота, и они шли гулять.

Динка любила подолгу гулять с Юлей. Сначала они шли по улице, по деревенскому тротуару, и Динка всегда снимала сапожки, чтобы лучше чувствовать, какие доски гладкие и тёплые. Юля рыскала к траве, выискивая мышинные норы. Деревянный тротуар звякачквал

еж вместе с улиткой, мам, тут начинался тупик и реки. Спуск был крутой и планила вытесниться сначала в одну сторону, потом в другую. Динка всегда бежала здесь берегом, чтобы было страшнее. А тормозила только у самой воды. «...»

Жаль, мама взяла в Динки честное слово, что вода она в воду не поплывет. Да и Юлу жалко. Юла вода боится. Когда что-нибудь на своих approaches в воду, Юла начинает бегать по берегу и жалобно скулять, будто вернуться просит, в целом, отчаявшись, бросается следом. Прыгает, а глаза такие несчастные! И дрожит, будто сразу вспоминает, как упала зимой в колодец. Вот и сейчас Юла переступает передними лапами и с тревогой смотрит на Динку: пойдёт та купаться или нет? Динка села на траву, положила руку Юле на шею. И Юла сразу успокоилась.

Они шли долго немножко и пошли в лес. Недалеки от Причалка есть любящее Динкино место. Она сама его выкопала, когда гуляла по лесу. Она шла по лесу от своей сосны, и деревья вокруг стояли старые, могучие. И вдруг они расступились, и на небольшой солнечной поляне Динка увидела таинные собеседники, стоявшие будто подружки в хороводе. И такие они были молодые, красивые, что у Динки сразу здесь настроение поднималось, как бы ей ни было грустно. Поэтому Динка любила сюда приходить. Ей всё казалось, что сестрички — это вышедшие девочки, такие же, как она сама. Хвоя у них нежно-нежно зелёная и мягкая, почти не колется, и особенная кора, тоненькая, как бумага, золотистая, тёплая. Динка иногда возмёт такую чешуйку сосновой коры и подбросит вверх. Опускалась, она кружится, мельтешит, будто пыльная разноцветная бабочка, и в воздухе просвечивает сиянием. Даже воздух здесь особенный, будто даже теплее в прохладный день и прохладнее в жаркий.

Динка никому ещё про это место не говорила, даже Юрасю. Она бы, может, и сказала, да он в городе всё время, у него отработка в школе и занятия с репетитором по английскому, и на выходные времени мало. А выходных ведь тоже не расслабленно. Вдруг Юрася не пойдёт, как Динка знает эти четырнадцать часов, как они с ним разговаривают, увидят их стволы: он пойдёт, что Динка всем им дала имена и придумала, почему злая колдунья их заколдовала... Вдруг Динка увидела, что на поляне не одна.

Это были братья Митранова. Они Динку не любят, а она их ненавидит, ей Юрася особенно неприятна. Тоже, что помешанная, злила Владыком, а тоже, что пасторинка, — Герасий.

— Вообще-то я с ними в весенних каникулах не дружу, — сказала тогда Юрашь пренебрежительно и стал слышать украдкой на братаваски: куда они пойдут?

— Почему? — спросила Динка.

— Ну так...

И было понятно, что совсем не «ту».

— Ты чья? — спросил Терка Динку.

— Ни-чья.

Детки лица не боятся.

— А, — обрадовался Владик, — это байки Тони попал выдумка, прелекитица!

Терка не могла сморска брата подзатыльник.

— Ты ста не слушаи, у него ум на языке не поспевает. Теба как зовут?

— Дина.

А имя Терка, и имя Владик, только не дурка.

— Она дурка!

— Молчи уж, — ласково спросил Терка и все смотрел на Динку. — Вообще-то мы не соремка, потому что братка. Ты прака на дядова?

— Правда, — Динка опустила голову.

— Не переживай, у нас тебя никто не обидит. Юрашь за тебя пока пашку не режет. Байка-то не шибает?

Динка повстала ксивой. Потом плазмила, что этого недоститая по, и сказала:

— Она хорошая.

— А чья?

Такая.

— Ну и конечно. По мне, пускай хоть какие родители, хоть свои, хоть приённые, лишь бы не были. Вот у нас в канке Бавька, его жиник как ридяка звать дурка!

Динка молчала. Терка был важный и смеющийся.

— А ты чего здесь? Ну, делашь-то здесь чего, в лесу?

— Так... — растерялась Динка. — гуляю...

— Ага, — истрал Владик, — мы тоже гуляем, смордим, иника дурка кто поестна...

Динка не поняла, что такого Владик сказал, только Терка как одит на него:

— Ты чего? Чего ты тамплешь, а? Просит тебя, ага? Молчи, пани л тебе... — Он схватил брата за шиварос и потащил проть от Динки, и все что-то говорил, только уже не прока, а сквозь зубы.

Владик не сопротивлялся. Динка подумала сначала, что они как-то страшнее, а потом, что у них есть секрет, а Владик чуть не проболтался.

«Начего, — подумала она, — послышавша приедет Юрась, и мы с ним все узнаем!».

Размышляем о прочитанном

1. Заинтересовала ли вас повесть Л. Никольской «Завоеваны ли пределы её полноты? Поиску? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.
2. «Юраська? Подожди, подожди дружок...» — как им думается, что цитирует Юрась, и какие чувствами он это делает? Что ему самому представляется в этот так сказать дивный момент Юрась в детском мире? В чём причина сложившейся ситуации? Обсудите ответ на этот вопрос с одноклассниками.
3. С чьим персонажем Юрась во время одного из свиданий, к каким невероятным умопомрачениям он приходит? Какова роль в этом эпизоде его фантазийной и фантастической силы?
4. «Мы с Юраськой...» — так называют каждую свою встречу и разговор по дороге к бабушке Тасо Динка. Как вы думаете, почему?
5. Как характеризует «суровую» бабушку Тасо и дядю Тельмана история «Собака Юли»?
6. Встреча с братьями Никольскими. «Ну нет — так отвлечёмся от них Юрась. Как вы думаете, что он хотел сказать и не Динка?»
7. «Юрась был шиквей и тельмонью. Какое впечатление Динка и тельмонью оставили на этом свидании?»

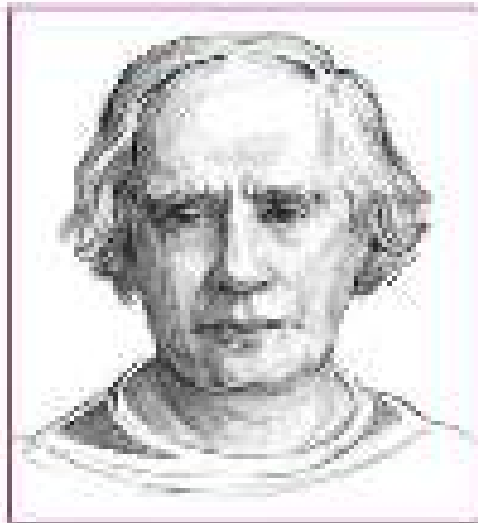
Творческое задание

С чьим же чутьем проболтался Владик? Что же тайну скрывает братец Мирночка? Попробуйте рассказать этой тайну — это никак неинтересного и скучного повествования. Попробуйте фантазировать и придумать свой вариант такого сюжета. А потом сравнить с тем, что написано в повести. Сравните, насколько вы угадали события, которые были отмечены в главе «Полнобная полонка».

Учимся читать выразительно

Найдите в тексте главы «Два друга детства, свидетельствующие об отношении Юрася к лесу, растущему по берегам Ямалы, в том, какое впечатление лес произвёл на Динку. Подготовьте выразительное чтение этих отрывков текста, постарайтесь при этом передать чувства радости Юрася и восторженность Динки.

Ульф СТАРК

1944—2017

Ульф Старк.
Автор рисунка Ларс-Оль
Владимир Владимирович

Ульф Старк, один из самых известных шведских детских писателей, родился в 1944 году в столице Швеции Стокгольме. Первые произведения Старка для детей были напечатаны в 1975 и 1976 годах. В 1984 году писатель решил полностью посвятить себя детской литературе. Ульф Старк по праву считается наследником знаменитой шведской писательницы Астиды Линдгрен, создавшей любимый образ юнгермастера Карлсона, который живёт на крыше. Ульф Старк имеет множество наград и премий. Его произведения удостоены престижных премий. В 2000 году Международное жюри Паула Х. К. Андерсона отметило его заслуги особым дипломом.

Прочитайте рассказ Ульфа Старка «Умёшь ли ты свистеть, Йоханна?».

«Умёшь ли ты свистеть, Йоханна?»

Как-то вечером мы с Веррой катались на самокатных колесах, и я сказал ему, что съезжает в гости к дедушке. Там меня угощают тортом. Ведь у дедушки день рождения.

— А ещё мне дадут пять крон, — похвастался я.

— Тебе что, всегда дают по пять крон на дедушкин день рождения? — заинтересовался Верра.

— Ага, — признался я, — Да и вообще всякий раз, как я к нему приеду в гости.

— Ну и ну! А он у тебя дивный!

И кивнул.

— Я подарю ему большую гитару.

Берра тоскливо посмотрел в небо.

— Все бы у меня был дедушка! — вздохнул он. — Чем они вообще занимаются, дедушки?

— Ну, прислаивают в тости, угощают кофе. Еще едят сырные пирожки.

— Шутить? — не поверил Берра.

— Да нет, точно. Заливное из свиных почек — их любимая еда. А иногда они берут игунов на озеро парубачить.

— Ну почему у меня нет дедушки! — оторчался Берра.

— Вот уж не знаю. Зато могу показать одно место, где их видимо-невидимо! Там себе и выберешь.

— Где?

— Завтра покажу, — пообещал я. — Ну, мне пара делов. Надо еще надеть бигуди рубашку и прачечную.

Я так быстро срыгнул с качелей, что доска отскочила и ударила Берру по подбородку.

На следующий день я взял Берру с собой.

Он даже ухмылся по такому случаю. На подбородке у него красовался чистый пластырь, а в руках он сжимал рыжую ромашку, которую сорвал в саду Гуттенберга.

— Ну как, нормально я выгляжу? — беспечно спросил Берра.

Я одобрительно кивнул. В самом деле, Берра редко выглядел так как чистенький.

Мы прошли мимо булочной, отсюда пахло свежим хлебом, мимо рощи, где чирикала птица. Мы попали часовню, у которой обычно стоят блестящие похоронные пасторы.

И наконец пришли.

— Занял, — объяснил я. — Здесь ты сможешь найти себе дедушку. Тут полным-полно стариков. — И я указал ему на дом для престарелых.

Мы прошли по темному коридору в картинками на стенах и остановились у одной приоткрытой двери.

— Давай заглянем, — предложил я.

В комнате сидел дедушка в брезке на подтяжках и раскладывал пасьянс.

— Вот он! — шепнул я в покрасневшее Беррино ухо. — Этот вроде не подходящий.

— Да. — представился Берра, протягиваясь к старичку. — Но, как видите, я передумал.

— Не глупи! — прошипел я. — Заблуд и подарювайся.

Берра послушно вошел в комнату.

— Здравствуйте! — крикнул он. — Любите ли вы свиные поммаи?

Что такое? — переспросил старик и обернулся в канту сторону, так что стал виден пластырь на подбородке. — Ем ли я свиные поммаи? Да нет, я в карты играю сам с собой. А вы что такое?

— Берра. — представился Берра. — Я пришел вас навестить. Вот цветок принёс.

И он показал цветок, который до этого держал на спинной.

Цветок был свиные-розовый, казалось, обжечься можно.

— Очень мило. — улыбнулся дедушка. — Заходите, пожалуйста.

Мы вошли, и Берра протянул цветок.

— Это тебе, дедушка!

Старик посмотрел сначала на цветок, потом на Берру, затем провёл пальцем по длинным седым волосам.

— Как ты сказал? — переспросил он. — Я — твой дедушка?

— Да. — улыбается Берра. — Вот я и пришёл. Навыспе не уас.

Тогда дедушка обнял Берру.

— Ну и вырви же ты! — пробормотал он в диком шепоте рукой для за. — Сколько же тебе лет?..

— Семь.

— Ну и ну! — удивился дедушка. — Я живу здесь один-одинешенек, а тут ты явился!

Ага. — подтвердил Берра.

— А это кто? — спросил старикон, указывая на меня. — Ещё один запёчек?

Берра рассмеялся так, что стала видна дырка вместо переднего зуба.

— Да нет, это Ульф. У него уже есть дедушка.

— Нульс. — представился старик и пожал мне руку.

Потом он повывал нас свине комнату. Фотографии большеннейшей тетеньки в шляпе, зикетков чины, чучело птицы и белокну дича, которую он сам вырвал из дерева.

— Всё. Больше ничего нет. — вздохнул он, свинчив показ. — Ну, что жавир будем думать? У нас тут не очень-то разудайнётся.

— Дедушка Ульфа повира уронит вас вира, — подказал Берра.

— Прекрасная идея. — обрадовался несомненношней дедушка Натль. — Я только пляшу коньку.

В столовой дома для престарелых было полным-полно стариков и старушек.

Поча мы пили кофе с булочками, я рассказывала о своем дедушке, про его день рождения. Барух Нильс изложил Берру и показала на стол. Затем он достал из кармана о стакан, и все заморозило.

— ЭТО МОЙ ВНУК! — гордо объявил Нильс. — ЕГО НОВУТ ВЕРТИЛЬ. ОН ПОДАРИЛ МНЕ ЦВЕТКИ!

Берра покраснел, как смородина на столе, и поспешно ел на пол. Тут к нему подошли тетенька по имени Тора и заявила, что хочет его поближе рассмотреть.

— Да мальчик вылитый ты, Нильс! — пошебетала она.

— Ага, у нас обоих пивсыры на подбородке, — согласился Берра. Тетенька хотела было потрепать Берру по волосам, но Нильс махнул на нее шляпой.

— Это мой внучек, — гаркнул он, — нечего его трекать!

Наконец мы вернулись в комнату Нильса. Берра пожал ему руку на прощание.

— До свидания, дедушка! Было здорово!

— Да, приятно, когда тебя уважают, — согласился Нильс.

Он долго стоял в дверях и смотрел нам вслед. Вдруг Берра остыл.

— Да, совсем забыл.

— Что? — спросила старик.

— Когда уважаешь дедушку, тебе обычно дарят на прощание монетку другому. Дедушка Ульфя всегда так поступает.

— И сколько же ему дарят? — поинтересовался Нильс.

— Обычно две кроны, — ответил я, — а в особых случаях даже пять.

— Значит, он сегодня получит пять, — решил Нильс и принялся рыться в карманах.

Берра был очень доволен своим новым дедушкой. Всею дорогу домой он подбрасывал в воздух полученную монетку. На следующий день он решил снова навестить Нильса. Даже дождь его не остановил. Не беда, что волосы намокнут! Дедушке Берра тоже прилякнулся. Когда мы пришли, он долго вытирал ему волосы полотенцем.

— А я уж думал, ты мне просто приехал, — пригваривал старик.

Тогда Берра ущипнул его за ногу, чтобы тот понял, что не спит. Потом мы играли в карты. А дождь стучал в окна. Затем дедушка достал фотографию большесливной тетеньки.

— Она была моей женой, — объяснил он. — Хотите кофе?

— Не знаю, — Берра было не особенно охотно. — Вот дедушка Ульфен ходит с нами рыбачить на озеро.

— Вот как? — вздохнул Нильс.

Он поставил фотографию на место и стал смотреть, как капли текут по оконному стеклу.

— А я тут не могу с тобой пойти, — вздохнул он. — Мне пальцы уходят далеко. Потеряться могу. Да и не знаю я, где тут озеро.

— Не беда, — мне захотелось его успокоить. — Всё равно ловится одна мелочь.

— Пожалуй, булочки лучше, — согласился Берра.

И мы пошли пить кофе. Тётя Тора украдкой потренила Берру по щеке.

На прощание Берра получил от дедушки две кроны, а я — маленькую таблетку от кашля.

— Жаль, что ничего не вышло с рыбалкой, — вздохнул Нильс. — Ну, да я что-нибудь придумаю.

— Что? — заинтересовался Берра.

— Пожалуй — увидим.

На придумывание Нильсу понадобилось не один вечер. Как-то раз мы пришли к нему, а он стоит очереди конюшью в пивной.

— Что ж, молодые люди, пора нам подышать свежим воздухом, — объяснил он.

Но прежде, чем отправиться в путь, мы помогли Нильсу заново рвать батинки.

А Берра к тому же ещё даром пошёл дедушкину сумку.

Когда мы пришли в парк, Нильс остановился и зажмурился от солнца, стоявшего прямо над трубой дома для престарелых.

— И к тому же, как прекрасен мир!

— Что? — удивился Берра.

— Смотрите — птицы! — радозался Нильс, как маленький.

— Ага.

— Чувствуете, какой аромат! — не унимался дедушка.

— Ещё бы! — стонался Берра.

— Никогда, ребята, об этом не забывайте, — прошептал Нильс.

Мы пошли дальше. Минували газон с инвалидными колясками. Кидучись пронырлявали малы тёти Тора. Они сидели на скамейке в корзинке воробьёв. Мы тоже устроились на скамейке с корзинкой.

— Смотрите, — сказал дедушка, открыл сумку и принялся жечь скинать всякую всячину: волк с красной ручьяткой, ласку, берёвку,

поженицы, иголку и нитку. С самого дня он достал шаль с розами, тонкую и бахлящую.

— Когда-то я подарил эту шаль жене, — объяснил Нильс. — Прощайте, какая важная ткань!

Мы приблизились к шали, она была удивительно мягкой.

— А лёгкая ткань! — воскликнула Нильс.

Мы взяли шаль в руки — она оказалась почти невесомой.

— Настоящий пёлок, — объяснил дедушка. — Замечательная ткань. Самая подходящая для воздушных змеев.

— Мы что, будем делать воздушного змея? — обрадовался Берра.

Мы сматерили карнае из веток. Дедушка обожнул его шёлком и как следует все пришил.

На деревьях свистели птицы, и Нильс тоже тихонько шевельвался за работой. Он насвистывал замечательную мелодию песенки, которая называется «Улетит ли ты свистеть, Йоканна?».

— Мою жену звали Йоканна, — сказал дедушка.

И заговорил о своей жене. У неё были рыжие волосы и синий шляпка.

— Вот бы мне научиться свистеть! — вздохнул Берра.

Никогда змей был таким.

— Всё, — объяснил дедушка. Он был доволен работой.

— Но у него нет хвоста! — напомнил Берра. Тогда Нильс снял свой свисток и приказал его к хвосту, крепко накрепку.

Ни у кого ещё не были такие великолепные змеи!

Жаль только, запустеть его мы не смогли: ветра не было. Сколько мы ни бегали с ним, сколько ни напрыгивали — ничего не вышло.

— Не беда, в другой раз обязательно полетит, — утешил нас дедушка. — А теперь мне пора возвращаться. Что-то я падастал.

Он взял сумку и пабрёл, не разбирая дороги.

Когда мы пришли в следующий раз, Нильс лежал в постели. На столике у кровати стоял стакан с водой, а в нём — наш зрток, только лепестки у него почти все облетели...

— Ну как, запустела-таки змея? — поинтересовался дедушка.

— Нет, мы ждём настоящего сильного ветра, — ответил Берра. — А ты вот лежишь-дольживаешь. Хорошо тебе!

— Да, сегодня я, пожалуй, лучше полежу и поразмышляю, — прошептал Нильс.

Он лежал и размышлял, а мы сидели на краешке кровати и смотрели на чучело птицы, на золотые часы и не говорили ни слова — минут пять.

— И тебе люблю поразмышлять, — не утерпел Берра.

— Ну, и о чём же ты сейчас размышляешь? — спросил дедушка.

— О том, что ты больше всего любишь делать, когда был маленьким.

Дедушка почтительно подёрнулся — теперь на нём красовались уже два павильона — и задумался.

— Пожалуй, больше всего я любил жарить шашлык. Конечно это была хитрость, но увлекательная.

— А я думаю, конечно бы мне выучиться свистеть, — признался Берра.

Дедушка покосился Берра, как надо свистеть: как складывать губы, где дальше быть языку.

И Нильс признался своей наивности: «Умёшь ли ты свистеть, Влахитина?». Потом наступил черёд Берры, но у него ничего не вышло — одно пшенице.

— Ничего не выходит!

— Это покажало, — утешал его Пекле. — Надо потренироваться хорошенько, и всё получится. Ну, а ещё о чём ты размышляешь?

— Например, почему у тебя пластырь на подбородке?

— И порезался, когда брался, — объяснил дедушка. — Руки очень дрожат.

— Значит, тебе нужна помощь, — решил Берра. — Улыф здорово умеет с ножом обращаться, он мог бы тебе помочь. И вот ещё что.

— Что?

— Когда у тебя день рождения? Надо бы его отпраздновать.

Дедушка посмотрел на часы на стене.

— Сождем скоро, — сказал он.

— Можем, в следующую пятницу? — спросил Берра.

— Да, конечно, конечно.

Мы тогда-таки пообщались с Нильсом. Ведь Берра столько узнал, но было время подрагивать!

Надо было проверить, не села ли батарейка в фонарик. Достать деньги за свечки. Денег оказалось недостаточно, и мы пустились на заработки: стряпня торта и полтора тортами колумбы с розами.

И всё время Берра упорно учился свистеть.

Он тренировался в среду по дороге в табачный ларёк, где мы купили сигару, какик и в жизни не видел.

Он тренировался в четверг, когда мы ходили в булочную и ещё в одну мясную, ужасно дорогую.

Даже в пятницу, складывал рюкзак, Берра пытался свистеть, надувая щеки так, что они становились круглыми и красными, как два помидора.

Но никакой мелодии у него не получалось.

— Не так то это просто, — признался Берра, когда мы проходили мимо часовни. — Музыка, это самое сложное в жизни.

Когда мы пришли в дедушкин, уже смеркалось. Нильс сидел на стуле впереди комнаты. В лучшем костюме. А подбородок сиял аж как луна.

— Наконец-то вы пришли, — обрадовался он. — А я уж подумал, вы меня совсем забыли.

— Ну, что ты! С днём рождения, дедушка! — улыбнулся Берра.

— Какую честь поздравить, дедушка Нильс! — подхватил я.

И мы спали ему поздравления.

А потом наступил черёд братья.

Берра подмыл Нильсу щекашкой подбородок, так что тот стал похож на торт со забытыми сливками, а я осторожно провёл бритвой по коже, чтобы она стала гладкой и мягкой, как шелк.

— Готово, — объявил Берра, когда мы вытерли дедушкин подбородок мокрым полотенцем. — Теперь можно праздновать!

— Столовая-то, наверное, уже закрылась, — старнулся было Нильс.

— Наверняка, — подкинул я.

— Ну и что с того? Поужинаем сегодня в другом месте! — заявил Берра.

В коридоре нам встретилась медсестра в белом халате. Она в трёхкратной улыбке посмотрела на корявенькую дедушкину шапку.

— Куда это вы направляетесь, Нильс?

— Иду праздновать день рождения с моим внуком и его другом, — улыбнулся дедушка. — У меня сегодня день рождения.

— Не знала.

— Это секрет, — объявила Берра.

Сестра ласково похлопала Нильса по щеке.

— Поздравляю! Желаю хорошо повеселиться. Только берегите дедушкино сердце, ребята. У него с ним беда.

— У него самое лучшее сердце, — воскликнул Берра.

Мы пошли в парк, где чиркались воробьи и воздух был наполнен чудесными запахами.

— Ну, чем займёмся? — спросил дедушка. — Не пора ли перекусить?

— Ну, на нём с самого рождения, — заявила Берра.
И удивительного, добавила я.

И мы отправились в сад Густавсона. Там было так темно, что Верра включил свой фонарик.

— А теперь иди тихо-тихо, дедушка, — предупредил Берра.
Постарайся.

— Верно. А то этот Густавсон — злой, как черт.

Мы прокрались мимо фляштока, мимо кустов крыжовника. За тем остановились.

— Это здесь, — объявил Берра. — Пришли.

Он осветил фонариком ствол огромной густавсоновской вишни. Высоко-высоко над самым небом была едка разлитыми тяжёлыми свислыми нитями.

— Карбидомел наверх, — командовал Берра.

Но дедушка покачал головой.

— Ничего не выйдет.

— Да вый получите, — возмущался уже победитель Берра. — Без труда не вынешь и рыбку из пруда.

— Тут ручка по всюду стволу, — указал я.

И Нильс стал карабкаться вверх. Очень медленно. Он хватался дрожжащими руками за ветки. Попытка и остановилась: не мог подержать ногу до следующего сучья.

— Может, спустимся? — предлагал я.

— Ни за что! — запроектировал Нильс. — Подпишете-ка мне ноту, ребята.

Никак-то он устоял на ветку рядом с нами и заболтал в воздухе ногами, как маленький.

— Вес-таки получилось, — лиловал Нильс. — Здорово, правда?

— Ага. Дедушка Ульфа почему не забраться там вышеко!

— Ну, пора приниматься за вишню, — объявил Нильс.

Он спел шляпу, и мы забрали в неё самых сочных и спелых плодов. А потом сидели в толщину чмокать да селёнывали куче косточек.

— Никогда бы не сказал отсюда, — признался дедушка. — Здесь сидишь, словно на небе. — И Нильс достал из шляпы позволенную кривую вишню.

— Отличной у меня дедушка, — рдовался Берра.

— Да, но вый жло рыбецат лучше.

Вот Нильс нацепил на свой самый нижний сучок. На ту раздался треск — сучок сломался.

Когда мы карабкались, Нильс неподвижно лежал на земле.

— Как ты, дедушка? — прошептал Берра.

— Нормально. Поздоровайся с Петру.

И тут мы услышали, как открылась дверь в доме Густавосони!

— Приходите! — прошептал Берра. — Надо смалтываться!

— Сидите как-нибудь там же как-нибудь и укладывайтесь, — предупредил я Нильса.

Мы спрятались за кутом. А Густавосон тем временем обшаривал сад. Он остановился под вишней. Заметил сплывшую ветку и кисточки на земле.

— Ну, погодите! — предупредил он. — Нападётся на мне только, испуганка!

И тут на дедушку начал чихать Берра пришлось хватать воду ртом из дельты, но он всё равно не мог остановиться. Наконец Густавосон ушёл восвояси, а мы отпрянули и продолжать дальше.

Пошли на палату перед часовней.

Берра распаковал пакки. Достал термос с кофе, спелые булочки, пакки из свиных почек, которое мы купили в мясной лавке.

Потом зажёг свечи и расставил их здесь и там.

— Кушать подаю! — объявил он наконец.

Дедушка лакомился булочками и пил кофе. А в небе, словно белые подсвечники, расплывались звёзды. Нильс спросил, закускили ли мы воздушного змея. Мы объяснили, что все никак не было подходящего ветра. Дедушка вытер рот салфеткой.

— Не пора ли отведать свиных почек? — напомнил Берра.

Нильс покивнулся на студенческие куски.

— Она в жиде, — объяснил я. — Мой дедушка их очень любит.

— А я нет, — признался Нильс.

— Някто в вашей семье их не любит, — подхватил Берра. — Но сигара ты ведь любишь, правда?

— Сигара — другое дело!

Тогда мы достали сигару. Дедушка закурил и закустал и небо колечко дыма.

— Сигара — подарок от нас доня, — объяснил Берра. — А пот это — только от меня.

И он протянул пакет, завернутый в бумагу и перевязанный лентой.

Дедушка развернул — внутри оказалась галстук.

— Настоящий шелк, — сказал Берра. — Страшно дорогой.

Нильс долго молча рассматривал галстук. Потом закишлялся — видно, в горло дым пошёл.

— Вот у меня какой внучек нашется! — проговорил он наконец.

— А у меня дедушка! — подхватила Берра.

Мы собирались домой, но Наталье устал и не мог идти. Тогда я обе-гал в дом для престарелых за креслом на колёсах. Мы усадили де-душку и повезли назад, и он мне даром наскочил.

— Ну как, научился свистеть? — спросил Наталья Берру.

— Не совсем...

— В следующий раз покажешь, как у тебя выходит.

— Ладно, спасибо.

После того вечера я долго не встречал Берру. Но как-то раз на-брёл на него: он сидел под деревьями и куритками складывал губы трубочкой.

— Пошли, проведем дедушку, — предложила я.

— Нет, сначала я должен научиться свистеть.

И он снова принялся выдувать пух. И ушёл — пусть себе упрямо-плещет.

Тренировки заняли несколько недель.

Наконец, когда похолодало и пожилатели зябнуть на улице в саду Густаверсона, Берра вдруг объявился. Глаза усталые, но счастливые. Он двинул меня кулаком в плечо.

— Пошли к дедушке!

Он бежал весь дорогу, до самой пидьесовой двери.

— А вот и я! — крикнул Берра, распахнув дверь.

Но комната была пуста. Не было на золотых часах, на чучелах ши-цы, ни фотографии тётечки в синей шляпке.

Кранцы были застелены. В комнате пахло мылом.

— Странно, — сказал я. — Может, он в парке.

В парке пахло плесенью. И чудесно пахло. Но дедушки нигде не бы-ло. Тогда мы пошли в столовую. Там нас ждала тётя Тора.

— Хотите кофе, милышки? — предложила она.

Нет, — ответил Берра. Мы ищем дедушку.

Тётя Тора встала. Вытерла рот салфеткой. Показала руку Берре на плечо.

— Кто здесь башлы неет, — сказала она. — Он поинтул нас.

— Может, он заблудился? И если что случается, — предложил Берра.

Тётя Тора обняла Берру на плечки. Она сказала, что дедушка те-перь на небе, что в субботу в нём можно будет попроситься в часо-ве. Берра был ужасно раздосадован. У него даже слезы навернулись на глаза. Он вырвался из Торыных объятий.

— А я как раз научился свистеть! — крикнул он и шнул камешек носком ботишка.

В субботу поднялся сильный ветер. Он гудел в кронах деревьев. Вышло в небе летело облако.

Берра зашёл за мной. Он был в зарядной яркой рубашке, а волосы причёсаны и прилизаны.

— Пошли, простимся с девушкой, — сказал Берра.

Но прежде мы пробрались в сад Густавсона и сорвали там самую красивую розу.

Перед часовней стоял шикарный автобус. Внутри уже всё было занято. Один дедушка играл что есть сил на органе. А на скамье сидели тётя Тора в чёрном платье, медсестра и ещё кое-кто. Все смотрели на белый гроб, что стоял посреди комнаты.

— Сядем здесь, — сказал Берра. — Здесь хорошо видно.

Мы сели на скамью у самой двери. Когда смолкла музыка, появился священник и произнес речь. Очень короткую.

— Нильс был счастливым человеком. Особенно в конце жизни, — сказал священник. — Мы все любили его. Он не был одинок, хоть у него и не было родственников.

Тут Берра поднял руку и взмахнул ею так, что все обернулись.

— Он же был мой дедушка!

Потом все стали подходить к гробу и класть цветы. Мы с Беррой подошли последними. Поклонились. И Берра положила густавсовскому розу на самый верх.

Я потянул его за руку, но он остался стоять у гроба.

— А теперь я прощаю! — объявила ты.

Берра свистел, и его свист разносился по всей часовне.

Он свистел «Умешь ли ты свистеть, Йоханна?».

— Ну как? — заинтересовался Берра, когда мы вышли на улицу.

— Хорошо! — признал я. — Можешь быть довольна.

— А я и доволен.

Мы стояли на ветру и смотрели, как два дяденьки в чёрных перчатках шлохали гроб в автобус.

— Что ж, по крайней мере, нам было весело вместе, — сказал Берра.

Автобус уехал. Мы зажали ему вслед, пока он не скрылся за поворотом.

— Ну, что теперь будем делать? — спросил я.

— Пойдём запустим воздушного змея. Сегодня ветер подходящий.

Размышляем о прочитанном

1. С кем повстречался в этом небольшом рассказе?
2. Понимая Басю так, хотелось иметь дедушку?
3. Чем разделяли друг друга, Бася и дедушка?
4. Как вы думаете, почему так важно было малышке «хотеть» увидеть пленку де-душки?
5. Наверняка ли малышка после общения с дедушкой?

Обобщаем свои речи

Можно ли назвать рассказ трагическим? Как вы объясните слово «трагический»? Составьте несколько предложений с этим словом.

Совершенствуем свою речь

Вместе со своими одноклассниками попробуйте по памяти, не глядя в текст рассказа, воспроизвести диалог малышки. При этом постарайтесь передать настроение, чувства героями рассказа.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Мигель де Сервантес Сааведра

1547—1616

М. де Сервантес
Сааведра. 1600.
Ауденбург Ж. Де Коусилу
и Анхель Фрассини

Мигель де Сервантес Сааведра — великий писатель-гуманист эпохи Возрождения.

Сервантес родился в семье лекаря из обедневшего дворянского рода. Нужда и заботы преследовали будущего писателя с детства. Постоянная бедность заставляла Сервантеса странствовать, чтобы добыть средства к существованию. Несмотря на бродяжническую жизнь, Сервантес сумел закончить негуманитарную школу в Вальядолиде, а завершил своё образование в Мадриде. Един законное уклонение, он был зачислен в солдаты и участвовал в войне против турок. Сражения у бухты Лепанто навсегда остались в памяти Сервантеса: многочисленные раны и простреленная левая рука, которая перестала действовать, сделали Сервантеса инвалидом, в армии ему больше не было места. В то время будущему писателю было всего 24 года. Вместе со своим братом Родриго он вынужден был возвратиться на родину, но в Средиземном море братья были захвачены морскими разбойниками-корсарами и увезены в Алжир. Несколько раз Сервантес пытался бежать, но эти попытки закончились неудачей. Жесток и беспощаден был правитель Алжира Гасан-паша, но сукоружий пленник अनुшлял ему небольшое уважение: безрассудная храбрость и дерзость пленного солдата говорили о его несокрушимой воле.

Пять лет прожил в рабстве Сервантес, пока его силой выжидательными стараниями и унижениями не склонила сумму, необходимую для его выку

па. В 1580 году Сервантес возвратился в Испанию. Чтобы вырваться из нужды, он пробует свои силы в литературном творчестве и по возвращении на плеча пишет пасторальный роман «Галатея» (1585). Однако этот роман не принес Сервантесу ни большой литературной славы, ни денег, и он был вынужден занять издательскому должностному сборщику налогов. Работа кончилась оди исприятности, и в конце концов по чужой воле Сервантес поехал в тюрьму. Здесь он начал работу над романом «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605—1615), который сделал его имя бессмертным.

Приваждение рассказывает о несбыточных, но зачастую гениальных приключениях разбогачшегося дворянина Алонсо Кихано, который, гонимый рыцарских романов¹, как быкая пифи ашпитекику униженно и обидоупанно — благородным странствующим рыцарем. Книжный мир рыцарских романов сливается для Дон Кихота с действительностью, которую он никак не может покинуть. И некая хитроумная истракция: «Кто же безумец? Дон Кихот или мир, его окружающий?» В странных, порой чудных поступках Дон Кихота приживаются черты большого человеческого гуманизма и благородства, что и послужило основой для каждого эпизода персонажной романа.

Воображение Дон Кихота приваждение кой, что он видит, и фанасиаские рыцарское царство волшебников и триада: встраивает мельницы ему представляются хитроумными великанами, посланной дура — величественным замком, а служанка — принцессама. Покой Дон Кихот кажется смелым и хитрым в своей наивности и беззащитности. Но только человек без сердца может пошевелиться над этим милым покаянием геклодином или на почать его. Вся его трагедия заключалась в том, что книжные идеалы справедливого не имеют ничего общего с жизнью, жестокой и грубой жизнью.

Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский

(Глава из романа)

Глава VIII

*О втором выезде доброго нашего рыцаря
Дон Кихота Ламанчского*

В это самое время поблпалых пблпк: Дон Кихот.

— Сюда, сюда, отважные рыцари! — кричал он. — Пора нам показать силу наших доблестных дланей, не то отважные рыцари воздадут нам по заслугам!

¹ Рыцарские романы — популярней в средневековой Европе вид светского эпического произведения о рыцарях, их подвигах во имя славы, любви и прославления своего рода.

Пришлось превратить осмотр книгохранилища в бивачь на шум и грохот.

Выйдя к Дон Кихоту в конюшню, друзья и домашние его обнаружили, что он уже встал с постели: казалось, он и не думал спать — так не был оживлён: по-прежнему шумел, безумствовал, тыкал во все стороны мечом. Его схватили и насильно уложили в постель. Тут он несколько успокоился и, обратившись к священнику, молвил:

— Какой позор, — не правда ли, сеньор архиепископ Турини¹, — что так называемые Двенадцать Перов ни о того ни о сего уступили пальму первенства на турнире придворным рыцарям, тогда как мы, страстнолюбящие рыцаря, три дня подряд пожинали плоды победы!

— Полно, ваша милость, полно, любезный друг, — заговорил священник. — Бог даст, всё обойдётся, — что упущено сегодня, то всегда можно наверстать завтра, а теперь, ваша милость, подумайте о своём здоровье: одаетеи мне, вы очень устали, а может быть, даже ранены.

— Ранен то и не ранен, — возразил Дон Кихот, — а что меня не били и поколотили, в этом нет сомнения: на меня бросился с дубиной Роланд — и всё-ли жалости, ибо единственно, кто не уступит ему в крабрити, так это я. Ни не будь и Ринальд Монтальванский², ведь, аста с этого ложка, я ему не отвоюю, несмотря на все его чары. А пока что прикажете мне спастись — войдем я ни в чём тебе не нуждаюсь, как в пище, я уж постоять за тебя и сам сумею.

Желание Дон Кихота было непотребно: ему пришлось посты, а потом он снова встал, причём жё ещё раз подивившись его сумасбродству.

В ту же ночь стараниями включницы были собраны дотла все книги: и те, что валялись на дворе, и те, что ещё оставались в комнате: по всей вероятности, вместе с ними сгорели и такие, которые нужно было сдать на вечное хранение в архив, но этому помешали судьба и нерадение учинившего осмотр. — недаром говорит пословица, что из-за грешников чистенько страдают и праведники.

Священник с цирюльником решили, что первое средство от бедуги, который ожидал их приятелем, — это заложить и замуровать вход в книгохранилище, чтобы, встав с постели, он не вышел его (если, мол, устранить причину, то следствие, может статься, отыщут сами собой), а затем обвинять ему, что некий волшебник вместе со всеми

¹ Архиепископ Турини — герцог сардинийский лекарь.

² Ринальд Монтальванский — один из Двенадцати Герцог Арагона, герцог римский и герцог итальянского князя Лудовико Арагона.

книгами пажитил и компату. И всё это была осуществлена в великом праведности. Два дня спустя Дон Кихот встал с постели и прежде всего пошёл напугать на свои книги, но, не обнаружив помешанная, в котором они находились, стал бродить и шарить по всем комнатам. Несколько раз подходил к тому месту, где раньше была дверь, стучал стену, молча обводил глазами комнату. Наконец, после долгих поисков, он спросил ключницу, где находится его книгохранилище. Ключницу все слушали, как должно отвечать.

— О каком таком книгохранилище вы говорите, ваша милость? — в свою очередь, спросила она. — Нет у нас теперь ни книг, ни хранения, всё унес дьявол.

— Бовсе не дьявол, а волшебник, — возразила племянница, — После того как мы от нас уехали, ваша милость, на следующую же ночь он прилетел сюда на облаке, срыгнув с дракона, на котором сидел верхом, и проник в книгохранилище. Не зная, что он там делал, только нижнюю часть, плазку, вылезает черная крышка, и в комнате шло дымку. Поняв мы посмотреть, что он делал, и уж ни книг, ни кожаных нет и в помине. Одно только мы обе отлично помним: улетая, этот злой старик громко крикнул, что по злобе, которую он тайно питает к владельцу книг и помещению, на нижне его дому урон и что урон этот впоследствии обнаружится. Ещё он сказал, что пошут его мудрый Муньятон.

— Не Муньятон, а Фрестон¹, — поправил её Дон Кихот.

— Не то Фрестон, не то Фритон, — вспыхнула ключница, — помню только, что имя его оканчивается на сон.

— Так, так, — подхватил Дон Кихот, — это один мудрый волшебник, злейший мой враг: он меня ненавидит, ибо колдовские чары и тайнопись открыли ему, что по прошествии некоторого времени мне предстоит единоборство с рыцарем, коему он покровительствует, и что, несмотря на все его козни, в азарку над этим рыцарем победу, оттого-то он всеми силами и старается мне досадить. Но да будет ему известно, что ни нарушить, ни обойти предустановленного небесами он не властен.

— Какие же тут могут быть сомнения? — воскликнула племянница. — Но только вот что, дядюшка: кто видит какой милости ждать в драку? Не лучше ли спокойно сидеть дома, покажи мыкать по свету и ложить в небо журавля, забывая о том, что когда идёшь за шерстью — гляди, как бы самого не обстригла?

¹ Фрестон — выдуманное из романа имя вымышленного персонажа.

— Ах, племянница! — воскликнул Дон Кихот. — Как мало ты во всем этом озабочена! Проклятые венчики зноя обстригут, я сам выщиплю и вырву бороду жесточайшую, кто посмеет дотрагнуться до кончика моего волоса.

Обе племянницы, видя, что он грезится, решились затеять ему наперечить.

Как бы то ни было, целых две недели сидел он спокойно дома, ничем не обнаруживая племянницам снова начать колобродить, и в течение этих двух недель у него не раз происходили в высшей степени забавные беседы с двумя его приятельницами, священником и цирюльником. Он уверял их, что в настоящее время мир ни в ком там не нуждается, как в странствующих рыцарях, и что странствующему рыцарству суждено воскреснуть в его лице. Священник, полагая, что это можно выдумать не иначе, как пустяковскою или хитрою, в иных случаях шлоха с ним, в иных — соглашался.

Одновременно Дон Кихот застал в парижской в одном своем по соседственике. Это был человек добросовестнейший (был только по доброе определенное применили к людям, которые ни могут никак стать в рядным количеством всякого добра), однако же многие у него были весьма небрежны. Дон Кихот такого ему наговорил, так что пообещал и так сумел его убедить, что в конце концов бедный хлебопашек дал свое отправление вместе с ним в качестве его оруженосца. Между прочим, Дон Кихот советовал ему особенно не мешкать, ибо вполне, дескать, может случиться, что он, Дон Кихот, в мгновение ока явится какой-нибудь остров и сделает его губернатором такового. Подобные обещания соблазнили Сальмо Пансу — так звали нашего хлебопашца. — и он согласился покинуть жену и детей и стать оруженосцем своего односельчанина.

Затем Дон Кихот принялся раздобывать деньги, кое-что продал, кое-что заложил с большими для себя убытком и в конце концов собрал значительную сумму. Кроме того, он был на время у одного из своих приятелей крупный шит и, починив, как мог, разбитый свой шлем, предведимым оруженосца Сальмо о дне и часе выезда, чтобы тот ушел записаться всем необходимым, а главное, ни забыл взять с собой джужужую пуму. Сальмо дал слово, что не забудет ни, извинились ни то, что он не может видеть пальца, объявил, что у него есть очень хорошая сеть и что он ходит на нее. Это обстоятельство сломало ожидание Дон Кихота: он перебирал в памяти, был ли у кого-нибудь из странствующих рыцарей такой оруженосец, который прибегал к такому способу передвижения, но так и не припомнил;

однако в надежде, что ему не замедлит представиться случай отбить коня у первого же невнимательного рыцаря, который встретится ему на пути, и передать его куда более почтенное четвероногое во владение своему приятелю, он позволил Санчо Пансу взять веля. По совету хозяина постыжески дворя Дие Кихот хитростью сиротками и немом, чем только мог. Когда же всё было готово и привезено в надлежащий вид, Дон Кихот, не преклонившись ни к плавающим, ни к кличащим, к сопровождающим Санчо Панса, который тоже не преклонился ни к женой, ни к детям, однажды почью тайком вышел из села, и за почью ему удалось отъехать на весьма значительное расстояние, так что, когда рыцарь, был почтительнейшим сибм и почтительнейшим образом кину б и спарядили на нем потопи, то всё равно уже не встретил бы их.

Санчо Панса не забыл приторочить сумку к бурдюк, и теперь он, горя желанием сделаться губернатором обещанного острова, как почный патриарх, поседая на веле. Между тем Дон Кихот набрал тот же самый путь и двинулся по той же дороге, по какой ехал он в прошлый раз, то есть по Монтельельской дороге, только теперь он чувствовал себя совершенно бодрым, ибо время было еще раннее и косые лучи солнца не очень его беспокоили. Тут то и встретился Санчо Панса к своему господину:

— Смотрите же, ваша милость, сеньор отстраняющийся рыцарь, не забудьте, что вы мне обещали насчет острова, а уж я с каким упором на остров упрямлюсь.

Дон Кихот ему на это отвечал:

— Надобно тебе знать, друг мой Санчо Панса, что в былые времена отстраняющиеся рыцаря имели обыкновенные выхващать правительством замкнутых или островов и королевств своих же собственных оруженосцев, а уж за мной дела не стояло, ибо я позволял почтительно похвалиться этот обычай. Более того, я померещил пойти еще дальше: прежде рыцаря почной раз, а пожалуй, даже и всякий раз ждала, пока их оруженосцы состарятся, и лишь по пришествии многих беспечных дней и еще менее спокойных ночей, когда тем уже не под силу становилось служить, превращали им титул графа или в лучшем случае маркиза и вводили их во владение землей или какой-нибудь захудалой провинцией. Если же мы с тобой будем живы и здоровы, то легко может случиться, что не пройдет и недели, как я уже завоюю королевство, коему подвластно еще несколько королевств, и какие из них тебе понравятся, тем я тебя, короню, и пожелую. И пусть это тебя не удивляет: в рыцаря почтительных дела не обыкновенные и происходят случаи непередвижные, так что мне ни-

чего не будет статься, потрадить тебя еще чем-нибудь сверх того, что я обещал.

— Выходит, стало быть, так, — заключил Санчо Панса, — что если я каким-нибудь чудом стану королём, то моя благоверная станет по меньшей мере королевой, а детки мои инфантами?

— Кто же в этом сомневается? — возразил Дон Кихот.

— Да и первый, — ответил Санчо Панса, — Видь если б даже Господь устроил так, чтобы королевские короны свалились на землю дождём, и тогда, думаюсь яже, не одна из них не прицелась бы по мереке мнѣй супружнице. Уверенно жес, сыночек, что королевки на ней ни за чѣм не выйдут, Графиня — это ещё так-этак, да и та бабушка надвое сказала.

— Уловил, Санчо, не на какую-то неизвестную бабушку, а на Велга, — сказал Дон Кихот, — и Он поградит твоею жепу тем, что ей более всего подходит. Ты же не ропщай своего достоинства и готовься занять пост генерал-губернатора, а с меньшим им и вном случае не маришь.

— Ни за что не помирюся, государь мой, — сказал Санчо, — Такой важный господин, как вы, ваша милость, всегда сумеет выбрать для меня что-нибудь такое, что придется мне по плечу и по праву.

Дон Кихот и Санчо Панса. 1906. Художник С. Г. Архипов

Глава VIII

*О славной победе, одержанной доблестным Дон Кихотом
в страшном и доселе несмысленном бою
с неустрашимыми великанами, равно как и о других событиях,
о которых мы не без приключения расскажем*

Тут главно их открылось не то траднать, не то сорня ветранных мельниц, стоявших среди поля, и как скоро увидел их Дон Кихот, то обратился к своему оруженосцу с такими словами:

— Судьба руководит нами как великая душа. Посмотри, друг Санчо Панса: вот там виднеется траднать, если не больше, чудовищных великанов, — я намерен вступить с ними в бой и перейти их всех до единого, трофеи же, которые нам достанутся, явятся основой нашего благосостояния. Это война справедливая: стереть дурное с лица земли — значит верой и правдой послужить Богу.

— Где вы видите великанов? — спросил Санчо Панса.

— Да вот они, у громадных рук, — отвечал ему господин. — У некоторых из них длина рук достигает почти двух миль.

— Появляйте, сеньор, — кабриол Санчо, — то, что там виднеется, — вовсе не великаны, и ветряные мельницы, то же, что вы принимаете за их руки, — это крылья: они кружатся от ветра и производят в движении мельничные жернова.

— Сейчас видно неопытного некателя приключений, — заметил Дон Кихот. — Это великаны. И если ты боишься, то отъезжай в сторону и помодрай, а в том же время вступлю с ними в жестокий и неравный бой.

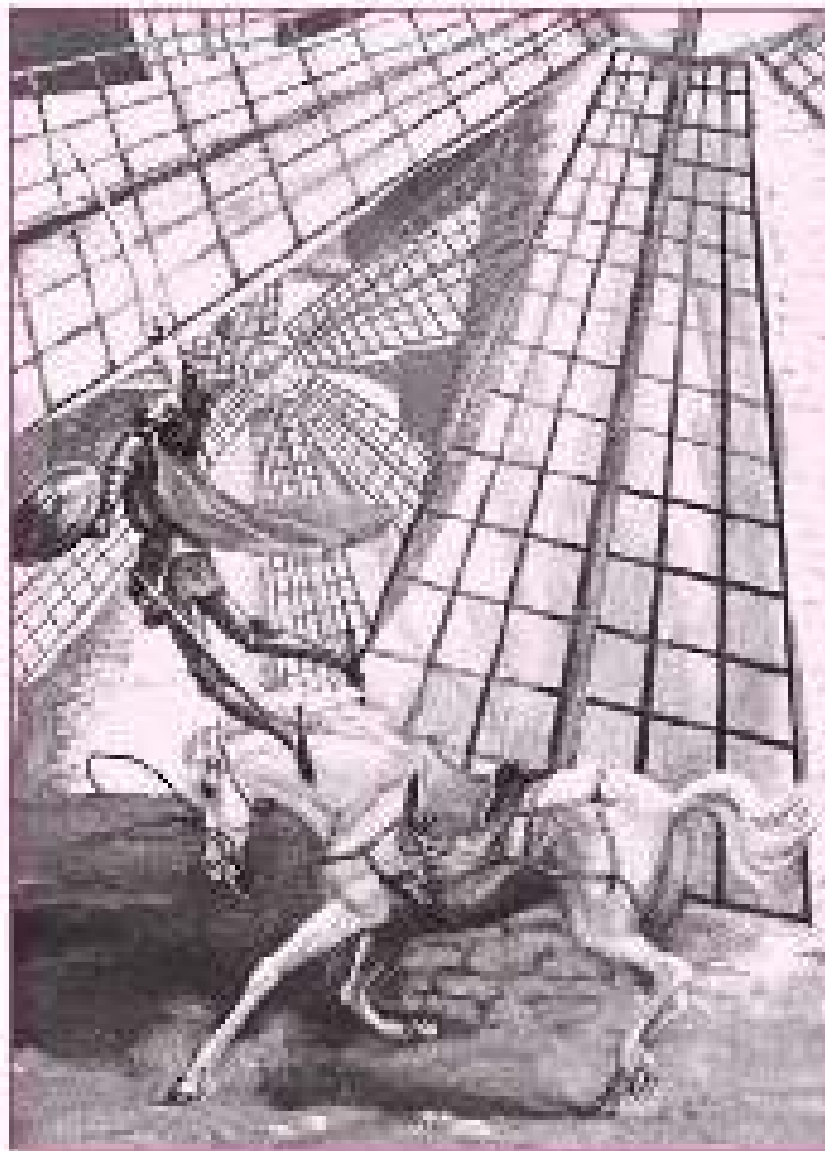
С последним словом, не приняв галосу Санчо, который предупредил его, что не с великанами едет он сражаться, а пле великого сомнения, с ветряными мельницами, Дон Кихот дал Росинанту шпоры. Он был совершенно уверен, что это великаны, и потому, не обращая внимания на крики оруженосца и не видя, что перед ним, хотя не ходил он совсем близко от мельниц, громко восклицал:

— Стойте, трусливые и пидлые твари! Ведь на вас нападет только один рыцарь.

В это время шел дульный ветерок, и, заметив, что огромные крылья мельниц начинают кружиться, Дон Кихот воскликнул:

— Машите, машите руками! Если б у вас их было больше, чем у великана Бриариса¹, и тогда принялось бы нам шпалитаться!

¹ Бриарис — величайший сторукий великан.

«Хитроумно» падает Дон Кихот Паломничества.
Художник А. М. Аршавский

Скляничник яти, на землице агудилеи ани шокримижидилеи тупишомеи евои дупькинеи, обратился к ней с мольбою помочи ему поддержать столь тяжкое испытание и, вырвавшись притом к пустыни Росинанта в талон, возвел коня в крыльи ближайшей мельницы; но в это время ветер с такой боеспой силой повернул крыло, что от коня остались одни шепки, а крыло, подхватив к коня и педенка, смязавшегося в весьма жалком положении, сбросило Дон Кихота на землю. На помочи ему во весь осенний маж поикавал Санчо Панса и, приближившись, удостоверился, что он не может поспевать — так тяжело упал он с Росинанта.

Ах ты, Гостиница! — воскликнул Санчо. Не говорила ли я нашей милости, чтобы вы были осторожнее и что это нешто-нашего ветряные мельницы? Их никто бы не слухал, разве тот, у кого ветряные мельницы кружатся в голове.

— Помолчи, друг Санчо, — сказал Дон Кихот. — Должно заметить, что нет ничего изменчивее человеческих обстоятельств. К тому же и полагаю, и не без основания, что мудрый Фрестон, тот самый, который похитил у меня книгу вместе с помещиком, превратил великанов в ветряные мельницы, чтобы лишить меня плодов победы, — так он меня князьводит. Но разве нам позавно знать его чары, не уловит пред словом этого места.

— Это уж как Бог даст, — заметил Санчо Панса. Он пошел Дон Кихоту котить и усидая его на Роскианта, который тоже был чужь жиня. Продолжая обсуждать недавнее происшествие, они поехали по дороге к Угальто Лисков, ибо Дон Кихот не мог устоять множеству разнообразных приключений, какие, но нго-словам, на этом диком месте их ожидают; одно лишь оторчал он — то, что он лешкется по-пла, и, поведая горе своей армянности, он сказал:

— Помните, я читал, что один испанский рыцарь по имени Диего Перес де Варгас, утратить в баш свой меч, отломил от дуба громадный сух и вступился и поробил в этот день столько мяра, что ему потом дали прозвище Дубое, и с тех пор во в его потомке именуются Варгас-Дубое. Все это я говорю к тому, что я тоже намерен отламить сух от первого же дуба, который попадетя мне по дороге, такой же величина, какой, я себе представляю, должен был быть у Варгаса, и при помощи этого суха совершить такие подвиги, что ты считаешь себя избранныком судьбы, ибо удостоился чести быть очевидцем и свидетелем деяний, которые впоследствии могут показаться невероятными.

— Воё в руках Божьих, — заметил Санчо. — Я верю всему, что говорит наша милость. Только видите пример, а то вы всё как будто съезжаете вибрик — верно, оттого, что ушиблись, когда идяли.

— Твоя правда, — сказал Дон Кихот, — и если я не слону от била, то единственно потому, что странствующим рыцарям в случае какой-либо важной ствяти не пишьяли, хотя бы у них выжидывались книги.

Как так, то мне возразить нечего, — сказал Санчо, — но доведешь до меня, то я пачту сказать от какой пучечкой боли, если только этот закон не распространяется и на супружеских ствятиющих рыцарей.

Дон Кихот не мог не посмеяться простодушною своею дружескою, а потом объявил, что тот должен ступить, когда в спальню ему введутся, как по необходимости, так и без всякой необходимости, ибо в рыцарском уставе ничего на сей предмет не сказано. Санчо напомнил Дон Кихоту, что пора закушать. Дон Кихот сказал, что ему пока не хочется, а что Санчо может есть, когда ему заблагорассудится. Получив позволение, Санчо со всеми удобствами расположился на столе, вынул из сумки всё содержимое и принялся закусывать; он плёлся шашком за своим господином, время от времени со смехом шлепая из бурдюка, и пенски привлеченный, пусть даже опасный, казалась ему уже не тяжкой повинностью, но щедрым праздником.

Ночью они проехали под деревьями. От одного из них Дон Кихот плетясь задохнулся и пристыжился к нему железный наконечник — таким образом у него получилось нечто вроде копья. Стараюсь во время подражать рыцарям, которые, как это ему было известно на книг, не спали ночей в лесах и пустынях, ужился мечтой о своих повелительских, Дон Кихот всю ночь не смыкал глаз и думал о гаспане своей Дульсинее. Утром по-прежнему проехал с Санчо Пансой: наполнив себе брюхо отсюда не цинорной водой, он мерным сном проспал до утра, а не разбудил его Дон Кихот, он ещё не скоро проснулся бы, хотя солнце давно уже было ему прямо в глаза, а множество птиц весёлым щебетом приветствовало наступивший день. Наконец Санчо встал и, не замедлив слезнуть из бурдюка, обнаружил, что бурдюк слетел и оснулся со взвешенного дня: это было для него весьма неприятно, ибо он понимал, что в ближайшее время вряд ли могла ему представиться возможность пополнить запас. Дон Кихот не пожелал затрахать — как уже было сказано, он пытался одними сладостными мечтами. Оба выехали на дорогу, и между трёх часов появились крали шаживанцы Ущелья Липового.

— Вонь, брат Санчо, — закричал ущелье, сказал Дон Кихот, — мы, что называется, по дороге задушим руки в приключениях. Но предупредила: какая бы опасность мне ни грозила, ты не должен браться за меч, разве только ты увидишь, что на меня нападают люди плохого вида: в сем случае ты должен оказать мне помощь. Если же это будут рыцари, то, по законам рыцарства, ты не должен и не смеешь никакого притока за меня вступаться, пока ты ещё не посвящён в рыцари.

¹ *История 2006* — авторское право

— Насчёт птиц можете быть уверены, сеньор: а за похищения не выйду, — сказал Санчо. — Тем более, при у меня тихий: дело в драку, затеять перепалку — это не моё дело. Вот если кто-нибудь затронет мою олову, тут уж я, по правде сказать, на рыцарские законы не погляжу, ибо и божеские, и человеческие законы никому не воспрещают обороняться.

— С этим я вполне согласен, — сказал Дон Кихот. — Тебе придётся сдерживать естественные свои порывы только в том случае, если на меня выйдут рыцари.

— Нефривольно широкую, — сказал Санчо. — Для меня это утланок даже будет священно, как воскресный отдых.

Они всё ещё продолжали беседовать, когда впереди показались два монаха-бenedиктинца¹ верхом на верблюдах — именно на верблюдах, иначе не скажешь, такой невероятной выносливостью достигли их мулы. Монахи были в дорожных очках и под ленточками. Двое едут тили пенюком и попилила мулина, а позади едут карета и сокромозженна не то чигирёх, не то пяти веревных. Как выяснилось впоследствии, в карете сидела дама на Вискайн — ехала она в Севилью, к мужу, который собирался в Америку, где его ожидала весьма почётная должность, монахи же были её случайными спутниками, а вовсе не провожатыми. Но Дон Кихот, едва увидев их, тотчас же сказал своему оруженосцу:

— Если я не ошибаюсь, нас ожидает самое удивительное приключение, какое только можно себе представить. Вот те чёрные страшилища, что показались вдали, — это, само собой разумеется, волшебники: они поквитилися прищипку и ужалют её в карете, мне же во что бы то ни стало надлежит расстроить этот злой умысел.

— Как бы не вышло хуже, чем с ветряными мельницами, — замечает Санчо. — Пастухи, охотники: это же бусетки бenedиктинца, а в карете, уж верно, едут какие-нибудь путешественники. Правда, ваша милость, послушайте вы меня и подумайтесь, а то мне перуть лукавый шкютник.

— Я уже говорил тебе, Санчо, что ты ещё ничего не смыслишь в приключениях, — возразил Дон Кихот. — Я совершенно прав, и сейчас ты к этому удовлетворишься.

Тут он выехал вперёд, остановившись посреди дороги и, когда монахи очутились на таком близком расстоянии, что им должно было быть слышно всё, громким голосом заговорил:

¹ Benediktinцы — с XI в. один из основных монашеских орденов, быстро распространившийся во всех странах Западной Европы.

— Бесновитые чудовища! Сей же час освободите благородных принцев, которых вы насильно увозите в карете! А не то готовьтесь принять скорую смерть как достойную кару за свои злодеяния!

Монахи наткнули повозку и, удивлённые видом Дон Кихота и решимости его, отвратили ему путь.

— Сеньор кавалер! Мы не бесновитые чудовища, мы Бенедиктинский ордена монахи, едем по своим надобностям, и есть ли в карете похищенные принцы? — про то мы не ведаем.

— Сладкими речами вы меня не увястите. Знаю я вас, вероломных педофил, — сказал Дон Кихот.

Не дожидаясь ответа, он прищипнул Раскнута и с кинжём наперевес, высекая себя от ярости, отчаянно ринулся на одного из монахов, так что если бы тут загодя не слетел с мула, то он принудил бы его к отступлению, да ещё вдобавок тяжело ранил бы его, а может, и просто убил. Другой монах, видя, как обходятся с его спутником, бросил палку в бока доброго своего мула и помычался легче ветра.

Тем временем Санчо Панса мигал ежкочая в бела, кинулся к лежащему на земле человеку и принялся снимать с него одеяние. В ту же секунду к нему подбегали два погонщика и спросили, зачем он раздевает его. Санчо Панса ответил, что эти трофеи им сразу принадлежат ему, ибо очевидно выиграл его господин Дон Кихот. Погонщики шуткой не понимали и не имели ни малейшего представления о том, что такое оружие и трофей; каспозьяхивались тем, что Дон Кихот подвигал к карете и захватил с путешественницей, они бросались на Санчо, опирали его с ног и надавали ему таких пинков, что он, искусственный и бездыханный, перестал двигаться ни слова. Перепуганный же и сбитый монах, бледный как поштен, не теряя драгоценного времени, сел на своего мула и вскакал туда, где, надыав выткнув на всей этой кутерьме, поджидая его спутник, а затем оба, не дожидаясь разрешения, послали дальше и при этом так уверенно крестились, точно по пятам за ними гнался сам дьявол.

Между тем Дон Кихот, как уже было сказано, вступил в разговор с сидевшей в карете дамой.

— Сеньора! — так начал он. — Ваше величество может теперь располагать обоим как ему заблагорассудится, ибо авашащавость наших похитителей сартепа и повержена в прах мощною моею дланью. А дабы вы не мучились тем, что не знаете имени своего избавителя, я вам скажу, что я — Дон Кихот Ламаноский, странствующий рыцарь и носитель приключений, прельщённый несравненно прекрасною Дульсиной Тобитской. И к изумлению дамочке как услугу и

хому одному ежиконёму в Тобько, в мой гонимом, ежиконю иё, что вы от меня, я повелюйте ей всё, что и совершил, добиваясь какого освобождения.

Кня успел Дон Кихот выслушать это, как один из двух, иприво-
идантвй даму, родом бискеец, пидя, что Дон Кихот не пропускает
карету и требует, чтобы они поврапцались обратно и ежали в Тобосо,
приблизился к коню и, схватившись за его копы, на дурном касталь-
ском и отыратительном бискайском наречьях сказал ему следующее:

— Ходи прочь, павальеро, чтоб тебе пот пути! Кажуся Саадате-
лем: не выпускать карету, так и тебя убьешь, не будь и бискаец!

Дон Кихот прекрасно понял его.

— Если б ты был не малкий холоп, а павальеро, — непременно
заметил он, — и бы тебя наказал за твое безрасудство и наглость.

Бискаец же ему на это сказал:

— И — не павальеро? Кажуся Богом, ты прешь, как христозник.
А ну бросай копы, хватай меч — будем смотреть, кого кто! Биска-
ец — он тебе и на суше, и на море, и черт его знает где идалго. Па-
вбьрот ежиконю — время будешь.

— Ну, что мы ещё посмотрим, — молвил Дон Кихот.

Пыриуи копы взяли, он выхватил меч, заградился щитом и
с твердым намерением уаскить бискайца на месте бржалох на него.
Бискаец же, смекнув, что дело принимает дурной оборот, хотел бы-
ло спешиться, ибо мул, на котором он путешествовал, скверный на-
бный мул, не аянул ему доверия, но он успел только выхватить
меч; но смелый случайности он издалека жале своей кресты;
вспользовавшись этим, он вынул подушку и прикрылся ею, как
щитом. Те, кто при нём присутствовал, тщетно пытались их разо-
реть, — бискеец кричал на своем лозаном языке, что если ему не да-
дут ервиться, то он убьёт свою таспону и всех, кто стапет ему по-
перёк дарота. Следящая в карете дама, перыбница и науганная про-
пеходщица, велела кучеру отъехать в сторону и отала издала
поблизать за жестокой битвой.

Решительный вид, с каким Дон Кихот перешёл в наступление,
красноречиво свидетельствовал об охватившем его гневе, а потому би-
скаец почёл за нужное приготовить к обороне. Он прижал подушку
к груди, но с места не сдвинулся, ибо на туда ни скда не мог повер-
нуть своего мула, который по причине крайнего утомления и от не-
привычки к подобному роду дурячествам не к силам был приготовить
ноги. Служи, как уже было сказано, Дон Кихот, выскочив держа меч,
дабы разрубить извергнутого бискайца пополам, наступил на него,

бискайца зацарапался когущиной и тогда кнестав поднял меч; испуганные зрители в замкнутых сердцах ждали, что будет, когда опустится эти мечи, сокрушительным ударом грозившие один другому, меж тем как дама в карете вместе со своими служивками призывала на помощь силы небесные и давали Богу обещание покартвить за все святости и престои вклад во все знаменитые монастыри, только бы он отвёл от бискайца и от них самих столь великую опасность.

Первым нанес удар испанский бискайца, и при этом в такой силе и ярости, что, не поверивши у него в руке меч, один этот удар мог бы положить конец жестокой схватке и всем приключением нашего рыцаря; но благая судьба, хранившая Дон Кихота для великих важных дел, повернула меч в руке его надрезав так, что хотя удар и прилёг к нему в левое плечо, однако ж особого ущерба не причинил, за исключением разве того, что сорвал с левого бока доспехи и мимоходом ранил ему ухо и шлем. Доспехи с ужасообразным грохотом рухнули на землю, и в эту минуту рыцарь наша узнал соби весьма малое предлице.

Боже ты мой, есть ли на свете такой человек, который мог бы найти подходящие выражения, чтобы передать гнев, обуявший нашего локманча, когда он увидел, как в нём обобщился Нев, лучше прямо обратиться к рассказу. Итак, Дон Кихот снова привстал на стременах и, ещё крепче сжимая обеими руками меч, с таким бешенством ударил бискайца когущиной по подушкис и по палиши, что, несмотря на эту надёжную защиту, у бискайца было такое чувство, точно на него обрушилась гора: кровь хлынула у него из носа, изо рта, из ушей, он поклатнулся и, конечно, полетел бы с мула, если б ему не удалось обхватить его за шею, но в это самое время ноги выскочили у него из стремян, руки он раскопирал, а мул, напуганный страшным ударом, отчаянно брыкался, помчался вперед и очень скоро сбросил бедолагу на землю.

Дон Кихот с самым невозмутимым видом катился на припадающее; когда же бискайца упал, он соскочил с поля, мгновенно отутулелся возле своего недруга и, поднеся острис меча к его глазам, велел сдаваться, пригрозив в противном случае отрубить ему голову. Бискайца был так опархивен, что не мог выговорить ни слова; и ему, уж верно, не повелоривилось бы (ибо Дон Кихот не помнил себя от ярости), если б находившиеся в карете женщины, до тех пор в полной рассерженности следившие за потасовкой, не подошли к нашему рыцарю и не принялись вслухступно молить его сделать им такую милость и одолжение — пощадить их слугу. Дон Кихот же им на это с большим достоинством и важностью ответил:

— Прекрасные señoras! Разумеется, я весьма охотно исполнил вашу просьбу, но с одним условием и оговоркой: рыцарь этот должен мне обещать, что он отправится в город, именующийся Тобосо, к несравненной даме Дульсинее, и скажет, что это я послал его к ней, а уж она выступит с вами, как ей заблагорассудится.

Перепуганные и удручённые дамы, не зная, в то, чего он от них требовал, и даже не зная, кто такая эта Дульсиена, обещали, что будут в точности исполнять его приказание.

— Ну хорошо, верю вам на слово, — сказала Дон Кихот. — Если же я не причиною ему зла, хотя бы отнюдь вполне издохну.

Размышляем о прочитанном

Прочитайте роман «Дон Кихот» внимательно и ответьте на следующие вопросы:

1. Что им удалось в главном сражении? Кто же? Им удалось или проиграть и почему?
2. Как в три главы обострились отношения камирано Дон Кихота и сэра?
3. Что обещал до Санчо Панса и подданным Дон Кихота ехать на крушике?
4. Когда и как состоялась главная победа, одержанная доблестным Дон Кихотом в страшной и доселе невиданной битве с огромным великаном?
5. Какие приключения и даже приказы на посланном дворе, который он принял за средстве своей само?
6. Какое главное приключение было означено делом приобретения рыцарского шляпа?
7. Чем окончили для героя камирано и сэра?
8. Что случилось с Дон Кихотом в главном сражении?
9. Как Санчо Панса утратил сэра и чем же он занимался?
10. Какую ошибку Дон Кихот совершил после сражения? Какие женщины приехали в него?

Искусство задания

Подготовьте устное или письменное сообщение на одну из тем:

1. Сравните Дон Кихота и Санчо Панса. В чём проявляется их противоборство и глубокое внутреннее сходство?
2. Чем интересен роман Сервантеса «Дон Кихот» современному читателю?

Внеклассное чтение

Два. Р. Толкин. «Властелин колец».

Антуан де Сент-Экзюпери

1900 — 1944

Антуан де Сент-Экзюпери — выдающийся французский писатель, произведения которого наполнены раздумьями о современном мире: в непоколебимости и крупности фактов, в беспредельных духовных возможностях человека, в необходимости абстрагироваться людей на основе любви, взаимопонимания и уважения, об ответственности каждого человека за свои поступки и за свою планету. Произведения писателя, воплотившие любовь к жизни во всех её проявлениях, гордость за человечество, который признал её миссией во всех её проявлениях, умение раскрыть героическое и будничное, стремление осмыслить своё время и своё место к нём отличают творчество французского гуманиста.

Сент-Экзюпери — выходец из аристократической семьи — с детства увлекался искусством, литературой и техникой. Детские мечты воплотились в реальность. Сент-Экзюпери стал известным лётчиком и писателем с мировым именем. В 20-е годы он учился в Школе высших искусств, откуда ушёл служить в армию, где приобрёл профессию пилота. Мудрый наблюдатель в своих литературных произведениях. Сент-Экзюпери и в реальной жизни не расстался с романтикой. Он прокладывал и осваивал новые маршруты трассы над Сахарской, Атлантической и Южной Америкой, особенно новые маршруты, несколько раз терпел аварии, был дважды ранен, но не потерял веры к себе, духовные, физические и творческие силы. Всё своё свободное время Сент-Экзюпери уделял журналистике и литературе. Профессия авиатора накладывала определённый отпечаток на художественное творчество Сент-Экзюпери. И это касалось не только тематики его произведений, но и того особого, отстранённого от обыденности ощущения открывающего мира, которое может испытать только человек, полонному жизни парящий в небе, близкий к звездам. Первый свой рассказ «Патрик» (1926) Сент-Экзюпери посвятил любимой авиацион-

людям, сидящим за штурвалом самолёта, и до конца жизни он не уходил от этой темы. «Для меня летать и писать — одно и то же... Авиатор и писатель сливаются: оба в равной мере познают мир», — писал Сент-Экзюпери. События современности, человеческие поступки писатель рассматривал с точки зрения нравственных обще-человеческих проблем.

Как трагедию воспринял Сент-Экзюпери приходство в Европу фашистов. В 1937 году он пишет ряд репортажей с фронтов гражданской войны в Испании. Он разоблачает фашистский режим, его нечеловеческие бесчеловечные условия неслыханных. В годы Второй мировой войны Сент-Экзюпери срывается с фашистскими оккупационными как ребёнок и как писатель. В «Вальсе лейтенанта» (1942) и «Пир-мех к западному» (1943) он с уверенностью предвещает победу демократических сил над фашистской диктатурой.

31 июля 1944 года Сент-Экзюпери трагически погиб, выполняя боевое задание — разведывательный полёт над Средиземным морем.

Всемирную известность принесла Сент-Экзюпери философская сказка «Маленький принц» (1943). Эта мудрая повесть обращена и к детям, и к взрослым. С глубоким страданием смотрит писатель на пороки окружающего мира, наполненного злобностью, отсутствием идеалов, непоколебимым разрывом между словом и делом. Однако Сент-Экзюпери уверен, что красота и чистота человеческих отношений могут победить материальное зло. С грустной, ментальной улыбкой повествует писатель о радостях и горьких опытах своего героя — Маленького принца, живящего на маленькой планете. Его образ — это средоточие всего лучшего в человеке, особенно отчетливо проявляющегося в душе ребёнка. Сказка «Маленький принц», как и другие произведения Сент-Экзюпери, говорит о важности взаимопонимания между людьми, об ответственности каждого человека за всё добро и зло, что творится в мире.

❓ Проверьте себя

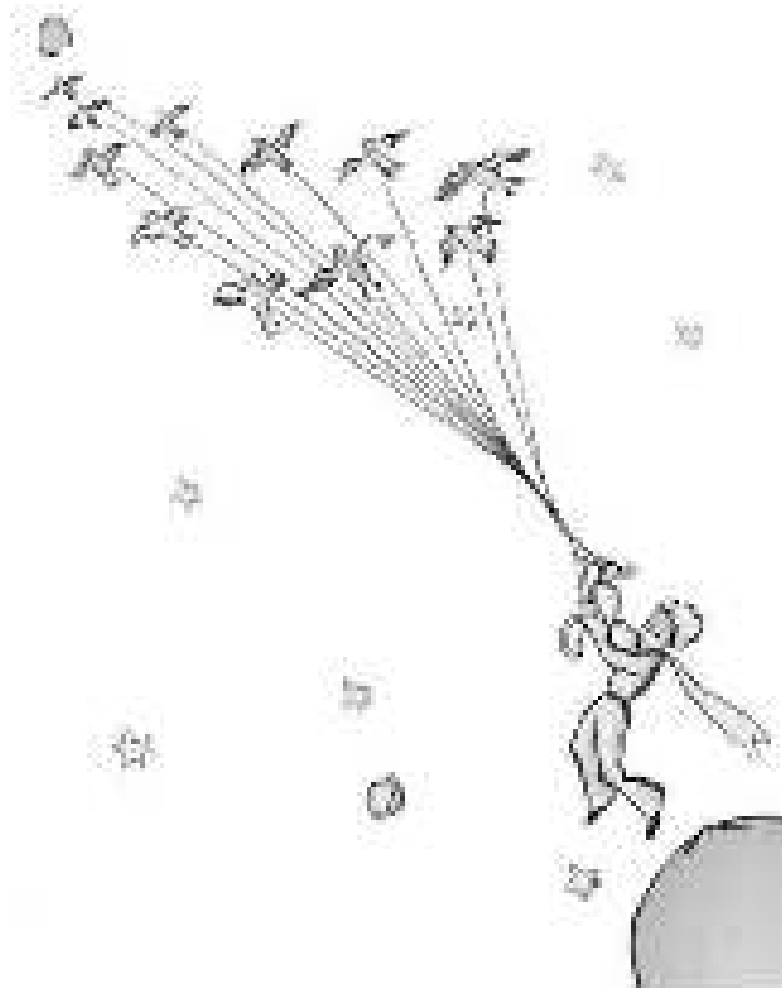
1. Кто известен французский писатель Сент-Экзюпери? Что было самым главным в жизни этого писателя?
2. Назовите основные статьи романа и ресурсы Интернета, посвященные созданию этого удивительного произведения и личности А. де Сент-Экзюпери.

В учебнике напечатаны отдельные главы сказки. Постарайтесь, готовясь к беседе в классе, прочитать текст «Маленького принца» полностью.

Маленький принц

(Отрывок из сказки с рисунками автора)

Леону Верту

Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому. Сказку и оправдание! Этот взрослый — мой самый лучший друг, и никто не понимает кой на свете, даже детишки книжки. И, наконец, он живёт во Франции, в том рай-ке пизаро и долинко. И он очень нуждается в утешении. Если же кой это никто не оправдывает, я посвящу свою книжку тому мальчишке, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я настоятельно посвящаю:

Леону Верту, когда он был маленьким.

1

Когда мне было шесть лет, в книге под плавающим «Правдивые истории», мне рассказывалось про удивительного змея, и увидев однажды удивительную картинку. На картинке огромный змея — удав — плотная хищного зверя. Вот как это было нарисовано:

В книге говорилось: «Удав зализывает свою жертву целиком, не жует. После жуть он уже не может шевельнуться и спит подвиги подряд, пока не перекарит пищу».

Я много раздумывал и полной приключенной жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою версию картинку. Это был мой рисунок № 1. Вот что я нарисовал:

Я показал мой творение взрослым и спросил, не страшно ли им. — Разве шланг страшная? — возразили мне.

А это была совсем не шланг. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь когда-нибудь жей объяснить. Вот мой рисунок № 2:

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей на снаружи, ни изнутри, а больше интересоваться географией, историей, арифметикой и природоведением. Вот как случилось, что шесть лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками № 1

и № 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я изучился на летчика. Облетел я чуть ли на весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Америки. Это очень полезно, если почью собьешься с пути.

На своем анку я много встречал разных перьяных видов. Я даже не ждал среди взрослых. Я видел их самым близким. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал карюлого, который казался мне разумнее и понятливее других, и показывал ему свой рисунок № 1 — я его сохранял и всегда носил с собой. И хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: «Это шляпа». И я уже не говорил с ними ни об удюках, ни о джунглях, ни о зюсапах. И применялся к их понятиям. И говорил с ними об игре в бридж и гольф, о полетике и в галетухах. И взрослые были очень довольны, что познакомилась с таким адрианомидельцем человеком.

II

Там я жила в одиночестве, и не с кем мне было поговорить по душам. И вот шелье лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то случилось в моторе моего самолета. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам всё починить, хотя это и очень трудно. И должен был исправить мотор или погибнуть. Боды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на шке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший караблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, и тот был бы не так одинок. Вообразите же мое удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

— Покалуйета... парюсуй мне барашка!

— А?..

— Нарюсуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протёр глаза. Стал осматриваться. И увидел забинтованного маленького человечка, который перьяно меня разглядывал. Вот самый лучший его подарок, какой мне после удюлось жарисовать. Но на моем рисунке он, конечно, далеко

не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые убедили меня, что художника из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удаков — шарушек и контуров.

Итак, я по все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот мальчик заблудился, или до смерти устал и изуродован, или умирает от холода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребёнок, потерявшийся в незнакомой пустыне, вышедший от некоего жилья. Наконец, когда мне вернулся дар речи, я и спросил:

— Но... что ты здесь делаешь?

И он опять повторил тихо и очень серьезно:

— Пожалуйста... нарисуй барашка...

Все это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отпасть.

Как бы холодно это было здесь, в пустыне, на полдороге от смерти, я всё-таки достал из кармана лист бумаги и перочинный нож. Но тут же вспомнил, что учился, что я больше географ, историк, археолог и прагматик, — и сказал мальчику (чужеземско даже веря, что он не умеет рисовать). Он ответил:

— Всё равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умел рисовать: удава снаружи. И очень напрягся, когда малыш воскликнул:

— Нет, нет! Мне ни надо слона и удава! Удав слишком опасный, а слон слишком большой. У меня дома кой очень маленький. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

— Нет, этот барашек уж совсем хилый. Нарисуй другого.

И нарисовал.

Мой новый друг мятко, снисходительно улыбнулся.

— Ты же сам видишь, — сказал он, — это не барашек. Это большой баран. У него рога...

Я опять нарисовал по-другому. Но он и на этот рисунок отказался.

— Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут и потерял терпение — ведь мне надо было поскорее разобрать мотор — и напарничал вот что:

И сказал малышу:

— Вот тебе лшник. А в нём сидит твой барашек.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг прошептал:

— Вот такого мне и надо! Как ты думаешь, много ли он ест травы?

— А что?

— Ведь у меня дома всего очень мало...

— Ему хватит. Я тебе дам совсем маленького барашка.

— Не такой уж он маленький!.. — сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. — Смотрите-ка! Он уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

III

Прежде чем я писал, откуда он является. Маленький принц абсолютное чудо, как ирисовка, но, когда я сидел вдали в пустыне, он казался не существом. Лишь пантомиму, из случайных, мимическим обрывков слов

мне всё оторвалось. Так, когда он впервые увидел мой самолёт (самолёт я рисовать не умею, мне всё равно не справиться), он спросил:

— Что это за штука?

— Это не штука. Это самолёт. Мой самолёт. Он летает.

И я с гордостью объяснил ему, что умею летать. Тогда он воскликнул:

— Как! Ты упал с неба?

— Да, — скромно ответил я.

— Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня залома досада: я люблю, чтобы к моим замечаниям относились серьёзно. Поэтому он прибавил:

— Впрочем, ты тоже жила с неба. А с какой планеты?

«Так вот разгадка его таинственного поведения здесь, в пустыне!» — подумал я и скромно ответил:

— Скажи быль, ты была когда с другой планеты?

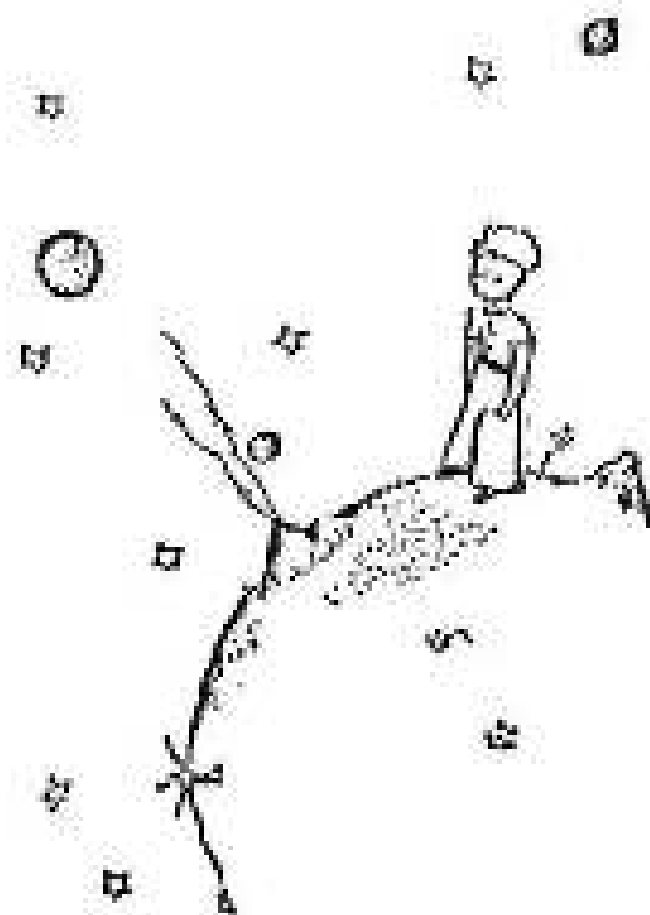
Но он не ответил. Он тихо покачал головой, разглядывая мой самолёт:

— Ну, на таком ты не мог прилететь издалека...

И задумался о чём-то. Потом вынул из кармана моего барашка и погрузился в созерцание этого барашка.

Можете себе представить, как разочаровался мой любознательный от этого полупризнания в «друзьях планет». И я попытался разузнать побольше:

— Откуда же ты пришёл, мальчик? Где твой дом? Куда ты хочешь увести меня бирюшка?

Он разосмел и раздумье, шуткой сказал:

Очень хорошо, что ты дал мне ящера: бирюшек будет там спать по ночам.

— Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе верёвку, чтобы днём его привязывать. И кашанок.

Маленький принц нахмурился:

— Привязывать? Для чего это?

— Но ведь если ты его не привяжешь, он забредёт где-то куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

— Да куда же он пойдёт?

— Мало ли куда? Всё прямо, прямо, куда глаза глядят.

Тогда Маленький принц указал серьёзно:

— Это не страшно, ведь у меня там очень много ящера. — И про бакны не был грустен: — Если идти всё прямо да прямо, далеко не уйдёшь...

VII

На пятой день, сикхотами байбодари барашку, а усталая собака Маленького принца. Он спросил вожатых, без предостережений, почему пришёл к этому выводу после долгих молчаливых раздумий:

- Если барашек ест цветы, он и цветы ест?
- Он ест всё, что попадет.
- Даже такие цветы, у которых шипы?
- Да, и те, у которых шипы.
- Тогда зачем шипы?

Этого я не знал. Я был очень занят: в корзине было один балл, и я старался его отворнуть. Мне было не по себе, потожанье мой стал походить серебряным, волосы почти не осталось, а я начал болеть, что моя избушка совсем плохо выдержит.

- Зачем нужны шипы?

Ах, как какой-нибудь жирный, Маленький принц никогда не ест гуляки, пока не получит ответа. Пешимый балл как-то меня на удивление, и я ответил ему:

— Шипы не за чем не нужны, шипы высушивают и придают жесткость.

- Вот как!

Поступило молчаливо. Потом он сказал почти сердито:

- Не верь и тебе! Цветы слабые. И простодушные. И они стараются защитить себе храбрости. Они думают: если у нас шипы, их же бьют...

15

Я не ответил. В эту минуту я открыл себе: «Если же этот балл и сейчас не падает, а так трудно по этому маленькому, что он разлетится вдребезги». Маленький принц снова перебрал мои мысли:

- А ты думал, что цветы...

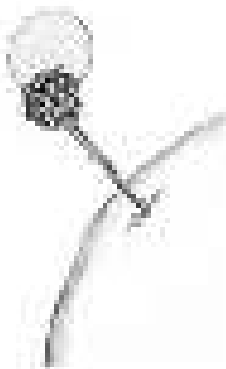
— Да нет же! Почему я не думаю? Я ответил тебе перья, что пришёл к выводу. Ты видишь, я живу серебряным делом.

- Ты посмотрел на меня и изумился.

- Серебряным делом?!

Он всё смотрел на меня: переполненный изумлением маленьким, с маленьким в руках, а маленькая под непонятным предметом, который казался ему таким уродливым.

- Ты сморщился, как хрусталь! — сказал он.

16

Мне стала известно. А он беспощадно прибавил:

— Все ты путаешь... Ничего не понимаешь!

Да, да не вы тутку рассердились. Он тряхнул плечами, и четвёртый раз тряхнул вся вселенная небеса.

— Я знаю одну планету, там живёт такой господин с багровым лицом. Он за всю жизнь ни разу не поливал цветка. Ни разу не поливал ни землю. Он выкопал ямку и не вынул. И выкопал ямку и не вынул. Он знает только деньги: он овладевает цифрой. И с утра до ночи твердит одно: «И человек серьёзный! И человек серьёзный!» — совсем как ты. И сразу раздумывает от радости. А на самом деле он не человек. Он — раб.

Чья?

— Граб!

Маленький принц тоже пообедал от гнева.

Маленький принц у цветка рисует шпатель. И маленький принц баранчикей всё-таки едет цветы. Ты не забывай же эта не серьёзное дело — понять, почему они из всех сил стараются отрастить шпатель, если от шпателя нет никакого толку? Неужели это не важно, что баранчикей и цветы не могут друг с другом? Да разве это не серьёзное а не важное, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если а план единственного в мире шпателя, он рождётся только на моей планете, и дружок такого баранчикей ямку вынул, а маленькая баранчикей кудри в одно прекрасное утро выхватит и съест его и даже не будет знать, что выхватил? И это всё, па-тросому, не важно?

Он смалло покрывает. Потом заговорил:

— Если любимый цветок — единственной, почему бы не вынуть одной из апартаментов маленького лаба. — А если любимый выхватил на небо и чувствует себя цветочком. И говоришь себе: «Где-то там живёт мой цветок...» Но если баранчикей съест его, это всё равно как если бы вы выхватили рабство шпателя! И это, по-вашему, не важно!

Он больше не мог говорить. Его плечи развалились. Шпатель. И бросил работу. Ишо выхватил вынул аполучилый болт в молоток, выхватил и съел. На земле, на планете — на моей планете, но шпатель Земля, — маленький Маленький принц, и вынул было это у шпателя. И вынул его на руки и стал блондин. И говорил ему: «Шпатель, который ты любишь, шпатель не просят... И шпатель шпатель баранчикей шпатель... И выхватил для шпателя вынул шпатель... И...» И не знал, что шпатель ему выхватил. И выхватил себя выхватил выхватил и выхватил. И не знал, как сказать, чтобы он услышал, как услышал его душу, услышал от шпателя... Ведь она такая выхватил выхватил и выхватил выхватил: эта страна шпатель.

VIII

Очень скоро и лучше узнали этот цветок. На планетах Маленького принца цветы были простые, скромные цветы — у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались поутру в траве и под ветер увядали. А этот пророк однажды на зерна, засеянные неизвестно откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не покинул на все остальные ростки и булочки. Вдруг это какая-нибудь новая разновидность бобов? Но кустики быстро перестали танцевать кверху, и на нём появились бутон. Маленький принц никогда ещё не видел таких огромных бутонов и предчувствовал, что уедут люди. А неизвестная тень, ещё скрытая в стержнях своей зелёной комбинезонки, всё готовилась, всё предсказывалась. Она жёстко и подборала краски. Она перемалывалась неторопливо, одна на других примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет нетронутой, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всем блеске своей красоты! Да, это была ужасная кокетка! Таинственные приготовления длились день за днём. И вот наконец однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись.

И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, тихонько:

— Ах, в вазу превращаюсь... Прошу извинить... И ещё совсем расстроена...

Маленький принц не мог сдержать восторга:

Как ты прекрасна!

— Да, правда? — был тихий ответ. — И заметис, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная софья не средняя шибяток скромница, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!

А она вскоре сказала:

— Каким-то мне хочется. Вудом так добра, шибяток-меч иди маб...

Маленький принц очень смущен, рисовалась либка и катил цветом кинической идой.

Скода оказалось, что красавица горла и обидчива, а Маленький принц совсем с нею намучился. У неё были четыре пята, и однажды она сказала ему:

— Пусть проходят тигры, но боюсь я их кошек!

— На моей планете тигры не водятся, — возразил Маленький принц. — И потом, тигры не едят траву.

— Я не трава, — обижено заметил цветок.

— Простите меня...

— Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквошиков. У нас нет ширины?

«Растение, а боится сквошиков... очень странно... — подумал Маленький принц. — Какой трудный характер у этого цветка».

— Когда наступит вечер, накройте зния колпачком. У нас тут один ком холода. Очень неудобная планета. Там, откуда я прибыла...

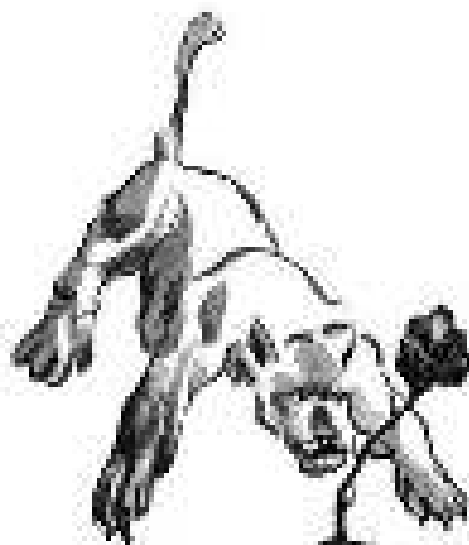
Она не договорила. Ведь её занесло сюда, когда она была ещё зернышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Пусть знают, когда тебя так легко могут удичить! Красавица смущалась, потом качнулась радужной, чтобы Маленький принц почувствовал, как она перед ним виновата:

— Где же ширина?

— Я хотел пойти за ней, но не мог из-за вас не послушать!

Тогда она заманивала сильнее: лунной нью всё-таки послушать советы!

Хотел Маленький принц и полюбить прекраснейшей цветок, и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудилась сомнения. Пустьас

слова не проникал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным.

— Напрасно ж её слушал, — доверчиво сказал он мне однажды. — Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок испустил благоуханием всю мою планету, и я не умел ему ответить. Эти разговоры о костях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я развешивал...

И ещё он признался:

— Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, оварела мою жизнь. Я не должен был вежлив. За этими жалкими хитростями и уловками я должен был угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я ещё не умел любить.

IX

Коме я жаждал, он решил пережить с перелётными птицами. В последнее утро он старательно обмыл и пребрал свою планету. Он заботливо почистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разгривать яйца. Кроме того, у него был один потухший вулкан. Но, сказал он, мало ли что может случиться! Поэтому он проткнет и потухший вулкан тоже. Когда вулканы аккуратно чистят, они горят ровнее и тише, без всяких извержений. Извержение вулкана — всё равно что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа. Конечно, мы, люди на Земле, скупном малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей.

Потом Маленький принц не без грусти шарил последние ростки баобабов. Он думал, что никогда не вернётся. Но в это утро привычная работа доставляла ему необыкновенное удовольствие. А когда он в последний раз полил чудесный цветок и собрался накрыть его колпаком, ему захотелось плакать.

— Прощайте, — сказал он.

Красавица не ответила.

— Прощайте, — повторил Маленький принц.

Она кашлинула. Но не от простуды.

— Я была глухая, — сказала она наконец. — Прости меня. И постарайся быть счастливым.

И на слова упрека Маленький принц был очень удивлен. Он застыл, смущённый и растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

— Да, да, я люблю тебя, — услышал он, — Можешь знать, что ты этого не знала. Да это и не важно. Но ты была такой же смущённой, как и я. Постарайся быть счастливым... Остаток колпак, он мне больше не нужен.

— Но ветер...

— Не так уж и вреден... Начиная сныжить свёрнётся мне на голову. Ведь я — цветок.

— Но вчера, писемная...

— Должны же я стерпеть двух-трёх гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, должно быть, прекрасны. А ты кто же станешь меня павенять? Ты ведь будешь далеко. А бабочки аверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

— Да не тужи же, это невозможно! Решил уйти — так уходи.

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

Развиваемся с прочтением

1. Вы прочитали сказку Сент-Экзюпери «Маленький принц» полностью. О чём идёт речь эта сказка? Кто её герой? Расскажите о каждом из них.
2. Что в этом произведении сказочного и что реального?
3. С чём узнаёт Маленький принц и что вместе с ним?
4. С чём рассказал Лис Маленькому принцу? Как более точно вы назвали бы то, что Лис называл «структурным»?

3. Как вы считаете, та роза, что выросла на площадке Маленького принца, была настоящей или такой же, как те сгнившие другие?
- 4* Как вы понимаете суждения Лиса о том, что «слова только мешают понимать друг друга» и что «каждого своего пассажира не удерживать»?
7. Сопоставьте вы с мнением Лиса о том, что «ты видишь вещи не такими, каковы они на самом деле». Знакомо ли это чувство вам?

Литература и другие виды искусства

1. Расскажите некое явление в «Маленьком принце», считаясь автором. Поняли бы вы сами смысл такой литературно-художественной игры?
2. Если бы вы рассказали Маленькому принцу, чем он стал, если бы от «маленького принца» А. де Сент-Экзюпери? Почему?

Творческое задание

- * Сказка «напоминает взрослому и том, что и они были детьми», что нельзя забывать о детстве, потому что дети «острее чувствуют и иногда глубже, чем взрослые, понимают жизнь. Что же в сказке (слова, поступки героев, взаимоотношения) говорит об этом? Подготовьте устное рассуждение на эту тему.

Проект

Вместе с одноклассниками составьте план-проспект книги «Литературные сказки». (Содержание — список сказок, рассказов и зарубежных сказок, про которые вы читали; название книги, название школы, с указанием имени и фамилии учителя или автора книги.)

В презентации к книге можно использовать значащие отрывки и наиболее интересные выдержки из сказки.

Фоноресепицип

А. де Сент-Экзюпери. «Маленький принц»

1. Почему Маленький принц разговаривал, когда шел и езд, когда был один? Как это напоминает вам чтение и письмо?
2. Почему ты любишь и читаешь и пишешь? Почему так много сочиняешь сказки? Каким образом (создание настроения, характеристика героя, обращение внимания на важные слова)?

ЗАРУБЕЖНАЯ НОВЕЛЛИСТИКА

Некоторое время назад вы познакомились с творчеством писателя О. Генри («Дары, которые мы выбираем»). Теперь вам предлагается прочитать это произведение «Дары волхвов» и подумать над тем, чем они отличаются по своим жанровым особенностям. Какое произведение — «Дары, которые мы выбираем» или «Дары волхвов» — представляет жанр ближе к рассказу, а какое — к новелле? Чтобы ответить на этот вопрос, следует внимательно прочитать статью «Рассказ и новелла» на с. 264 учебника в разделе «Сравнительная миниатюра».

Проверьте себя

Известны ли вам рассказы О. Генри? Какие именно?

Творческое задание

Прочитайте «Дары волхвов» О. Генри в переводе Е. Каташкиной и подумайте, какие чувства произвело это произведение. Подготовьте миниэссе (на тему или по рисунку от лица одного из героев (на выбор)).

Дары волхвов¹

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было всё. Из них шестьдесят центов — монетами по одному центу. За каждую из этих монеток пришлось торговаться с бакалейщиком, мясником, так, что даже уши горели от безмолвного неодобрения, которое вызвала подобная бережливость. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Клиентанное, что тут можно было сделать, это хлопнуть по стариняку кушетку и зирвать. Именно так Делла и поступила. Откуда ни откуда вырывается фальшивый выдох, что жизнь вылетит из сайа, выдохом и улыбок, причём выдох преобладает.

¹ Слово (из латинск. или греческ.) — «дарок, подарочек». В самом начале к дарам. В Библии слово «дарок» встречается в нескольких местах, например в Псалтири: «Будетъ себѣ на помянуице набожныхъ чинити. Неблагое же мубоу, якоже увидѣхъ надъ городомъ Иерусалимомъ: «убоитице гораду Савваю за нѣб, странствуйшии еси: гораду в мѣстѣ, иде горадуи похвалити Христу, еси, еси, еси» (Псалтирь, 124). В Библии слово «дарок» встречается в нескольких местах, например в Псалтири: «Будетъ себѣ на помянуице набожныхъ чинити. Неблагое же мубоу, якоже увидѣхъ надъ городомъ Иерусалимомъ: «убоитице гораду Савваю за нѣб, странствуйшии еси: гораду в мѣстѣ, иде горадуи похвалити Христу, еси, еси, еси» (Псалтирь, 124).

Пока хозяйка дома проходит все эти стадии, отладим самый дом. Меблированная квартирка на восемь долларов в неделю. В обстановке не то чтобы коницидан нищета, но скорее красноречиво молчаливая бедность. Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не пролезло бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которой ни одному квартирному не удалось бы выдать ни звука. К нему присовокупилась карточка с надписью: «М-р Джеймс Диллингхем Кэмп». «Диллингхем» разрезнулось во всю длину к недвижимой периферии близостилинии, когда «владелец указанного имени получил тридцать долларов в неделю. Тещерь, после того как этот доход понизился до двадцати долларов, буквал и едине «Диллингхем» полусожжена, сажая ее на шутку задумавшись и не секретитусь ли им в секретное и несприятельное «Д»? Но когда мистер Джеймс Диллингхем Юнг прихалил домой и поднимался и себя на верхний этаж, это неизменно встречал женщина: «Джэми!» — и нежные объятия миссис Джеймс Диллингхем Юнг, уже представленной вам под именем Делла. А это, право же, очень мило.

Делла кончила плакать и прошла в пуховкой по щекам. Она теперь стояла у окна и уныло глядела на серую ношку, прогуливавшуюся по серому лабору вдоль серого двора. Завтра Рождество, а у неё только один доллар семидесяти семь центов на подарок Джаму! Долгие месяцы она выгадывала буквально каждый цент, и вот всё, чего она достигла. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. С расходами всегда так бывает. Только доллар семидесяти семь центов на подарок Джаму! Всё Джаму! Сколько радостных чижов она провела, придумывая, что бы такое ему подарить к Рождеству. Что-нибудь совсем особенное, редкостное, драгоценное, что-нибудь, хоть чуть-чуть достойное выскочки чиста принадлежать Джаму.

В прелестные между окнами ступали трудно. Вид выходя не прихотделось своротелся и тражал несемидолларовой эблированной квартиры? Очень худой и очень подниженный человек может, наблюдая по следовательную смену отражений в его ушных створках, составить себе довольно точное представление о собственной внешности. Делла, которая была крупного сложения, удалось овладеть этим искусством.

Она вдруг отскочила от окна и бросилась к зеркалу. Глаза её спёрлава, но с лица её двадцать секунд сбегали краски. Быстрым движением она вытаснула шпильки и распутала волосы.

Надо вам сказать, что у четы Джеймс Диллингхем Юнг было два сокровища, составлявших предмет их гордости. Одно — золотые ча-

сы Джима, принципиально не отдал и нишу, другое — волосы Деллы. Если бы царица Сивекан¹ проживала в доме напротив, Делла, вымыв голову, непременно просушивала бы у окна распущенные волосы — специально для того, чтобы заставить померкнуть все карманы и украшения ей видны. Если бы царь Сидимон² служил в том же доме швейцаром и крапал и подпалел все свои богатства, Делла, проходя мимо, всякий раз доставала бы часы из кармана — специально для того, чтобы увидеть, как он рвёт на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, блестя и переливаясь, точно струи фантастического водопада. Они спускались ниже колен и плащом окутывали почти всю её фигуру. Но она тотчас же, перепуганная и торопясь, принялась снова подбирать их. Потом, слыша покачивавшийся, с минуту стояла неподвижно, и две или три еленишки упали на ветхий крапчатый ковёр.

Старенчатый коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову — и, взяв двух зобчакан, сверкнув невысокими блестящими глазами, она уже мчалась вниз, на улицу.

Вывеска, у которой она остановилась, гласила: «M-me Sophie. *Посвящаемые мадам из волос*». Делла вывесила на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух.

— Не купите ли вы мои волосы? — спросила она у мадам.

— И покупаю волосы, — ответил мадам. — Снимите шляпку, надо посмотреть товар.

Снова выскружилась маптиванная водопад.

— Двадцать дилларков, — сказала мадам, прикинув кивачиком на руке густую массу.

— Дешевле скорее, — сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на резиновых крыльях — прорыв прощенья за взятую метафору. Делла рыскала по мавританам в поисках подарка для Джима.

Наконец она нашла. Без сомнения, это было создано для Джима, и только для него. Ничего подобного не нашлось в других магазинах, а уж она всё в них перевернула вверх дном. Это были платиновая цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка, пленившая

¹ Царица Сивекан (X в. до н. э.) — легендарная царица-палачница арабского царства Сабя (Шаб), всё время в Иерусалиме и мадонновскому царю Сидимону отдала в Библею. Царица Сивекан была женой царя, была ассирийской и римской царицей. Она прибыла в Иерусалим, чтобы похоронить в Саванне, а слава и верности которого она была наследницей.

² Царь Сидимон — легендарный правитель объединённого Израильского царства в 965—128 гг. до н. э., в период его правления расцвела.

неунывыми своими качествами, а по показным блескозам, — такими и должны быть все хорошие вещи. Её, пожалуй, даже можно было признать достойной часом. Как только Делла увидела её, она поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как сам Джим. Сирокость и достоинство — эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восемьюдесятью семью центами в кармане. При такой цепочке Джиму в любом обществе не аварно будет повинтересоваться, который час. Как ни великозвонны были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дешёвом кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место предусмотрительности и расчёту. Она достала щипцы для заправки, зажгла газ и принялась исправлять разрушенные, причинённые великодушным и сочувствия с любовью. А это была тяжёлая труд, друзья мои, многодневный труд.

Но прошло в сорока минут, как её газовой конфоркой крутыма маленькими закончиками, которые сделали её удивительно похожей на мадагаскарскую, удранилась с уранов. Она посмотрела на себя в зеркало долгим, внимательным и критическим взглядом.

«Ну, — сказала она себе, — Джим не убьёт меня сразу, как только заболеет, он решил, что я похожа на карьеристку с Коппи-Айленд¹. Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, рал у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!»

В семь часов кофе был сварен, и раскалённая сковорода стояла на газовой плите, дожидаясь бараньих котлеток.

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стола поближе к входной двери. Вскоре она улыбалась его шагу снизу на лестнице и на мгновение побледнела. У неё была привычка обращаться к Богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских вещей, и она торжественно зашептала:

— Господи, сделай так, чтобы я ему не разочаровалась!

Дверь открылась, Джим шагнул и захватил её за плечо. У него было худое, охрипшее лицо. Нынешнее дело в двадцать два года быть обременённым семьёй! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мерзли без перчаток.

¹ Коппи-Айленд — полуостров на южной стороне района Бруклин в Нью-Йорке. Когда-то он был самым богатым местом развлечений в США, сейчас здесь только рынок с оживлённым шумом.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер, учулавший перепела. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрек, ни ужас — ни одного из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на нее, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Делла съскочила со стула и бросилась к нему.

— Джим, милый, — закричала она, — не смотри на меня так! Я страшно испугалась и пришла кх, потому что я не пережила бы, если бы две недели были подарены тебе к Рождеству. Они почти отсутствуют. Ты ведь не сердитшься, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с Рождеством, Джим, и дай мне радиоватты празднику. Если бы ты знал, какой подарок приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

— Ты встригла волосы? — спросил Джим с напряженным, как будто, взглядом на усманивую реакцию мозга, он всё ещё не мог объяснить этот факт.

— Да, встригла и продала, — сказала Делла. — Но ведь ты меня всё равно будешь любить? Я ведь всё та же, хоть и с короткими волосами.

Джим недоумённо оглядел комнату.

— Так, значит, твоих кув уже нет? — спросил он с бессмысленной настойчивостью.

— Не ищи, ты их не найдёшь, — сказала Делла. — Я же тебе говорю и их продала — встригла и продала. Сегодня Сочельник, Джим. Будь со мной поласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать. — предостерегая она, и её нежный голос вдруг зазвучал серьёзно, — но никто, никто не мог бы измерить мою любовь к тебе! Жарить котлеты, Джим?

И Джим вышел из оцепенения. Он заключил свою Деллу в объятия. Будем скромны и на несколько секунд займёмся рассмотрением какого-нибудь постороннего предмета. Что больше — восемь долларов и неделя или миллион в год? Математик или мудрец даёт нам неприказанный совет. Возможны привески драгоценных дур, но среди них не было одного. Впрочем, эти туманные замечки будут развлекательны даже.

Джим достал из кармана пальто спёрток и бросил его на стол.

— Не пайма моя лажно, Делла, — сказал он. — Никакая причёска и стрижка не могут победить мою радиоватты мою девочку.

Но размерна этот свёрток, и тогда ты поймёшь, почему и в первую минуту невозможно отпрямить.

Видные прозрачные пальчики разкули бечёвку и бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же — уааа! — часто по-женски смегавшийся потёком слёз и стонами, так что потребовалось немедленно применить все усвоенные навыки сиделки, имеющиеся в распоряжении хозяйки дома.

Ибо на столе лежали гребни, тот самый набор гребней — один задний и два боковых, — которым Делла давно уже благосовейно любовалась в одной антрипе Бродвея¹. Чудесные гребни, настоящие черепаховые, с плетеными в край блестящими камешками, и как раз под цвет её каштановых волос. Они стояли дорого — Делла знала это, — и сердце её долго запылало и томилось от избыточного желания обладать ими. И вот теперь они принадлежали ей, но нет уже прекрасных кос, которые украсил бы их возделанный блеск.

Всё же она прижала гребни к груди и, когда наконец, пришла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слезы, сказала:

— У меня очень быстро растут волосы, Джими!

Тут она вдруг инстинктивно, как ошпаренный котёнок, и жёвкая кула:

— Ах, Боже мой!

Ведь Джими ещё не видел ей замечательного подарка. Она тисненито протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоцельный металл, казалось, антраг в лучах её бурной и неистинной радости.

— Разве не приятно, Джими? Я весь город обихани, нисуди нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть, который час. Дай-на мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть всё вместе.

Но Джими, вместо того чтобы послушаться, лег на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся.

— Делла, — сказал он, — придётся нам пока спрятать наши подарки, пусть полежат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши. Часы я продал, чтобы купить тебе гребни. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты.

Вообще, те, что принесли дары Младенцу в полях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду давать рождественские подарки. И так как они были мудры, то я да-

¹ Бродвей (Broadway) — самая широкая и длинная улица Нью-Йорка. Её протяжённость составляет более 25 километров.

«Дары и обмен». Художник К. К. Писков

ры уж были мудры, может быть, даже с оговорённым правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказывал вам нечто не примечательную историю про двух глухих детей на восьмидесятидолларовой квартире, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в поздравление мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть полквы.

(Перевод Е. Васильева-Смирной)

?! Проверьте себя

1. С кем это произведение?
2. Можно ли отнести это произведение к жанру рождественских сказочных? Почему?

3. Какое чувство объединяет героев этого произведения? Попробуйте рассказать о происходящем с точки зрения лица его героев, передав не мысли + чувства.

Фантастический

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

О. Генри. «Дары волхва»

1. Какое отношение автора к Делге вынесла показав автор своим читателям?
2. Читая рассказ на картине героя, автор показывает себе лёгкую историю. Делит ли основание для этого заглавий текст? Аргументируйте свой ответ цитатами из текста.
3. Каким вы видите отношения к своему напарнику, когда он читает рассказ о том, какой подарок Делга хотела купить Дженни? Каким чувства Делга раскрываются в этих моментах?
4. Подумайте, как вы можете читать сцену с другими участниками друг друга подарков, потому, что став-се в этой сцене — любовь героев, как это и должно быть в романтическом произведении.

ДЕТЕКТИВНАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Артур Конан ДОЙЛ

1859—1930

Сэр Артур Игнатийус Конан Дойл — шотландский и английский врач и писатель.

Артур Конан Дойл родился в столице Шотландии Эдинбурге. Отец его был художником.

В 1882 году Конан Дойл окончил медицинский факультет Эдинбургского университета и в качестве мордобильного врача сопровождал путешественника в Африку.

Вернувшись на родину, он занялся медицинской практикой и одновременно работал в Лондоне. Защитил диссертацию, стал директором больницы. Но постепенно начал писать рассказы и очерки в местные журналы.

Как-то раз он вспамянул одного чудака, «исюсю» Джозефа Белла, который был преподавателем в Эдинбургском университете и периодически показывал ученикам своей чрезвычайной наблюдательностью и умением понимать «задумки» языка ни говоря, выбираются в самые сложные и запутанные проблемы. Так Джозеф Белл стал вымышленным именем сыщика-детектива Шерлока Холмса, появившаяся в одной из повестей автора. Правда, эта повесть осталась незамеченной, зато следующая — «Знак четырех» (1890) — принесла Конан Дойлу популярность.

В начале 90-х годов XIX века один за другим выходят сборники рассказов А. Конан Дойла: «Приключения Шерлока Холмса», «Воспоминания о Шерлоке Холмсе», «Возвращение Шерлока Холмса». Главными качествами образа Шерлока Холмса стали его интеллектуальность, яркость и духовный богатство, которые придают особый блеск раскрытию запутанных преступлений.

Голубой карбункул¹

На третий день Рэнделлши пришел я в Шерлок Холмсу, чтобы по-срочно поговорить с преддиректором. Он лежал на кушетке в красном плаще; по правую руку от него была подставка для трубок, а по левую — грудя помятых утренних газет, которые он, видимо, только что просматривал. Рядом с кушеткой стоял стул, на его спинке висела сильно поношенная, потерпанная вид фетровая шляпа. Холмс, должно быть, очень внимательно изучал эту шляпу, так как тут же на видные стулья лежали пиджак и лунга.

— Вы заняты? — сказал я. — Я вам не помешал?

— Нисколько, — ответил он. — Я рад, что у меня есть друг, с которым я могу обсудить результаты некоторых моих изысканий. Дельце весьма заурядное, но с этой вещью, — он ткнул большим пальцем в сторону шляпы, — связаны кое-какие любопытные и даже поучительные события.

Я уселся в кресло и стал греть руки у камина, где потрескивал огонь. Был сильный мороз; окна оклеенысь плотными деревянными экранами.

— Хотя эта шляпа кажется очень неказистой, она, должно быть, связана с какой-нибудь кровавой историей, — заметил я. — Конечно, она указывает кланом к раскрытию страшней тайны, и благодаря ей вам удастся изобличить и наказать преступника.

— Нет, — заметил Шерлок Холмс, — тут не преступление, а мешкий, смешной эпизод, который никогда может произойти там, где четыре миллиона человек толкуются на площади в несколько квадратных миль. В таком колоссальном человеческом улье возможны любые комбинации событий и фактов, возникает масса незначительных, но загадочных и страшных происшествий, хотя ничего преступного в них нет. Нам уже приходилось сталкиваться с подобными случаями.

— Еще бы! — воскликнул я. — Но последних шести эпизодов, которыми я поделился с вами, три не содержат ничего беззаконного.

— Совершенно верно. Вы имете в виду мои попытки обнаружить бумаги Ирен Адлер, интересный случай с мисс Мари Саверланд и пражачином человека с расщепленной губой². Не сомневайтесь, что

¹ Голубой карбункул — один из самых дорогих драгоценных камней.

² Ирен Адлер, мисс Мари Саверланд, человек с расщепленной губой — персонажи рассказов Конан Дойла.

и это дело наверняка станет еще nyilvánным. Вы знаете Питерсона, посылкаюга?

— Да.

— Этот трофей принадлежит ему.

— Это его шляпа?

Нет, он нашёл её. Владелец её неизвестен. И прошу вас рассмотреть эту шляпу не как старую рукопись, а как предмет, тающий в себе серьёзную задачу... Однако прежде всего, как эта шляпа попала сюда. Она появилась в первый день Рождества вместе с остальным жареным гусям, который в данный момент наверняка жарится у Питерсона в кухне. Произошло это так. На Рождество, в четыре часа утра, Питерсон, человек, как вы знаете, благообразный и честный, возвращался с парочки друзей по улице Тоттенхем-Корт-роуд. При свете головного фонаря он заметил, что перед ним, слегка пошатываясь, идёт какой-то субъект и несёт на плече бессмысленный гусь. На углу Гудж-стрит к незнакомцу пристали хулиганы. Один из них сбросил с него шляпу, а незнакомец, отбиваясь, размахнулся палкой и попал в кассетную машину, оказавшись у него за спиной. Питерсон кинулся вперёд, чтобы защитить его, но тут, интуитивным умом, что разбила стикану, увидев бегущего к нему человека, бросил гуся, поначалу свесив ноги в воздухе и заблудившись в лабиринте небольших переулков, оказавшись опять же Тоттенхем-Корт-роуд. Питерсон был в форме, и это, возможно, было, больше всего и напугало беглеца. Хулиганья также разбежались, и посланный остался один на один с гусем, оказавшись обладателем этой помятой шляпы и превосходного рождественского гуся...

...какого Питерсон, конечно, направил незнакомцу?

В том-то и загвоздка, дорогой друг. Правда, на картонке, прикреплённой к левой ладке гуся, было написано: «Для миссис Генри Бейкер», а на подкладке шляпы можно разобрать инициалы «Г. В.». Но в Лондоне живёт несколько тысяч Бейкеров и несколько сот Генри Бейкеров, так что тяжело вернуть потерянную ответственность одному из них.

— Что же сделал Питерсон?

— Зная, что миссис занимается даже самым интонным задком, он инкредути принёс мне в гусь и шляпу. Гусь мы придержали вплоть до седьмидесяти утра, когда стало ясно, что, несмотря на мороз, его всё же лучше незамедлительно съесть. Питерсон унёс гуся, и с гусем произошло то, к чему он уполномочен судьбой, а у меня остались только неважкогда, потёртанный свинь рождественский ужин.

— Он не попытался объявиться в тайте?

«Полный кавар-квар», художник С. Пойденко

- Нет.
- Как же вы узнаете, кто он?
- Только путем размышлений.
- Размышлений над этой шляпой?
- Конечно.
- Вы шутите! Что можно извлечь из этого старого рваного фетра?
- Вот дупа. Попробуйте применить мой метод. Что вы можете сказать о человеке, которому принадлежала эта шляпа?

Я взял рваную шляпу и уныло повертел её в руках. Самая обыкновенная чёрная крутая шляпа, жёсткая, скляно шпешенная. Шёлковая подкладка, никогда красная, теперь выцветшая. Фабричную марку мне обнаружить не удалось, но, как и сказал Холмс, внутри обложки обнаружилось инициалы «Г. Б.». На окладах и ливетлах петлялку для придерживавшей шляпу резинки, но самой резинки не оказалось. Но вообще шляпа была матовая, грязная, покрытая пятнами. Впрочем, заметны были попытки замазывать эти пятна чернилами.

— Я конечно и ней не вижу, — сказала я, выкринив шляпу Шерлоку Холмсу.

— Нет, Виталий, видите, но не даёте себе труда поразмыслить над тем, что видите. Вы слишком робки в своих логических выводах.

— Тогда, пожалуйста, скажите, какие же выводы делайте вы?

Холмс взял шляпу в руки и стал пристально разглядывать её при внимательном взгляде, собственным ему одному.

— Конечно, не всё достаточно ясно, — заметил он, — но кое-что можно установить наверняка, и кое-что предположить с разумной долей вероятности. Совершенно очевидно, например, что владелец её — человек большого ума и что три года назад у него были хорошие деньги, а теперь пастала чёрная дыра. Он всегда был предусмотрителен и заботился в завтрашнем дне, но мало-помалу опустошал, благополучно его ушло, и мы вправе предположить, что он превратился к какому-нибудь пороку, — быть может, к пьянству. По видимому, из-за этого и жена его разлюбилась...

— Дорогой Холмс...

— Но в какой-то степени он ещё сохранил своё достоинство, — продолжал Холмс, не обращая внимания на моё восклицание. — Он ведёт сдержанный образ жизни, редко выходит из дому, совершенно не занимается спиртом. Этот человек средних лет, у него седые волосы, он может их помядой и недавно подстрижен. Конечно, я почти уверен, что в доме у него нет живого человека...

— Вы, конечно, шутите, Холмс.

— Никуда. Неужели даже теперь, когда я всё рассказал, вы не понимаете, как я узнал об этом?

— Считайте меня идиотом, но должен признаться, что я не в состоянии уследить за ходом ваших мыслей. Например, откуда вы знаете, что он умён?

Вместо ответа Холмс нахлобучил шляпу себе на голову. Шляпа закрыла его лоб и уперлась в перепонку.

— Видите, какой размер! — сказал он. — Не может же быть совершенно пустым такой большой череп.

— Ну, а откуда вы знаете, что он обеднел?

— Этой шляпе три года. Тогда были модными плоские поля, загнутые по краям. Шляпа лучшего качества. Вгляните-ка на эту шелковую ленту, на прекрасную вышивку. Если три года назад человек был в состоянии купить столь дорогую шляпу и с тех пор не покупал ни одной, значит, дела у него пошатнулись.

— Ну ладно, в этом, пожалуй, вы правы. Но откуда вы могли угадать, что он человек предусмотрительный, и в экстремные времена не роняет душевный упор?

— Гусь-то, гусь, мистер Холмс! — зодыкаюсь, прокричал он.

— Ну? Что с него такое? Ожил он, что ли, и вылезел в кухонное окно? — Холмс повернулся на кушетке, чтобы лучше рассмотреть в возбуждённое лицо Патерсона.

— Посмотрите, сэр! Посмотрите, что жена ваша у него в зубах!

Патерсон притянул руку, и на ладони его мы увидели ярко сверкающей голубой камень чуть поменьше кароттайки. Камень был такой чистой воды, что светился на темной ладони, точно электрическая искра. Холмс присветнул и спустился на кушетку.

— Чистые слани, Патерсон, вы никак не уверены! Наденьте, мы понимаем, что это такое?

— Алмаз, сэр! Драгоценный камень! Он режет стекло, словно масло!

— Не просто драгоценный камень — это тот самый камень, который...

— Неужели голубой карбукул графини Моркар? — воскликнул я.

— Конечно! Указан камень по описаниям, последнее время в каждый день вижу объявления о его продаже в «Тайме». Камень этот единственный в своём роде, и можно только догадываться о его настоящей цене. Награда в тысячу фунтов, которую предлагают нашедшему, едва ли составляет двадцатую долю его стоимости.

— Тысяча фунтов! О, Боже!

Пылающий бухнул в кресло, ихумайнно тарая на нас гланы.

— Награда огромная, но у меня есть основания думать, — сказал Холмс, — что на выкупленном собрании графиня отдаст награду всем своим боютам, только бы вернуть этот камень.

— Если память мне не изменяет, он пропал в гостинице «Космополитен», — заметил я.

— Сокращённо верно, дождитесь вторника децмбра, ринка пять дней назад. В краже этого камня обвинён Джон Харнер, палачик. Улики против него так серьёзны, что дело направлено в суд. Конечно, у меня есть об этом деле газетный отчёт.

Шерлок Холмс долго рылся в газетах, наконец вытащил одну, разглядел её, сложил пополам и прочитал следующее:

КРАЖА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ В ОТЕЛЕ «КОСМОПОЛИТЕН»

Джон Харнер, 28 лет, обвиняется в том, что 22 сего месяца похитил у графини Моркар из южнорусского драгоценный камень, известный под названием «Голубой карбукул». Джеймс Райбер, служивший

отеля, показал, что в день кражи Хорнер пришивал распоротый рукав каменной рубашки и вышивал инициалы Моркер. Некоторое время Райдер находился в комнате с Хорнером, но потом его куда-то вызвали. Возвратившись, он увидел, что Хорнер исчез, бари алмажно и маленький серебряный футляр, и копировал, как выяснилось впоследствии, графика алмаза обманчивые державы драгоценной лалмы, наклеил пружин на украденные стальные. Райдер сейчас же сообщил в полицию, и в жопе же вечер Хорнер был арестован, но камня не нашли ни при нём, ни у него дома. Катрин Ньюсен, германская графиня, показала, что, держащая отчаянный крик Райдера, она обожала в комнату и также увидела пружин футляр. Палицейский инспектор Бродерит из округа «В» сообщил, что Хорнер сначала сопротивлялся при аресте и горько доказывал свою невиновность. Поскольку стало известно, что арестованный и прежде судился за кражу, судья отказался разбирать дело и передал его судь присяжных. Хорнер, всё время высказывавший признанию сильнейшего волнения, спал в обморок и был вынесен из зала суда.

— Гм! Вот и всё, что даёт вам полицейский суд, — задумчиво сказал Хилмс, откладывая газету, — Наши задачи теперь — выловить, таким образом из футлора графини камень попал в туевый зоб. Видите, Батсон, наши скромные размышления оказались не такими уж незначительными. Итак, вот камень. Этот камень был в туе, а туе у министра Генри Вейкера, у того самого обладателя старой шляпы, который и пытался характеризовать, чем и начал на нас выкинуть такую сказку. Что же, теперь мы должны серьёзно заняться розыском на этой драгоценности и установить, какую роль он играл в преступной промышленности. Прежде всего попробуем самым простым способом: напечатать объявление во всех вечерних газетах. Если таким путём не достигнем цели, прибегнем к иным методам.

— Что вы напечтаете и объявите?

— Дайте мне карандаш и ключок бумаги. «На углу Гуде-стрит найдены туе и чёрная фетровая шляпа. Министр Генри Вейкер может получить их сегодня на Вейкер-стрит, 221-б, в 4.30 вечера». Коротко и ясно.

— Весьма. Но заметит ли он объявление?

— Конечно. Он просматривает теперь все газеты: человек он бедный, и рождественский туе для него целое состояние. Он до такой степени был напуган, услышав звук разбитого стекла и увидев бегущего Питерова, что вынул бежать, не думая ни о чём. Но потом он, конечно, пожалел, что испугался и бросил туе. В газете мы упо-

милых и красивых, и любой знакомый обрытут вас и наизусть наизусть публицистично... Так вот, Петерсон, бегите в бюро объявлений, чтобы они поместили эти строки в вечерних газетах.

— В газетах, сэр?

— В «Гаск», «Стар», «Полл Милл», «Сант Джеймс» газетке, «Ивнинг Ньюс стандард», «Эхо» — во всех, книжки придут вам на ум.

— Слушаю, сэр! А как быть с камнем?

— Ах да! Камень я пока оставляю у себя. Благодарю вас. А на обратном пути, Петерсон, купите гуся и принесите его мне. Мы ведь далеки отсюда этому драгоценному гуся назвать того, который в настоящее время угощает вас семья.

Посыльный ушёл, а Холмс взял камень и стал рассматривать его на свет.

— Славный камешек! — сказал он. — Вглянитесь, как он сверкает и искрится. Как и великий драгоценный камень, он притягивает к себе преступников, словно магнит. Вот уж подлинно доушка сатаны. В больших старых камнях каждая грань может рассказать о каком-нибудь крошечном злодеянии. Ятому камню нет ещё и двадцати лет. Вот выжили на берегу реки Азию, в Южном Китае, и замечательно он тем, что имеет все свойства карбункула, кроме одного: он не рубинокристальный, а изумрудный. Несмотря на это изумрудный, в нём уже слышны многие ужасные истории. Из за серых граней кристаллического углерода многих перабил, кто-то обидел серой кислотой, были два убийства и одно самоубийство. Кто бы сказал, что такая классика бездушная ждёт джонни в карману и на камешку! Я хопчу камень в свой непрожеванный шнаф и пашину графиню, что он у нас.

— Как вы считаете, Хорнер не виноват?

— Не знаю.

— А Генри Бейкер виноват в это дело?

— Вернее всего, Генри Бейкер здесь ни при чём. И думаю, ему и в голову не пришло, что, будь этот гусь из чистого золота, он и то стоил бы дешевле. Всё очень скоро выяснится, если Генри Бейкер откликнется на наше объявление.

— А до тех пор вы ничего не хотите предпринять?

— Целого.

— В таком случае и навестю своих пациентов, а вечером снова придду сюда. Я хочу знать, чем окончится это запутанное дело.

— Буду рад вас видеть. Я обедаю в семь. Кажется, к обеду будет куринетка. Кемпа, в связи с недавними событиями не попросите ли миссис Хадсон пиджачком осмотреть её зуб?

И позавтракав, направились, и было уже довольно полночь седьмого, когда я снова попал на Веймер-стрит. Подошёл к дому Холмса, и увидел, что в ярком полукруге света, падавшем из окна над дверью, стоит высокий мужчина в шотландской шапочке и в пальто застёгнутом до подбородка спортуке. Как раз в тот момент, когда я подошёл, дверь открыла, и мы одновременно вошли к Шерлоку Холмсу.

— Если не ошибаюсь, мистер Генри Бейкер? — сказал Холмс, поднимаясь с кресла и встречая посетителя с тем непринуждённым радушием видом, который он так умело выпускал на волю. — Пожалуйста, пройдите поближе к огню, мистер Бейкер. Вечер сегодня холодный, а мне кажется, что вы переохладитесь лучше, чем лиму... Вотсон, вы пришли как раз вовремя... Это ваша шляпа, мистер Бейкер?

— Да, сэр, эти, непременно, моя шляпа.

Бейкер был крупный, сутулый человек с большой головой, с широким умным лицом и остроколючей капитанской бородкой. Красноватые нитки на носу и щеках и лёгкая дрожь на протянутой руке подтверждали догадку Холмса о его шаллопности. На нём был порывчатый спортук, застёгнутый на все пуговицы, а на талии попястьях, торчавшая из рукавов, не были видны манжеты. Он говорил тихо и отрывисто, старательно подбирая слова, и производил впечатление человека интеллигентного, но сильно пожилого мужчины.

— У нас уже несколько дней крадутся ваша шляпа и ваш гусь, — сказал Холмс. — Мы ждали, что вы дадите в газете объявление о пропаже. Не понимаю, почему вы этого не сделали.

Наш посетитель смущённо усмехнулся.

— У меня не так много шаллопов, как бывало когда-то, — сказал он. — Я был уверен, что купцами, как-нибудь вы меня, унесли с собой в шляпу, и шляпу, и не хотел тратить деньги по-другому.

— Вообще естественно. Между прочим, вам ведь пришлось съезжать вонючей гусь.

— Съезжать? — Наш посетитель в калитку поднялся со стула.

— Да ведь вы всё равно испаргались бы, — продолжал Холмс. — Ни я позволяю, что кон-та шляпа на буфете, как-нибудь съезжая и так же вниз, как-нибудь вам кончить гусь.

О, конечно, конечно! — ответил мистер Бейкер, обильно покашляв.

— Правда, у нас от вашей шляпы остался перья, ланка и всё, так что, если захотите...

Бейкер от души расхохотался.

— Разве только вы помните о моём приключении, — сказал он. — Прямо, по звонку, вы что мне можете предложить *disjuncta membra* моего покойному знакомца? Нет, сэр, с вашим разрешением я лучше ограничусь тем превосходным гусем, которого я вижу на буфете.

Шарлок Холмс многозначительно посмотрел на меня и чуть локот не показал плечами.

— Итак, вот ваша шляпа и ваш гусь, — сказал он. — Кстати, не скажете ли мне, где вы достали того гуся? И кое-что смыслею в прище и, признаться, редко виделась столь откормленный экземпляр.

— Охотно, сэр, — сказал Бейкер, петля и сузуй под мышку своего нового гуся. — Наша небольшая компания посещает трактир «Альфа», близ Британского музея, мы, понимаете ли, проводим в музее целый день. А в этом году хозяин трактира Уиндгейт, отличный человек, основал «гусиный клуб». Каждый из нас выплачивает по несколько пенсов в неделю и к Рождеству получает гуся. И целиком выдалит свою долю, ну и отвякнет нам канительно. Восьми «блантам» вам, сэр, — ведь неудобно западному человеку в моём возрасте носить шотландскую шапочку.

Он закончил с ним с комически торжественным видом и ушёл.

— С Гарри Бейкером шломенно, — сказал Холмс, закрывая за ним дверь. — Совершенно очевидно, что он понятия не имеет о драгоценном камне. Вы очень хороша, Ватсон?

— Не особенно.

— Тогда я предлагаю превратить обед в ужин и немедленно отправиться по горячим следам.

— Я готов.

Был морозный вечер, и нам пришлось надеть пальто и обмотать себе шеи шарфом. Звёзды холодно сияли на безоблачном, ясном небе, и пар от дыхания промокших был похож на дымки от пушечных выстрелов. Чётко и гудко раздавались по улицам наши шаги. Мы шли по Уинвол-стрит, Харли-стрит, через Уитмор-стрит, вышли на Оксфорд-стрит и через четверть часа были в Блумсбери, возле трактира «Альфа», скромного заведения на углу одной из улиц, ведущих к Колледжу. Холмс вошёл в бар и заказал две кружки пива краснощёкому трактирщику в белом переднике.

— У вас, видь познать, превосходное пиво, видно оно не хуже ни шил гусей, — сказал Холмс.

— Мох гусей? — Трактирщик, казалось, был изумлён.

¹ *Disjuncta membra*.

— Да. Полчаса назад и беседовал с мистером Генри Бейкером, членом комиссии государственной службы.

— А, поговаривают. На заднице ли, сэр, туе-то ведь не жон.

— В самом деле? А чья же?

— И купил две дюжины туеёй у одного торговца в Ковет-Гарден.

— Да ну? Я знаю, как кто и на что. У кого же вы купили?

— Тот зовет Брекквирдж.

Нет, Брекквирджа я не знаю. Ну, по пяти яловонья, хозяин, и за процеталие вашего паредепия! Доброй ночи!

— А теперь к мистеру Брекквирджу, — сказал Холмс, выходя на морю и засвѣивая пальцы. — Не забудьте, Ватсон, что на одном конце нашей цепи всего только бесобидный туе, зато к другому ее концу привязан человек, которому грозит не меньше семи лет каторги, если мы не докажем его невиновность. Каким-то, впрочем, что наши расследованья обнаружат, что виноват именно он, то, во всяком случае, в наших руках нить, ускользнувшая от полиции и случайно попавшая к нам. Дойдем же до конца этой нити, как бы петался этот конец ни был. Итак, поворот на лѣ, и идите марш!

Мы торговцам Коветбери, пошли по Адольф-стрит к морю искать на кружебах лавки на Ковет-расширѣй рынках. На одной из самых больших лавок было вывешено: «Брекквирдж». Хозяин лавки, человек с западнойским лицом и хитрым же брекквирджом, шелухой знаменку выкрутить ставая.

— Небратѣ вечер! Каким морозом, а? — сказал Холмс.

Торговец кивнул головой, бросил вопрошательный взгляд на моего друга.

— Туе, шари, распроданы? — спросил Холмс, указывая на пустой мраморный прилавок.

— Завтра утром можете купить хоть пятьсот штук.

— Завтра вы не выйдете ни к кому.

— Вот в той лавке, где горит свет, кое-что осталось.

— Да? Не меша отправиле к вам.

— Кто же?

— Хозяин «Алифа».

А! И сегодня ему две дюжины.

— Откуда вы их достали?

К моему удивленью, торговец этот прикѣй шариком к башенке.

— А ну-ка, мистер, — сказал он, поднимая голову и уперая руку в бока, — к чему вы ходите? Говорите прямо.

— И говорю достаточно прямо. Мне хотелось бы знать, кто продавал вам туе туеёй, которых вы доставили к «Алифу».

— Вот и не скажу.

— Не сможете — и не надо. Велика важность! Чего вы княжитесь из-за таких пустяков?

— Какое дело? Небось, на мойя зелья и вы княжитесь бы, если бы к вам так приставали! Я иламу хорошему делу за хорошой товар, и, казалось бы, дело с концом. Так ведь «где гусей?», «у кого вы купили гусей?», «кому вы продали гусей?». Можете подумать, что на этих гусях свет клином сошёлся, казди выслушивает, какой расказ вы подпали шура!

— Какое мне дело до других, которые пухтят к вам с расстроями! — выкрикнула княжна Халма. Ни хвалити гварювати не буду. Ша я пашкисаю талк в птице и держал пари на пять фунтов стерлингов, что гусь, которого я ел, выкормлен в городе.

— Вот и пропали ваши фунты! Гусь-то городской! — выпалил торговец.

— Быть не может.

— А я гварю, городской!

— Ни за что не поверю!

— Уж не думаете ли вы, что смыслите в этом деле большие зения? Я ведь этим делом занимаюсь чуть не с пелёнок. Гварю вам, все гуси, продавшие в «Альфу», выкормлены в городе.

— И не пытайтесь меня убедать в этом.

— Хотите пари?

— Это значило бы попросту казать у вас деньги. Я уверен, что прав. Но у меня при себе есть шперен, и я готов поставить ему, что бы проучить вас за упрямство.

Торговец ухмыльнулся.

— Принесе ка мне книги, Вилла, — сказал он.

Мальчишка привёс две книги: одну тоненькую, а другую большую, вельветную, и положил их на прилавок под лантой.

Ну-с, мистер Сприндж, сказал торговец, я считал, что сегодня распродал всех гусей, но, ей-ей, Бог знает ко мне в ланку ещё одного. Видите эту шваху?

— Ну и что же?

— Это список тех, у кого я покупал товар. Видите? Вот здесь, на этой странице, имена деревенских поставщиков, а цифра после каждой фамилии обозначает страницу в просбухе, где ведётся их счёт. А эту страницу, написанную красивыми чернилами, видите? Это список моих городских поставщиков. Рассмотрите ка на третьей фамилии. Прочтите её вслух.

— «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, 117, страница 249»; — прочёл Холмс.

— Совершенно правильно. Теперь откройте 249-ю страницу в гротескуе.

Холмс откинул угловатую страничку: «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, 117 — пострашная дичь и жидь».

— А что гласит последняя запись?

— «Декабрь, двадцать второго. Двадцать четыре гуся по семь шиллингов шесть пенсов».

— Правильно. Запомните это. А внизу?

— «Проданы мистеру Эпидигейту. „Альфа“, по двенадцать шиллингов».

— Ну, что вы теперь скажете?

Первое Холмс, как обычно, был глубоко озабочен. Вынув сигарету из кармана, он бросил её на прилавок, повернулся и кинул взгляд с расстрелянным видом. Однако, пройдя несколько шагов, он остановился под фонарём и рассматривал скучающего человека — высокого и беззащитного — сзади.

— Если у человека также бакенбарды и такой крапчатый платок в кармане, у него можно выудить всё что угодно, предложив ему пир. — сказал он. — Я утверждаю, что и за два фунта мне не удалось бы получить у него такие подробные сведения, какие я получил, поблизившись с ним об заклад. Итак, Ватсон, мне кажется, что мы почти у цели. Впоследствии, что нам следует решить, — пойдём ли мы к этой миссис Окшотт сейчас или отложим наше посещение до утра. Но если того грубияна дело, что этим делом интересуются ещё кто-то и т. . .

Громкий шум, дошедший внезапно из лавки, которую мы только что покинули, не дал Холмсу договорить. Обернувшись, мы увидели в жёлтом свете качающейся лампы какого-то немолодого, краповидного человека. Брекнеридж, стоя в дверях лавки, просто потрясал перед ним кулаками.

— Хватит с меня и вас и ваших гусей! — крик Брекнеридж. — Проклятый вы как к лавкату! Если вы ещё раз сунетесь ко мне с дурацкими расспросами, я спущу цепную собаку. Приведите сюда миссис Окшотт, ей я отечу. А кто-то тут при чём? Ваших, что ли, я купил гусей!

— Нет, но всё же один из них мой, — захныкал человек.

— Ну и спрашивайте его тогда у миссис Окшотт!

— Она мне велела унять у вас.

— Спрашивайте хоть у прусского короля! С меня хватит! Убирайтесь отсюда! — Он яростно брызгал искрами, и наконец-то выскочил из комнаты.

— Ага, нам, кажется, не придется идти на Бранкстон-роуд, — прошептал Холмс. — Придем несколько, не пригласится ли нам этот субъект.

Пребываясь между двухвалей ратабасов, бродящих вокруг бесцветных ларьков, мой друг быстро нагнал человечка и положил ему руку на плечо. Тот шаркнуто обернулся, и при свете газового фанари я увидел, как скатан он выскочил.

Кто вы такой? Что вам надо? — спросил он дрожащим голосом.

— Извините меня, — мягко сказал Холмс, — но я случайно узнал, что вы выскочили у этого термина. Я думаю, что могу быть вам полезен.

— Вы? Кто вы такой? Откуда вы знаете, что мне нужно?

— Меня зовут Шерлок Холмс. Моя профессия — знать то, чего не знают другие.

О так, что мне нужно, вы можете не можете знать.

— Простите, да я знаю вас. Вы пытаетесь установить, куда пошла твоя, предположительно миссис Окенгет в Бранкстон-роуд, кирковцу Врежнердеку, который, в свою очередь, пришел из мистера Уиндгейта, владельцу «Альфы», а тот перешел «транспорту клубу», членом которого является Гарри Бейкер.

— Сэр, вы-то мне и нужны! — воскричал человек, промывая дрожавшие руки. Я пришел не могу разобраться, как всё это связано друг с другом!

Шерлок Холмс остановил паникующего выскочку.

— В таком случае лучше рихтоваться к учительской комнате, посетит, на восточной рыночной площади, — сказал он. — Но прежде чем отправиться в путь, скажите, пожалуйста, кому я смогу удовлетворенно оказывать посильную помощь?

Человечек зациклился на мгновение.

Меня зовут Джон Райнсон, — сказал он, отводя глаза.

— Нет, мне нужно известное имя, — лисово сказал Холмс. — Гораздо удобнее звать дело и человеком, который действует под своим настоящим именем.

Вспомнив имя незнакомца, всогорчился румянцем.

— В таком случае, — сказал он, — мое имя — Джеймс Райдер.

— Так и я думаю. Вы служите в отделе «Космический». Скажите, пожалуйста, в «А», и миссис я расскажу вам всё, что вы сможете узнать.

Маленький человечек не двигаясь с места. Он смотрел то на Холмса, то на меня с надеждой и испугом: он не знал, ждёт ли его беда или удача. Наконец он сел в экипаж, и через полчаса мы были в гостиной на Бейкер-стрит.

Дорогой никто не произнёс ни слова. Но спутник наш так уныленно дышал, так крепко сжимал и разжимал ладони, что было ясно, в каком нервом возбуждении он пребывает.

— Ну, вот мы и дома! — весело сказал Холмс. — Что может быть лучше плавящего камня в такую погоду! Вы, кажется, ослэбли, мистер Райдер. Сидите, пожалуйста, в удобные кресла. Я только надену домашние туфли, и вы сейчас же займётесь своим делом. Ну вот, готово! Так вы хотите знать, что стало с тем гусем?

— Да, сэр.

— Пожалуйста, вырвите в том месте? Мне кажется, вы первоначально думали один на них — белый, с чёрной полосой по хвосту...

Райдер взвизгнул от удивления.

— О, сэр! — воскричал он. — Вы можете сказать, где находился этот гусь?

— Он был здесь.

— Здесь?

— Да, я оказался пробылловленным гусем. Неудивительно, что вы заинтересовались им. После своей кончины он свёс пятку — прекрасное, сверкающее голубое перо. Оно здесь, в моей коллекции.

Наш посетитель, шатаясь, поднялся с места и правой рукой ухватившись за каминную полку. Холмс открыл встроенный шкаф и вынул оттуда голубой карбункул, сверкавший, словно звезда, холодным, ярким, первобытным блеском. Райдер стоял с ошарашенным лицом, не зная, потребовать ли камень себе или отказаться от него.

— Игра проиграна, Райдер, — спокойно сказал Шерлок Холмс. — Держитесь крепче на ногах, вы так уплёдите к стене. Помните ему сестра, Ватсон. Он ещё не умеет ходить кровью машинистом. Дайте ему восток брэдда. Так! Теперь он хоть немного похож на человека. Ну и зашла я личность!

Райдер едва держался на ногах, но видки выжили у него на щеках слабой румянец, и он сел, неулыбно глядя на своего обличителя.

— Я знаю почти всё, у меня в руках почти все улики, и вы не много сможете добавить. И всё-таки рассказывайте, чтобы в деле не осталась ни малейшей пелености. Откуда вы узнали, Райдер, о голубом карбункуле графиня Моркар?

Мне сказали о нём Карен Кэссик, — ответил тот дражандина голландом.

— Знаю, горничная её сиротельства. И некушенине легко завладеть богатством оказалось сильнее нас, как это неаднакратно бывало и с более достойными людьми. И вы не совсемне выдобрали средства для достижения своей цели. Мне кажется, Райдер, на вас получился порочный негодяй! Вы знали, что этот павлишек Хорнер был уже уличён в воровстве и что подозрения раньше всего падут на него. Что же вы сделали? Вы сломали прут каминной решетки в комнате графини — вы и ваша сообщница Кэссик — и устроили так, что вместо Хорнера послали сделать ремонт. Когда Хорнер ушёл, вы взяли камень из футляра, пощипали тривогу, и бедняга был арестован. После этого...

Тут Райдер навмашею схватил за конёр к обниму руками обхватил каминя носом друти.

— Ради бога, скажились виде мной! — закричал он. — Подумайте о мойя отце, о мойя матери. Это убьёт их! Я никогда не воровал, никогда! Это не повторится, скажуся вам! Я поделануся вам на Библию! О, не дадите жето дела за суда! Ради Христа, не дадите дела за суда!

Ступайте на место, — сурово сказал Холмс. — Сейчас вы готовы ползать на коленях. А что вы думали, когда отправляли беднягу Хорнера на скамью подсудимых на преступление, в котором он не повинен?

— Я могу скрыться, мистер Холмс! Я уеду на Аппиа, сор! Тогда обвинение против него отпадет...

— Гм, мы ещё постолюем об этом. А пока послушаем, что же действительно случилось после воровства. Каким образом камень попал в гула и как этот гуль попал на рынок? Говорите правду, ибо для вас правая — единственная путь к спасению.

Райдер повёл языком по перекошшим губам.

— Я расскажу жето правду, — сказал он. — Когда преставили Хорнера, я решил, что мне лучше унести камень на случай, если полиця придёт к гулоку обыскать меня и мою коннату. В постенале не было подходящего места, чтобы спрятать камень. Я вышел, будто бы на служебному делу, и отправился к своей матери. Она идушила за нами Оксфорд, живёт на Брикетно-роуд и занимается тем, что откармливает домашнюю птицу для рынка. Каждый встречный казался мне патронеком или сыпиком, и, несмотря на холодный ветер, пот градом струился у меня по лбу. Сестра спросила, почему я так

блудни, не случилось ли что». Я сказал, что меня выжили из кражи драгоценности и вышел изде. Потом я пронёс на задний двор, проверил трюм и стал раздумывать, что бы предпринять.

Весь у меня припекал от имени Мидела, который сбился с пути и только что отбыл срок наказания в Центральном тюрьме. Мы общались с ним, разговаривали, и он рассказывал мне, как зорко обывают краденое. Я понимал, что он меня не выдаст, так как я сам знал за ним кое-какие грехи, и потому решил идти прямо к нему в Килберн и поспатить его в свою тайну. Он научил бы меня, как превратить этот камень в деньги. Но как добраться туда? Я вспомнил о тех терзавших, которые пережил по пути из гостиницы. Как-нибудь минуту меня могли схватить, обыскать и найти камень в моём жилетном кармане. Я стоял, прильнув к стене, рассеянно глядя на гусей, которые, переваливаясь, бродили у моих ног, и внезапно мне пришла в голову мысль, как обмануть самого ловкого сыщика в мире...

Несколько недель назад сестра обещала, что к Рождеству и новому году от неё отбирнейшего гуся к подарку, а она слово держит. И я решил взять гуся сейчас же и в нём принести камень. Во дворе был какой-то парняк, к которому за него оромяно, очень хорошился гусь, белоснежный, с полноватым хвостом. Потом тайно его раскрыв ему камин и как можно глубже засунул камень ему в пасть. Гусь глотнул, и я ощутил рукою, как камень прошёл в лоб. Но гусь бился и хлопал крыльями, и сестра вышла узнать, в чём дело. Я спрятался, чтобы ответить, а неподвижный гусь вырвался у меня из рук и смешался со стадом.

«Что ты делал с птицей, Джеймс?» — спросила сестра.

«Да вот ты обещала подарить мне гуся к Рождеству. И я попробовал, ну вот из них похитил».

«О, мы уже отобрали для тебя гуся, — сказала она, — мы так и называли его: „Гусь Джеймса“. Вот тот, большой, белый. Гусей всего двадцать шесть, из них один тебе, а две дюжины на продажу».

«Спасибо, Мэгги, — сказал я, — Но если тебе всё равно, дай мне того, которого я поймал».

«Твой тоже мне по крайней мере фунта на три, и мы специально откармливали его».

«Ничего, мне хочется именно этого, и бы сейчас и взял его с собой».

«Твой дядя, — сказала сестра обижённо, — Какую же ты хочешь взять?»

«Вот того белого, в черной полосой на хвосте... Вот он, в середине стада».

«Пожалуйста, режь его и бери!»

И так и шло, мистер Халмс, и пошел птицу в Килберн. И разрешил своему приятелю обкинуть — он из тех, с которыми можно поговорить без опасения. Он хотел до упору, потом мы взяли нож и разрежали гуся. У меня остановилось сердце, когда я увидел, что пронзили ужасная птичка в явном виде. Я бросил гуся, пустился бежать к сестре. Вышел на задний двор — гусей там не было.

«Где гуси, Мэри?» — крикнул я.

«Отряхни твои штаны».

«Какому тортика?»

«Брекинрадду по Косепт-Гарден».

«А был среди них один с полосатым хвостом — такой же, какого я видел?» — спросил я.

«Да, Джеймс, ведь было два гуся с полосатыми хвостами, и точно путала их».

Тут, конечно, я понял все и со всех ног двинулся к этому самому Брекинрадду. Но он уже распредил гусей и не хотел сказать кому. Вы слышали сами, как он со мной разговаривал. Сестра думает, что я сошел с ума. Порой мне самому кажется, что я сумасшедший. И вот... теперь я презренный вор, хотя даже не прикоснулся к богатству, ради которого погибал себя. Боже, помоги мне! Боже, помоги! — Он закрыл лицо руками и судорожно зарыдал.

Помня заслуженную долю мальчишек, лишь слышны были тяжелые шаги Райдера, да мой друг верно шелухивал шельмами по следу. Барук Шерлок Холмс кинул и распахнул настежь дверь.

— Убивайтесь! — проговорил он.

— Что? Сэр, да башкалывают же небеса!

— Ни слова! Убивайтесь отсюда!

Постараться не пришлось. Но двинувшись изредкитали стрелять, слышны шаги, кинул хлопнула дверь, и в квартиру двинулся быстрый человек.

— В комнате констан, Ватсон, — сказал Халмс, протягивая руку к трубчатой трубке, — я работаю отсюда не затем, чтобы переправить промахи нашей полиции. Если бы Хершперу грозила опасность, тогда другое дело. Но Райдер не станет показывать против него, и обвинение рухнет. Возможно, и укрупню мошенника, но зато слышу его душу. С этим молодцом ничего подобного не поворится, — он слишком папугал. Укажите его сейчас в тюрьму, и он не развлекется с ней всю жизнь. Кроме того, нынче праздники, надо прощать грехи. Слу-

чай угощали нас по странной и забавной загадке, и решить её — была по себе награда. Если вы будете любознательны и наблюдательны, мы немедленно займемся новым «исследованием», в котором опять-таки фигурирует птица: ведь к обеду у нас куропатка.

Работаем с прочитанным

1. Что рассказали шлоки и солоки Хулине? И чем так заняла внимательный детективный метод Шерлока Холмса?
2. В какой эпизод рассказе традиционному дар птицы, а в чём Шерлок Холмс ушёл от неё — интуитивно?
3. В чём Шерлок Холмс видит цель и смыслы работы частного детектива?

Творческое задание

Попробуйте с одноклассниками организовать игру в «детективный метод Шерлока Холмса». Один из вариантов этой игры мамы Софи таким образом, участник игры приносит вещь, принадлежащую неизвестному лицу, другие старются по особенностям вещи охарактеризовать её владельца. Изложите сценарий игры в виде тетради.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ

Японские трёхстишия (хокку, хайку)

Японской лирической стихотворение хокку (хайку) отличается предельной краткостью и своеобразной поэтикой.

Народ любит и счастливо создаёт короткие песни — сжатый поэтический формулы, где нет ни одного лишнего слова. Из народо-ой поэзии эти песни приводят к литературной, подражают роживаются к ней и дают начало новым поэтическим формам. Такая стихи можно считать, быстро, под влиянием непосредственного чувства. Можно эстетически, сжато выразить свои мысли так, чтобы они захватывались и переходили из уст в уста. Эти стихи можно использовать для похвалы или, наоборот, язвительной насмешки.

Интересно отметить, что сближения к лирическому, любве и малым формам вообще присущи японскому национальному искусству... Хокку — лирический стихотворение о природе. В нём изображены жизнь природы и жизнь человека в их тесном, неразрывном единстве на фоне круговорота времени года. В каждом стихе хокку должно быть определённое количество слов: пять в первом, семь во втором и пять в третьем — всего семнадцать слов, но это правило не всегда соблюдается.

Ударения в хокку роли не играют... Грфы, нет, но звуковая и ритмическая организация трёхстишия — предмет большой заботы японских поэтов. Критиком ридент хокку с народными песенцами. Некоторые трёхстишия плавали каждая в народной речи на правах пословиц, как, например, стихотворение поэта Басё:

Слово скажу —
Лодка летит гребет.
Осенний вихрь!

Как поэтница мне слышат, что каторожность иногда заставляет прощоматать. Но чаще всего хокку резко отличается от прощоматать по своим жанровым признакам. Это не выходящее изречение, короткая притча или меткая острота, а поэтическая картина, набросанная одним-двумя штрихами. Задача поэта — захватить читателя лирическим колдовством, разбудить его воображение, а для этого не обязательно рисовать картину во всех её деталях.

Сборник хокку нельзя пробежать глазами, листая страницу за страницей. Если читатель будет привыкшим к традиционным жанрам, он не воспримет их улыбок, поэтического ему поэзии...

Когда поэт Йосаэ анализирует эти две картины, ну, он ушко, он грудно по-
нять, что там скрывается — всё же на вещи у обыкновенного человека...

Вот выплыла луна,
И каждый маленький кустик
На праздник притаялся, —

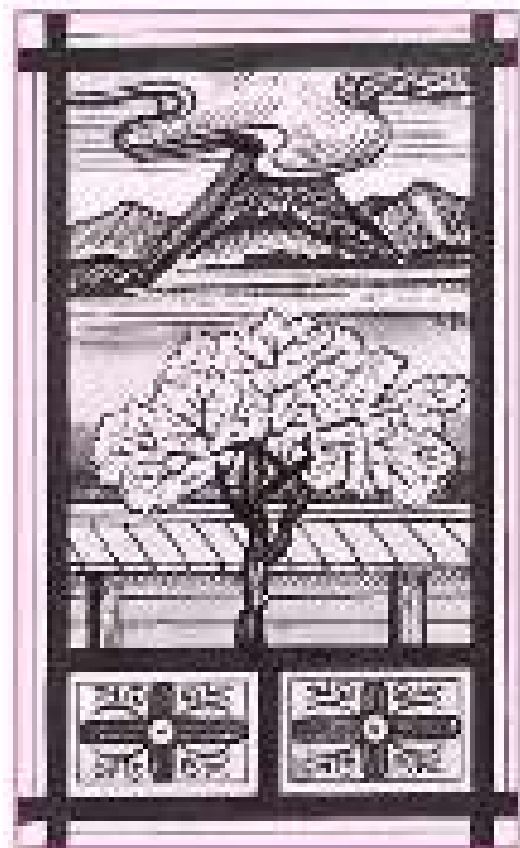
говорит Йосаэ, и мы узнаём в этих словах мечту о равенстве людей.

Коллегу среди нас, коллегу живописца. Он — нередко писался на сюжеты картин и, к тому же, сам же, как художник, писал: они пре-
вращались в композицию картины в виде каллиграфически выполненной
надписи на ней. Такова, например, трёхстишие Бао:

Цветы сурепки вокруг.
На западе гаснет солнце.
Луна на востоке встает.

Поэт предлагает по-новому взглянуть на ту картину, которую каждый
видел, может быть, десятки раз...

Часто Бао создаёт не зрительные, а звуковые образы. Вой ветра,
стрекот шквала, крики фазана, пенье соловья и жаворонка, голос кукуш-
ки — каждый звук наполнен глубоким смыслом, рождает сверхъестественные на-

стройнил и чувства. В лесу звучит целый оркестр. Жаворонок ведёт мелодию фанья, рыбка треплет фанья — удивный мизурюман:

Жаворонок поёт.
Звонким ударом по нащё
Вторит ему фазан.

В книге хабранных хокку — вся природа Японии, неканонный уклад её жизни, обман и возмездие, труд и праздники японского народа с их самыми характерными, живыми подробностями. Вот почему хокку любят, знают, изучают и осмысливают до сих пор.

Переводчик стремится сохранить лаконизм хокку и в то же время сделать их понятными. Надо, однако, помнить, что японское трёхстишие обязательно требует от читателя работы воображения, участия в творческом труде поэта. В этом главная особенность хокку. Все растолковывать до конца — значит не только погрешить против японской поэзии, но и лишить читателя большей радости самому вырастить цвет из зерна зерна, щедро рассыпанных японскими поэтами.

В. Марлица

Прочитайте хокку двух японских поэтов, постарайтесь понять их смысл и красоту...

Мацуо Басё

1644—1694

Выдающийся национальный поэт Японии Мацуо Басё родился в 1644 году. Его стихи и ныне, по прошествии тайх веков, знают наизусть каждый культурный японец. Поэт вдался в жизнь эмигрантскую правду, поэтически обржал. Его жизнь полна глубочайшего единения, тем разрываят перед нами его душанный мир, чувства и переживания. Твором холму Басё влюблены в природу родной страны. Он хорошо знал жизнь простых людей Японии. Судьба самого поэта складывалась своеобразно. Сын учителя каллиграфии, с детства был товарищем над княжеского сына, большим любителем поэзии, Басё рано начал писать стихи. После смерти своего последнего учителя к горю, принял постриг, но настоящим монахом не стал, жил в маленьком павильоне. Поэзия его не складывалась пропитана, но высшее призвание всей его жизни. Она отличалась возвышенным строем чувств и жанровой правдой.

Праздник Нового года!
Но печален я, восточная
Далгий вечер осенний.

О прощай, прощай!
Стая торкратия мою,
Скитаний мысли!

Протакина в снегу.
А в тай — восточная
Спарки отоблек.

Все волнения, всю печаль
Твоего смитенного сердца
Гибкой лже отдай!

Воскресное утро.
Над каждым холмом близким
Прекращен дымки.

(Перевод В. Маркова)

Кобаяси Исса

1753—1827

Кобаяси Исса родился в горной деревне в семье крестьянина. Мать его умерла, когда он был ребёнком, поэтому обращаясь с ним жестоко, поэтому он ни наградой ни за ряды ушёл ни куда, делая трудные дела с нуждой. Только на склоне лет Исса получил наследство, но и свою жизнь в достатке, много страдал, оставил богатое поэтическое наследие: более 4000 танка-хаку, дзайки, шуточные стихи.

В стране моей родной
Цветёт вишневым цветом
И на полях трава!

Чужда меж нами нет!
Мы все друг другу братья
Под вишнями в цвету.

Вот выплыла луна,
И самый маленький кусочек
На празднике пританцовал.

По дороге не спорьтесь,
Помогайте друг другу, как братья,
Перелётные птицы!

Стали звёзды светить,
Смешались радости
Даже лица звёзд.

* * *

Ах, не тучи тучи!
Там светлая земля
Вчера нежной порой.

* * *

Вера, в прошлой жизни
Ты светлой лаской была,
Грустная кукушка?

* * *

Наша жизнь росы,
Пусть лишь капелька росы
Наша жизнь — и всё же.
(Перевод П. Мухомов)

Размышляем о прочитанном

Вы познакомились с хокку. Выберите и прочтите одну наиболее понравившуюся, прокомментируйте, как вы ее понимаете.

Творческое задание

1. Рассмотрите внимательно иллюстрацию декоративных панно, размещенную в учебнике. Попробуйте написать хокку, нарисовав рисунок японской панорамы.
2. Попробуйте изобразить хокку своим цветом, используя же ручку шариковой или гелевой ручки, а также фломастеры с друзьями.

Фактоскретинг

СЛУШАЕМ АКТИВНОЕ ЧТЕНИЕ

Японские трёхстишия (хокку). Мацуо Басё, Кобаяси Исса

Актеры читают стихи, стремясь выразить глубокую мысль, особые эмоциональные оттенки и чувства в. Постарайтесь внимательно прослушать поэтические выступления Владимира Зиничева, Евгения Яблова и народного артиста России Алексея Писаревского, попробуйте определить, что показало актерам талант в каждом из стихотворений.

ПОРАБОТАЙТЕ САМОСТОЯТЕЛЬНО

ВТОРОЙБЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Дайте определение термину «заглавие» и приведите примеры известных вам баллад, написанных русскими и зарубежными авторами.
2. Прочитайте символическую балладу стихотворной в прозе И. С. Тургенева, расскажите, как вы его понимаете. Как вы считаете, почему это поэтическое произведение автор назвал стихотворением?
3. Подготовьте устный отзыв на любой самостоятельно прочитанный рассказ.
4. Какие произведения классической литературы запомнились содержанием, трогательным духом в этом году, повлияли на вас интеллектуально, эмоционально, нравственно? Какие из них вы перечитали повторно? Почему?
5. Назовите имя какого художника вас особенно давно привлекало? Вспомните его вам иллюстрации этого художника в самостоятельно прочитанных книгах? С какими художниками-портретистами и пейзажистами-пейзажистами вы познакомились в этом году? Что прочитали о них? Какие фильмы, спектакли, музыкальные произведения помогли вам лучше понять художника?
6. Словарь (адаптированный словарь литературоведческих терминов, с приложением материалов по теории литературы) помещен в конце учебника для 7 класса. Удобно ли это? Помогали ли вам эти справочные материалы, словарь? Когда? В чём? Что из словаря вы уже использовали, дополнили и уточнили, изменили?
- 7★ К. Г. Паустовский писал: «Писателем может быть только тот, у кого есть что сказать людям — о добре, о злом, о прекрасном и о прекрасном, о том, что есть, о том, что должно быть, о том, что остальные не замечают» («Золотая рыбка»).
Можете ли вы назвать отрывок пролога, который вас особенно, вы считаете, что раньше не замечали, хотя, может быть, и наблюдали в окружающей действительности?
8. «...Я убедился в том, что глаз ее для писателя — это с наибольшей полнотой и щедростью выразить себя в любой вещи, даже в таком маленьком рассказе, и тем самым выразить себя всему и своей стране», — пишет К. Г. Паустовский в «Золотой рыбки». Можете ли вы привести пример этого на прочитанных в 7 классе произведениях?
9. Почему ли вы лучше поняли и восприняли материалы раздела «Библотека» и «Материалы» о писателе? Помогает какого писателя вы интересовались им? Расскажите об одном из писателей (на выбор).

ПРЕДСТАВЬТЕ ДИКТОМ

После завершения курса литературы в 7 классе предложите чтение по-мим: познакомьтесь с другими произведениями, принадлежавшими перу великого поэта. Вспомните слова А. С. Пушкина:

Укрывшись в кабинет,
Один я на скамье
И «записки» свой читал
С автором забытым...

Быллин. Сборники: «Быллин. Русские народные сказки», «Беллины», «Живая вода», «Поклонщи русского народа» и др.

Сборник «Древнерусские повести». Д. С. Пидный. «Знаки родной Сихотлинщины» М. Дименисова, Г. Державинн. Книга Б. Шергина «Сказки о Ломоносове», «Русские поэты (антология)» и др.

А. Пушкин. Поэмы «Полтава», «Медный всадник», повести «Арап Петра Великого». Подумайте, каким предстаёт Пётр в этих произведениях. Ищите много книг о Пушкине для учащихся и детей. Помните также о некоторых из них: Ю. Тининков, «Пушкин», М. Шелеста, «Мой Пушкин», с книгами М. Баженой, С. Гейнцел и др. (на выбор).

М. Лермонтов. Поэмы и стихотворения, «Беллец», «Мцырн». О каком герое рассказывает нам автор? Прочитайте рассказы И. Андроникова о Лермонтове.

Н. Гоголь. Сборник «Миргород». Вспомните содержание «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Н. Некрасов. «Орина — мать солдатская», «Русские женщины», «Мороз — Красный нос», «Саша», «Дедушка».

М. Салтыков-Щедрин. Сказки. Подготовьте одну из сказок для конкурса на лучший пересказ сатирической сказки.

Л. Толстой. «Детство», «Юность». Подготовьте рассказ о главном герое Николашке на основе прочитанного, пользуясь планом.

И. Бунин. Рассказы. Стихотворения. Познакомьтесь с повестью А. Бибарко «А. А. Бунин» (материалы для биографии).

А. Чехов. Рассказ «Тоска» и др. (на выбор). Какие герои чеховских рассказов вызвали у вас сочувствие, сострадание? Познакомьтесь с воспоминаниями К. Чуковского об А. Чехове.

М. Горький. «В людях». Воспоминания о М. Горьком, его письма.

В. Маяковский. Стихотворения Маяковского в книги о нём. Подготовьте выставку книг и рисунков поэта.

Читайте стихотворения, рассказы, повести писателей XX века. Подготовьте отзыв на одно из произведений Л. Андреева, А. Платонова, Ф. Абрамова, Е. Носова, Ю. Казакова и др. (на выбор).

Джек Лондон в «Мексиканце». Джек Лондон в книге «Я много земли знаю»: «Язу выте прейны писателей, знающих ихместность... Они стали мастерами, и в их произведениях можно найти секрет их мастерства... И работайте. Запишите золотыми буквами — РАБОТАТЬ, РАБОТАТЬ всё время. Старайтесь познать тайны земли: еётениной, материи и духа, мерцающей к этой материи, во всёи — от ничтожной личинки до блаженства».

Какие рижимышвы-е вышывы у вас или изны писателя?

Эдвар По. Рассказы и повести (на выбор).

Дэвидс: Эдвардс. «Ахуше» влекше (продолжаше повесть «Кладовый дайна»).

Рэй Брэдбери. «Ветер», «Вам: бабушких поше», «Пришло время дождей», «Ахуше», «Космонаше», «И гранул гаше», «Машина времени», «Здравствуй и прощай» (на выбор). Подумай и, какими отношения взрослых и детей в рассказах Р. Брэдбери, Л. Толстого, И. Бунина, А. Платонова и в вашей семье. В чём сходство и различия?

В. Желзничков. «Чудак из б. б.», «Каждый мечтает о собаке», «Хороши людям — доброе утро», В. Каверин. «Два капитана», Л. Кассиль. «Великое противостояние», А. Мешновский. «Не опоздай к приливу», Э. Цюрупя. «Увидел ли ты итате?», Дж. Селлинджер. «Человек, который смеялся», П. Смирнов-Сокольский. «Рассказы в книжке», К. Чуковский. «Птицы и книги», В. Парудоминский. «Половина жизни моей».

И. Смольников. «Середина столетия», сборник «Они питали мою музу».

«Русская литература XIX века», «Русские писатели XX века» (биографическая справка).

Судящая: много книг-мемуарных, серии книг ЖЗЛ. «Литература и русской литературе» и т. д. Не забывайте о них, читайте, например, «А. С. Пушкин в многоопытных современников», то же о М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, М. Горького, М. Е. Салтыкова-Щедрина и пр. В. Парудоминский о В. Дале, Ю. В. Лебедев об И. С. Тургеневе, К. Петрыч о М. Е. Салтыкове-Щедринове.

Энциклопедия «Лермонтовская энциклопедия», А. С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь. Под ред. В. И. Корвина; Лев Николаевич Толстой. Энциклопедия. Сост. П. И. Бурлакова; А. П. Чехов. Энциклопедия. Сост. В. Б. Катков.

Знакомство с такими книгами поможет составить более полное представление о личности писателей, их жизни и творчестве.

НА ПУТИ К ВЫРАЗИТЕЛЬНОМУ ЧТЕНИЮ

Выразительное чтение, и тем более художественное профессиональное чтение, помогает лучше понять произведение, но, для того чтобы выразительно, правильно прочитать текст, нужны знания и умения.

Прислушаемся к высказываниям читателей, актёров, чтецов...

Как развитие литературы имеет свою историю, традиции и коэны, так и такое художественное слово прошло длительный путь, прежде чем обрести статус самостоятельного искусства.

В начале и в радости наш народ, обращаясь к выразительному русскому слову, находил в нём необходимые планы, образцы и уверенность в своих силах... Сколько веющих обветренных восходов древнего Русь, испавшая богатейшему удаче русского народа!

Насколько важно на развитие искусства художественного слова имели выступления авторов с чтением своих произведений. Авторское чтение становится особенно популярным с начала девятнадцатого столетия.

Мы знаем, по свидетельству современников, о чтении своих произведений поэтом допетровской поры. Оно... отличалось предельной раскрепощённостью и скадированной. Пушкин в досок читали выявлял провиде всего мысль, являющуюся основой произведения. «...» Он первый начал просто, понятно читать, и потому его чтение неизменно производило глубокое впечатление на слушателей.

А Пушкин. «Какое действие произвело на всех нас это чтение, — передать невозможно. Мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихах Ломоносова, Державина, Сумарокова, которых мы все знали наизусть... — пишет один из очевидцев М. П. Погодин, — вместо вычуждённого языка богов мы услышали простую, ясную, обыкновенную и вместе с тем величавую, величавую речь. Первые мысленно мысленно мысленно мысленно, как, лучше сказать, в каком-то неограниченном. Но чем дальше, тем ещё более усиливалось. Сидя логикатора с Григорием нас окружающим... А когда Пушкин дошёл до разговора Пимана о пьяном Киреевском монахе при Иванном Грозном, и начал не только «Да ни о чём Господь покой его душе, страдающей в бурной», — мы все как будто обезглавлялись, кого бросало в жар, кого в холод. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Кто вдруг вскочил с места, кто закричал. То молчанье, то взрыв восклицаний, тагритер при стихах Сахарова «Тень Грозного меня усыновила»».

И. Тоголя. Рассуждал о глубинных чтенных и внешне приветствуя начало литературных вечеров, Тоголя подчеркивает: «Прочтешь как следует произведение лирическое — вовсе не бездельничать для этого нужно долго его изучать; нужно разделить с поэтом вконец всю думу, наполнявшее его душу; — бужет и думает и ощущает погрузившись вконец слово это — и тогда уже выступать на публичном чтении».

«Читал Тоголя превосходно, — вспоминает И. С. Тургенев, — Гоголь... — словом — мини-роман-эпический и сдержанный, но манера какой-то чуждой и в то же время никакой искренности, которой словно и не знает — есть ли тут кощунство и что они думают».

Эффект выходил необычайный — особенно в климатских, командистических мыслях, ни было комичности ни смеха — думали, держали слово; а выходясь всей этой потехи продолжал, но смущаясь общей всерьезностью и как бы внутренне думая о, всё более и более погружаться в самое дело — и лишь изредка на губах и около глаз чуть заметно трепетала лукавая усмешка мастера».

И. Горький. Прекрасным исполнителем своих произведений был Алексей Максимович Горький. «...» В. К. Камалов в «Воспоминаниях и портретах» записывает: «Наступил день, навсегда и в подробностях врезавшийся в память. Горький читает всей труппе Художественного театра „На дне“. Читает прекрасно. Жизнью встает, сразу запоминаются действующие лица. «...» Какая правдивость внутренних характеристик, какое разоблачение и близкое характерное для каждого лица интонация!»

Б. Маяковский. Владимир Маяковский проложил широкую дорогу искусству звучащего слова. «...» Читал он замечательно прежде всего потому, что умел придумать нечто вроде интонации интонации — в слове идея, мысль. «...» «Его интонация была буквально речем по всему адресу, — вспоминали свидетели его выступлений. — Это была не декламация, с которой мы знакомы в Европе, это был карьер артиста, пунктик, шло и, выходя, просто чужеземской души. Слушатели, привыкшие к обычной силе голоса, который говорил, обращаясь к ним, и голос которого казался кинематографу, были совершенно потрясены...»

Свои произведения Маяковский читал на редкость ясно, величественно, считая ритмическую особенность слова с его смысловой основой.

Ис. Аносов
«Искусство художественного слова»

Авторы книг и статей по художественному чтению подчеркивают необходимые условия для настоящего чтения. Назовем некоторые из них:

- уяснить авторский замысел;
- определить подтекст (не увидит ли вы в тексте скрытую автором иронию, улыбку, осуждение, осмеяние и пр.);
- правильно найти интонацию, ритм;
- определять место психологически пауз;
- не допускать «оформленного начала», «недоговоренного» конца, вялости или небрежности слова;
- следить за внятностью и логикой речи и т. д.

«Думаю, что одним из основных условий, столь необходимых для успеха рассказчика, является любовь к литературе. Для меня литература — это искусство выразившего выражения человеческого гения, — пишет Д. Журавлев. — Любовь к литературе у меня началась со страстного, юнг-плашкишва о уеленении черкеш. Мне хотелось обрести как к чинковому токаря для укеленными искусством художественного слова, с дружеским советом. Редко читать работу над каким-нибудь произведением Пушкина или Гоголя, Чехова или Шопкина и Твардовского, — будь то крупное или крупное произведение, отдельный рассказ или стихи, — так можно любить и шире изучайте творчества этих авторов, стараясь ощутить не только авторскую индивидуальность каждого писателя, его творческий голос».

Учимся читать выразительно

1. Во прочтении вы не, выслушайте, как читают и с читают писатели, какими интонациями читают... Что же такое бы вы узнали при индивидуальном чтении: какими интонациями и какими-то интонациями и какими интонациями?
2. Подготовьте на основе прочитанного выразительно: интонация ритм — ... пауза — ... интонация — ... диния — ..., пауза — ... и пр.

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА РОССИИ

А. С. Пушкин

Московская квартира А. С. Пушкина на Арбате

Москва, ул. Арбат, дом 53

23 января 1831 года А. С. Пушкин приезжает в Москву и снимает в центре, на Арбате, квартиру на пяти комнат. Преемде, приехав в Москву, пока останавливался у друзей или в гостиницах. Но теперь, наконец гвардии, он решил обосноваться и в своей столице. Сохранился документ, подтверждающий этот факт: «...я, Пушкин, собственнй г-на Хитрово дом... каменный двухэтажный

Московская квартира А. С. Пушкина на Арбате

с антресолями и к одному принадлежащим людским службам...» В этот дом накануне свадьбы, 17 февраля, Пушкин пригласил друзей на мальчишник — прощание с холостой жизнью. Были гости П. А. Вяземский, Ф. А. Бартольдский, Н. М. Янкович, Д. В. Давыдов, брат Пушкина Лев Сергеевич. В кабинетской квартире молодые принимали гостей в день свадьбы.

В доме на Арбате пока читал друзьям рукописные произведения. Поэт описал дома музыкальные сцены из жизни семьи «Близко Онегина», «Помести покойного Ивана Петровича Белкина», стихотворения, споры о написанном и задуманном.

Сейчас в этом доме мемориальный отдел Государственного музея А. С. Пушкина «Квартира А. С. Пушкина на Арбате». На первом этаже здания в залов музейной экспозиции, где представлены книги, журналы, газеты 30-х годов XIX века, портреты и рукописи известных литераторов, живших или часто бывавших в Москве в те годы. Второй этаж — пушкинские комнаты, в которых воссоздан интерьер начала 30-х годов XIX века, — мемориальная часть музея.

Сайт музея: <http://arbat.mpu.ru/>

Дом станционного смотрителя, деревня Выра Гатчинский район Ленинградской области

В пушкинские времена через деревню Выра проходил тракт, связывавший Петербург с южными губерниями России. Выра была третьей станцией после столицы, где проезжающие отдыхали и меняли лошадей. Многократно раз пять проезжал через Выру, останавливаясь на почтовой станции, — здесь пролегла его дорога к конулу сынаку, через Выру он ездил в Михайловское, со этой же дороге было решено отправиться ему в последний путь из Петербурга в Святогорский монастырь.

Специалисты предположили, что прототипом пушкинского Самсона Вырина стал Теофиль Саловский, служивший станционным смотрителем в Выре в 1823—1835 годах.

В 1972 году в Выре был открыт музей «Дом станционного смотрителя», первый в нашей стране музей литературного героя. В экспозиции музея воссоздана очистая половина для господ путешественников, в простом углу — стол смотрителя. На столе рядом со старинным подсвечником и лусинным пером когтя подорожной, в которой сообщается, что коллежский секретарь Александр Пушкин отправлен по надобностям службы в главное полкенично конюхо края Гатчини генадаль-лейтенанту Михаилу..., документ, которым пост был направлен в южную ссылку. Одно из поме-

Дом станционного смотрителя, деревня Вара
Гатчинского района Ленинградской области

щенный музей — комната Дуни, типичная для того времени светёлка: сундук для приданого, предметы девичьего рукоделия, интерьер начала XIX века. Знавательная часть музейного комплекса занимает экспозиция «Русская почта XIX века».

А. К. Толстой

Село Красный Рог

Почетский район Брянской области

Поэт, драматург, прозаик Алексей Константинович Толстой родился в Петербурге в 1817 году. Но вскоре после его рождения мать Анна Алексеевна Толстая увезла сына в имение своего брата Алексея Александровича Поровского (известного современникам еще как гвардейский Антоний Погорельский). Именно Красный Рог Алексей Толстой считал своей истинной родиной, так он вспоминал усадьбу дяди и реку Рожок, протекающую неподалёку:

Бор сосновый в стране одинокой стоит,
В нём ручай меж деревьев бежит и журчит.
В акциак: теп ручей, в пейзаже ту страну
Я акциак в том лесу вспоминаю с любовью.

Музей А. К. Толстого

Село Красный Рог Почетского района Брянской области

Об отношении писателя к Красному Погу свидетельствует тот факт, что первую свою опубликованную повесть он подписал псевдонимом *Краснопогольский*. Уйдя в отставку с государственной службы, А. К. Толстой поселился в княжии Красный Пог, который принадлежал ему в наследство: стал строить дачи, посвящая своё время и силы литературному творчеству. Здесь был написан знаменитый роман «Князь Серебряный», стиховедения, вошедшие в золотой фонд русской поэзии, многие из которых были положены на музыку и стали популярными романсами.

Центральное здание усадьбы — главный дом был построен предком поэта, графом К. Г. Разумовским по проекту прославленного архитектора Б. Растрелли. Но в 1942 году, во время фашистской оккупации, здание сгорело. В начале 90-х годов проведён важная работа восстановления, а на его месте в нём расположенная шикарная литературно-мемориальная музeya Алексея Константиновича Толстого. Рядом с основным зданием находится скверик, в котором жила и работала поэтесса в 50—70-е годы XIX века. В наши дни здесь расположена мемориальная часть музея.

Сайт музея: <http://dachaib.ru/12021>

Л. Н. Толстой

Музей-усадьба Л. Н. Толстого в Хамовниках

Москва, ул. Лёт Толстого, дом 21

Дом-музей был открыт в 1921 году. В этом доме Л. Н. Толстой жил с 1882 по 1901 год. В доме сохранились подлинная обстановка интерьеров 1890-х годов. В кабинете писателя художники К. Н. Ге и И. Ф. Репин писали с него портреты. Главная комната в доме — кабинет писателя — угловая, маленькая, с низким потолком. Пол затянут перым солдатским сукном, прикрушенным лентой. Мебель оббита кожей, стены выкраски сделаны, что обивка является кожаной. Между окнами и дверью — квадратный письменный стол с бархатным покрытием.

Из этих произведений, созданных писателем в Москве, шестьдесят напечатано в этом доме. Здесь бывали Горький и Чехов, Короленко и Островский. Широкий круг знакомых, друзей собрался в большой гостиной на втором этаже, там мы видим шахматы (Толстой любил играть в шахматы). В углу диван, на котором играли Рубинштейн, Рахманинов, Римский-Корсаков. Сайт музея: <http://gobol.ru/13005>

Музей Л. Н. Толстого в Хамовниках

А. П. Чехов

Дом-музей А. П. Чехова

Москва, Садово-Кудринская ул., дом 6

В этом доме писатель жил с 1886 по 1890 год. Дом этот он называл «домом королевы», так как два тонких эркера и высокий шатровый крыша делали его похожим на старинный замок. Он писал: «Жил в Кудринском доме Корнеева, похожем на замок. Цвет дома либеральный, т. е. красный». На двери табличка: «Доктор А. П. Чехов».

Здесь мы увидим фотографии школы, построенной на средства Чехова в Мелхове, фотографии писателя с артистами Художественного театра. В этом доме А. П. Чехов написал сто рассказов, повесть «Степь», пьесу «Иванов», комедии «Медведь», «Свадьба». В это году вышел сборник «В сумерках», за который он был удостоен Пушкинской премии Академии наук.

Наибольший интерес представляют международные выставки первого звена (Фабинет, спички писателя, комедия его младшего брата Михаила, саргены Левитана, игрушки его сестры Марии и брата Михаила). В этом доме у него сложилось решение жить на Садовом. Репурикатом поездки стали книги «Остров Сахалино».

Сайт музея: <http://dachaif.ru/17626>

Дом-музей А. П. Чехова в Москве

М. Горький

Музей-квартира М. Горького

Москва, ул. Малая Никитская, дом 6/2

Музей был открыт в 1965 году. Здесь Горький с семьёй жил в 1931—1935 годах.

В эти годы писатель трудился над 4-томной энциклопедией Клима Самгина. Он говорил: «...пишу не-то „прощальное“, некий роман про иду сорока лет русской жизни... Горького, ибо — здоровая трагедия...».

В эти же время он писал пьесы «Ева Бушман» и другие, «Душманов» и другие, а также зарисовки «Воссы Железновой» и др.

В музее сохранилась неповторимая обстановка прихожей, кабинетской, лестничного холла, спальни, столовой, библиотека, а главное — кабинет писателя. Фонды музея насчитывают около 2 тысяч единиц хранения и около 10 тысяч книг.

В экспозиции музея наиболее интересен кабинет писателя. Там находится большой письменный стол, на нём чернильница, очки в роговой оправе, нож с пилочкой, ножницы и т. д. В кабинете, в застеклённых шкафах над камином хранится очень ценное собрание миниатюрной японской скульптуры. Примечательны картины, находившиеся в доме, но самый большой интерес представляет библиотека, которая вмещала около 10 тысяч томов. Сайт музея: <http://dofoto.ru/13006>

Музей-квартира М. Горького в Москве

В. В. Маяковский

Государственный музей В. В. Маяковского
 Москва, Лубянский пр., дом 3/6, стр. 4

Музей В. В. Маяковского открыт в 1974 году. Он является крупнейшим коллекционером наследия поэта. В его фонде насчитывается более 40 тысяч экземпляров. В этом доме, а именно в квартире-студии, Маяковский жил и работал на протяжении 11 лет — с 1919 по 1930 год. Здесь происходили с ним поэты Н. Асая, Л. Пастернак, кинорежиссёр С. Эйзенштейн и другие деятели культуры. В музее хранятся материалы «20 лет забытого», рассказывая поэтам в 1930 году. В этом доме трагически оборвалась жизнь В. Маяковского.

Сайт музея: <http://domaivp.ru/1202/>

Музей В. В. Маяковского в Москве

Справочные материалы по теории литературы

Роды литературы

Эпос	Лирика	Драма
Эпические произведения	Лирические произведения	Драматические произведения

В пределах каждого рода выделяется множество видов, которые называются жанрами.

В эпосе — эпосы, былина, сказка, роман, повесть, поэма, рыцарская повесть, баллада.

В драматическом роде — трагедия, комедия, драма.

В лирике — стихотворения, романсы, послания, гимны.

Кроме того, в литературе немало произведений лирико-эпических жанров, которые сочетают в себе черты лирики (посредственное выражение чувств, переживания, мысли автора) и эпоса (факты повествовательного сюжета). Таковы некоторые поэмы, баллады, роман в стихах.

Баллада

Баллада возникла в немецкой поэзии в Средние века первоначально во Франции и была характерной песней (слово «баллада» — латинское происходит от *ballat* — танец).

В Германии былинды также были типичной характерной песней, но затем приняла народно-эпическую форму. Её сюжет составляли сказания, легенды или античные мифы.

В Англии в основу баллад легли фантастические, легендарно-исторические или бытовые сюжеты. Такими былинды и формировались народное героическое Робин Гуда, в подангах рыцарей, в величавых и возмущённых людях, о любви и смерти, о мести.

В России народная баллада — это лирические песни на исторические или бытовые сюжеты («Шальная стрелочка», «Сестра и братья разбойники», «Конь и сокола», «Короб»). Из народной поэзии баллада перешла в литературу. Создателем самостоятельного литературного жанра баллады в русской поэзии был В. А. Жуковский. Им написано около сотни баллад. Среди них оригинальные («Светлана», «Двенадцать спящих дев», «Золотая арфа») и переводные («Идальга», «Лесной царь», «Кубок», «Суд Божий над епископом» и др.). После Жуковского баллада прочно вошла в русскую литературу. Несколько баллад написано А. С. Пушкиным («Песня о вешнем слезе», «Женихе», «Утопленник», «Гусар»), М. Ю. Лермонтовым

(«Три пальца», «Воздушный корабль», «Пленный рыцарь», «Морская царица» и др.). В дальнейшем мы встретим балладу у А. Фета, А. К. Толстого и многих других русских поэтов XIX века.

Жанр баллады заметно обогатили русские поэты XIX века: С. Есенин, Э. Бурицкий, И. Утман, Н. Рыленков, Р. Рождественский.

В жанре баллады преобладают злобой парные или близкие к ним трагичным, скорым сюжетом. Герои в балладе вступают в конфликт (сloth, противостояние, столкновение) друг с другом, с силой судьбы, т. е. князьями, неволевыми или силами.

Тема образа, сюжет в балладе может быть и антигероическим, и историческим, и фантастическим. Баллада нередко содержит моральный урок и имеет глубокую философскую мысль. Например, в балладе Пушкина «Палач и женой Оплеух» столкновение князя и крестьянина символизирует конфликт между земным князьем и идеальными принципами.

Проверьте себя

1. Расскажите о балладе, ее жанровых особенностях, героях. Чем отличается жанр от эпоса? Подготовьте развернутый ответ на этот вопрос, приводя примеры из баллад русских авторов.
2. Какие баллады вы читали самостоятельно?

Рассказ и новелла

Как известно, произведения художественной литературы подразделяются на три рода: эпос, лирика, драма. В эпосе реализуются большие формы (эпос, роман), средние (повесть) и малые (рассказ, новелла, очерк). Они обычно называются жанрами. Все словари определяют рассказ как малую эпическую жанровую форму повествовательного прозаического характера (стихотворные рассказы редки и малочисленны). Слово «рассказ» имеет широкое (словесное малое количество каких-либо событий) и узкое (литературный жанр) значения. В узком смысле слова рассказ — это устная традиция (рассказывать, сказ, сказание, сказка) и фольклорное происхождение.

Так как рассказ — небольшое прозаическое произведение, то в нем мало действующих лиц, которые обычно сосредоточены вокруг одного события и главного лица. Остальные персонажи отходят от центрального героя, характеризуют его обычно, с разных сторон. Точно так же ограничено изображение явлений жизни, в центре которых, как правило, один случай. Так, в рассказе А. П. Чехова «Мамелонг» городской Очумелов выслушивает, кому принадлежит кусочек собаки — купцу Пигину или генера-

лу Жигалову, а в рассказе «Смерть чиновника» все действие держится на неосторожном чихании в театре мелкого чиновника, кобрыгазшегого чиновника значительно выше его рангом. В первом рассказе событие состоит в том, каков характер Олукалова и всего общества (толпы), во втором, — в духовном нищетолюбстве Червякова.

Итак, рассказ требует установки на малый объём, на небольшое число действующих лиц, на короткое время действия, на одно разрешение конфликта, на передачу события. Но это не значит, что рассказ не может изображать жизнь в её широте и глубине. Напротив, содержание рассказа очень часто амплирует коренные человеческие проблемы. Например, в ранних рассказах Чехова речь идёт о духовном падении жёны общества, в котором укоренились лень, чинопочитание, страх перед сильными мира сего. В рассказах часто обыгрываются на тонких смысловых каноничных заплатах того или иного строя, но не вечных законов жизни.

Малый объём и огромные задачи, которые писатель ставит в рассказе, обусловили краткость, фарму, которая становится непременным условием и достоянием рассказа. Владения краткостью как одного из главных признаков рассказа, этот жанр не нуждается в развёрнутой изложенной истории персонажей. Действие обычно происходит в строго определённое время и в одном месте. Следовательно, автор рассказа должен целесообразно композиционно распределить материал. На помощь ему приходит искусство детали, которая может передать весь характер героя без излишних подробностей.

Рассказы могут быть самого разного типа — описательно-изобразительные, пейзажно-лирические, но всегда конфликтные.

Рассказ — особый жанр, в котором повествование ведёт один человек — рассказчик. Им может быть автор, герой или неопределённое и даже неизвестное лицо. Как они-они в научной литературе, повесть выходящая от лица рассказчика имеет тенденцию к эпистолярности, к стихийному развёртыванию сюжета. Так, в рассказе, вошедшем в «Записки охотника» И. С. Тургенева, автор выступает как охотник-любитель и даже участник событий. Надо только учесть, что он идёт в охотку, т. е. писатель отделяет себя от персонажа и от его острого крестьянина, давая как бы «капитуляцию», объективную позицию.

То же тяготение к спонтанному по видимости сюжету наблюдается и в переводе на русский язык такого остроумного повествования, как «Фораги», которые мы найдем у Ф. Гюгю. Его начало, например, совсем не предвещает последующих бурных событий.

В «Письме перед Рождеством» И. В. Гоголя рассказчиком является помещик Рудый Панько, речь которого отличается от речи автора: в «Му-

му» И. С. Тургенева — необъявленный рассказчик, пользующийся правильным литературным языком тогда и там, в момент и, следовательно, адаптируемый по своему образованию и положению к авторам; в «Лешее» Н. С. Лескоза — тоже известный рассказчик, но особый: он воспроизводит устную речь не очень образованных, но очень пережитых людей народа и тем самым стремится убедить читателей в том, что в его рассказе говорит сам народ, который знает всю правду о событиях и героях; в «Лешее» М. М. Зощенко — рассказчиком является малообразованный человек, употребляющий просторечные слова и выражения «толпы», далёкие от норм литературного языка. То есть к рассказам приспосабливаются специфические формы повествования, которые создают иллюзию устного рассказа, мимикру ту или иную устную речь, стилизуя её, и передают с помощью письменной речи.

Выдумывая рассказчика как носителя речи, писатель не устранился от собственного присутствия в рассказе. Например, изображая тематическую сближенную, происходящую к «Муну», автор приходит к сути жанра эссеистики. И. С. Тургенев считал, что критическим тонком в России обладали одной особенностью, напоминавшей трагический аспект на всю историю страны. В России укрепилась мысль, причём в самых крепостных, и народа, что Россия — это семья, в которой царь — отец своих подданных, а помещик — отец крепостных, защищающий их от других владельцев. В семье не действуют законы государственные. В них господствуют семейные отношения, и потому крепостные крестьяне обременены на паразитов, поскольку законы, отграничивающие паразитов от помощи, не действуют. Бед в том, что сами крестьяне верят в идею семьи, в царя-батюшку и в отца-помещика. Тургеневский Герасим уходит из такой идеализированной семьи, покидает родное гнездо, одновременно подчиняется барыне, не смел её слушаться и выполнял её желания, поскольку она мать семьи, и протестует тем самым протест, густой и неосознанный, разрывает связь с землёй. Теперь, продолжаясь и там, она становится — мать крепостных, для него умерла. Мысль об идеализации, полноте идеи, внушённой народу, принадлежит, безусловно, самому Тургеневу, и он доказывает её через рассказчика.

Тема образа рассказчика — устный образ человека, от лица которого ведётся повествование в литературном произведении. Рассказчик — посредник между изображённым и читателем, самодельный и неформальный субъект. Образ рассказчика — средство выражения не только об изображённом, но и о носителе наложения, об изображающем, о его идеях и философском отношении к речи, о его тонком зрении на изображённое и налагаемое.

Между рассказчиком и персонажами писатель может создать определенную дистанцию, а может сделать рассказчика персонажем произведения, и тогда тот станет смотреть на мир его глазами. Французский писатель Флобер считал «нужно перенестись в действующие лица».

По мнению некоторых учёных, жанр рассказа имеет две разновидности — собственно рассказ и новеллу. Другие полагают, что принципиальной разницы между рассказом и новеллой нет. Точку выставляют на том, что новелла существенно отличается от рассказа. К одной точке зрения учёные ещё не пришли, и потому дискуссии и споры продолжаются.

У рассказа и новеллы действительно много сходного, начиная от фольклорного происхождения и кончая завершением безымянным.

Вот определение из «Пятиязычного словаря» А. В. Кожко-Козина: «Новелла (франц. nouvelle, букв. — повесть, от лат. novella — новый) — жанр повествовательной литературы, небольшой рассказ, отличающийся от обычного рассказа оригинальностью (книжечность), остроумием выкладки построения, чёткой очерченной композицией в расположении материала, отточенностью лексической формы и неожиданной концовкой».

Согласно нынешним представлениям о новелле, эта разновидность жанра отличается от рассказа акцентом на оригинальность сюжета, нередко парадоксальным отсутствием эпидеальности и композиционной строгостью. Попробуем сказать, новелла предельно обнажает «ядро сюжета». Весь жизненный материал сводится к одному событию. Из этого представления о новелле вытекает вывод, что новелла есть композиция сюжета в наиболее чистей форме, а сюжет построен на кратких аллюзиях и метафорах, на внезапном превращении одной ситуации в полку её противоположную. Это мы отчётливо видим в рассказах О. Генри «Дары волжских» и «Дары, подаренные на выборах». Отсюда же следует, что новелла обращена не к созерцательному, а к действительному началу повести. Человек в новелле деятельен, находчив, заинтересован открытием ему нового мира.

Однако есть и существенные отличия. Литературная новелла возникла в эпоху Возрождения в Италии, когда началось «стояние свободы» самоопределение личности в «резком превращении мира». До Возрождения человек не видящий себя ни общедомашним (никто не был связан сословием как родом или ии, являя либо в рыцарской и монашеской ордена, либо в ремесленный цех, либо в крестьянскую общину. В период Возрождения он осознавал себя свободным и самостоятельным существом, индивидуальным субъектом. Но, как человек, он встретился с социальным и противостоящим ему миром. В это время и родилась новелла, обращаясь к изображению частной жизни людей, их переживаниям, личным отношениям. Это приобрело глубокий общественный смысл и свиде-

гательством о вымождении человека от феодальной зависимости. Новелла обрела спокойный, нейтральный стиль и острый, напряжённый сюжет. В ней изображение обычной, повседневной жизни сочетается с драматизмом, интригование каждой ниткой на идущее или развивающееся действие будущей. В новелле господствуют острая интрига, разнообразие приключений, неожиданные случаи, неслыханные происшествия и порождающие сюжет приключений как фильмы. Издание новеллы С. Гире, В. М. Эйзенбаум выделена светлым жёлтым цветом и новеллы красное, белый сюжет, нейтральный стиль изображения, светлыми красками (нет разнообразия психологических характеристик) и новеллы-клетки лаванды, канюки.

С точки зрения литературной новеллы предвечьям доброй современному обработке старых сюжетов. Эту черту она сохраняет и в дальнейшем. Так, ранняя новелла рассказана человека действующим, узором, снами, лавкой, хитрым, аналитическим и всё это означала полнотельно, утверждая миллионную силу и жизнь.

Итак, новелла и рассказ имеют много общего, но у них есть и отличия.

Поэма

Поэма (гр. *poëma* — делая, творю) — крупное стихотворное произведение эпического, повествовательного или лирического характера.

Первоначально поэмы были эпическими («Одиссея» и «Илиада» Гомера) или историко-героическими («Пётр Великий» М. В. Ломоносова). Затем поэмы приобрели новый вид в них усиллись черты лиризма, и они уже стали не эпическими, а лиро-эпическими произведениями. Таковы поэмы Байрона, Пушкина, Лермонтова и т. д. Теперь в поэмах соединяются черты прозаических повествовательных, эпических (сюжетность, отражение жизни в виде повествований о героях и событиях) и лирических (открытое выражение чувств автора, героя).

Ты, в «Песне о Суне» Князь-Князь Князь-Князь о великом князе Князь-Князь с героями героями Князь-Князь, а затем и с самим царём. О событиях повествуют и гусляры, которые воспевают мужество и силу духа Князь-Князь, разумеется страшную и величественную фигуру царя, со своим своим — великим — мужеством и величественным образом о Князь-Князь. Их устами автор даёт оценку происходящему.

?! Проверьте себя

Дайте определения поэмы и назовите известные вам поэмы. Чем интересны для вас герои этих произведений?

Герой литературного произведения (литературный герой)

Герой — название мужественного человека, способного на подвиг или героические его подвиги, которым восхищаются.

Это слово может иметь и другое, более широкое значение: иктинный участник тех или иных событий (герой этой истории, этого приключения; герой спортивных состязаний и т. д.). Герой литературного произведения — действующее лицо, персонаж произведения (лат. persona — персона, лицо, маска).

Жизнь героя произведения — события этой жизни, размышления героя (и автора) по поводу этих событий, душевные страдания и радость — делает произведение увлекательным и близким читателю. Многие могут рассказать о героях обстановку, в которой он живет. Понять настроение героев можно только в жизни.

В своей работе над автором унытия произведениями вы можете использовать примерный план характеристики и описания героя литературного произведения (ди. cинтаксис — черты, особенности). Это план поможет вам сосредоточивать внимание на главном при описании своей оценки героя, отношения к нему.

Примерный план характеристики героя литературного произведения

1. Место, занимаемое героем в произведении.
2. Общественное и семейное положение героя, обстановка, в которой он живет.
3. Манера держаться, внешность, способность воспринимать.
4. Речь героя.
5. Поступки, особенности поведения, дни выходы, влияние на окружающих.
6. Положение героя в жизни, его основные интересы.
7. Чувства по отношению к героям, его отношение к другим действующим лицам.
8. Отношение других действующих лиц к данному герою.
9. Отношение автора к герою и значение героя в раскрытии идеи произведения.

?! Проверьте себя

1. Кто из героев прочитанных в этот год произведений понравился вам особенно интересным? Чем?
2. Рассмотрите об одном из героев Пушкина или Лермонтова или Пастернака (на выбор), используя на предложенный план характеристический герой (персонаж) литературного произведения.

Юмор, сатира. О смешном в литературном произведении

Дайте ли поэзии и прозе юмор и смешное в произведениях, в жизни, которую выискивает смех. Но разве смех может выискать видную? Ведь смех — это просто когда смешно! Верно. Однако смех имеет разный, и писателю вовсе не безразлично, каким смехом будет смеяться читатель.

Смех бывает весёлый, добрый, и тогда мы называем его юмористическим.

К произведениям юмористическим можно отнести коротко вам известные стихи С. В. Михалкова о дяде Степе. Мы смеёмся над тем, как дядя Степа «разскивал га рынку величайшие ботиночки, хрюскивал штапы на фабриках ширинки». Нам смешно, например, когда старый Илья Бульба «начинал обитаться на кулёчки в сырники», «шарки — чарки — шариники» другой после другой «двинул», т. е. в минуту, когда, по нашим представлениям, должна быть торжественная и приятная.

А бывает смех злой, гневный — сатирический. Он возмёт людей к греху, пробуждает презрение к персонажу или явлению, вызывает негодование. Изменное зло отзывается в душе писателя острой болью, которая отражается в сатирическом произведении...

Сатирическое произведение у думающего читателя всегда вызывает не только смех, но и грустное чувство или чувство возмущения, потому что писатель-сатирик разоблачает явную, мешающую счастью людей.

Чтобы читатель лучше понял то, что кажется автору особенно важным, писатель-сатирик обычно не рассказывает обо всех подробностях жизни героя, и всё время старится выдвинуть в нас жизнь в характерных моментах. В генерале из сказки Салтыкова-Щедрина — это гунды, ко тараканы, стремление прикупить себе после тяжёлого труда, и в мужике — умение работать и темнота, отсутствие протеста против своей тяжёлой судьбы.

Преувеличение (гипербола) и гротеск помогает писателю более точно высказать социальное зло, воздействовать на душу читателя.

Смешное, или, как чаще говорят в науке о литературе, комическое, возникает, когда писатель хочет показать какую-то несоборность, какое-то несоответствие, иногда даже нелепость в человеческих явлениях, в отношениях людей, их поведения. Мы смеёмся, когда «красное по что бы то ни стало хотело представить себя привлекательным, лёгким, мягким — мяским, слабым — сильным, нереальным — ин реальным, глупым — умным и т. д.

Смехом, обильным и гневно протестуя против социальной несправедливости, пороков людей, мастера смеха, писатели проникаются огромным со-

чувством и любовью к человечеству, простым людям, несправедливо угнетанным, отстаивают высокие идеалы добра и справедливости.

Э. Я. Цыгула

Проверьте себя

1. Какие качества из описания героев, прочитанных вами в классе и дома, являются у вас самыми добродушней смех? Против чего были направлены эти смеховые сатиры смехом?
2. Прочтите романы Г. Тургенева и Г. Флобера «Половина века», как один роман двух писателей прочтите для «Домашнего задания». Обсудите их внимательно для текста смехом Салтыкова-Щедрина.
3. Какова роль вы смехов смех в художественном произведении? Назовите авторов комедийных и сатирических произведений, известных вам.

Учимся читать выразительно

Подготовьте чтение одного из сатирических или комедийных произведений Салтыкова-Щедрина или Чехова к школьному вечеру смеха и сатиры.

Публицистика

Публицистика (лат. *publicus* — общественный) — это очерк, статья, заметка, обзор, рецензия, интервью, корреспонденция, эссе, портрет посвящают актуальные, злободневные вопросы и показывают явления общественной жизни.

Публицист рассказывает о современных проблемах, анализирует, убеждает, обличает, проливает свет, акцентирует, пропагандирует. Вот почему в публицистических произведениях сочетаются особенности научного сочинения, ораторская речь и непринуждённая живость разговорной речи. В сочинениях выдающихся публицистов мы найдём образные выражения, метафоры, сравнения.

Художественные образы в публицистике не внешнее украшение, они неразрывно связаны с содержанием. Не являясь произведениями искусства, публицистические произведения выполняют и практическое назначение. Так, в освещении жизни деревни наибольше важна роль произведения Г. Троепольского, К. Чарчаковского и других авторов, которые публицистически остро и точно вскрыли смыслы жизни. К произведениям избранных авторов Д. С. Лихачёва «Земля одинокая».

Творческое задание

1. Подготовьте доклад публицистический материал о коррупции в стране. Выделите тему.
2. Напишите статью в известном издании как публицистическая статья, представленная в газете или журнале. Чем заинтересовал вас статья?
Согласны ли вы с мнением автора? Приведите свои аргументы в поддержку мнения автора статьи или найдите доказательства, которые опровергают его.
3. Проведите конкурс художественных публицистических произведений.
Аргументируйте свой ответ.

Краткий словарь литературоведческих терминов

Автобиография (гр. *bios* — сам, *grapho* — пишу) — литературно-прозаический жанр, описание автором собственной жизни. Литературная автобиография — попытка вернуться в собственное детство, юность, воскресить и осмыслить наиболее значительные отрезки жизни и жизнь как единое целое.

Аллегория (др. *allegoria* — иносказание) — образное изображение предмета, явления с целью наиболее наглядно показать его существенные черты.

Аллитерация (лат. *alliteratio* — игра, Шпегель — буква, т. е. сабукана) — повторение одинаковых согласных звуков, придающее литературному тексту особую звуковую и ритмическую выразительность. Например: «В это время стани двал шелк...» — В. В. Маяковский.

Амфибрахий (др. *amphi* — двукрат, *brachius* — короткий) — трёхсложный размер стиха с ударениями на втором слове (— — —). Например: «Как ныне собирается вешней Олел...» — А. С. Пушкин.

Анализ произведения в литературоведении (др. *analysis* — разложение, расчленение) — последовательное прочтение художественного текста.

Анapest (гр. *anapaistos* — отраженный назад, обратный дактилю) — трёхсложный размер стиха с ударением на третьем слове (— — —). Например: «Не дожидаться мне, видю, свободу...» — М. Ю. Лермонтов.

Анонимия — краткое положение нагл. рукописи, статьи.

Антитеза (др. *antithesis* — противоположение) — противопоставление образов, картин, слов, понятий.

Архаизм (др. *archaios* — древний) — устаревшее слово или словосочетание, грамматическая или синтаксическая форма.

Ассонанс (др. *assonantia* — созвучие) — повторение одинаковых или созвучных гласных звуков, придающая тексту (в основном стихотворному) особую звуковую выразительность.

Афоризм (гр. *aphoristos* — изречение) — обобщённая глубокая мысль, выраженная в лаконичной, краткой, художественно заострённой форме. Афоризм сродни пословице, но в отличие от ней принадлежит определённому лицу (писателю, учёному и т. д.).

Баллада (дрозанс. *ballad* — пisać) — стихотворение, в основе которого чаще всего лежит историческое событие, предание с острым напряжённым сюжетом.

Басня — краткий прозаический стихотворный или прозаический рассказ, в котором есть аллегория, иносказание. Действующими лицами в басне чаще всего выступают животные, растения, вещи, в которых приписываются, угадываются человеческие качества и взаимоотношения. (Басни Эзопа, Лафонтена, А. Сумарокова, И. Дмитриева, Я. Крылова, пародические басни Козьмы Пруткина, С. Михалкова и др.)

Белый стих (англ. *blank verse*) — перифразный стих, возник в XVI веке (например, так написан «борис Годунов» А. С. Пушкина).

Бестселлер (англ. *best* — лучший и *sell* — продваться) — книга, имеющая особый коммерческий успех, пользующаяся читательским спросом.

Библия (др. Еврейск. — буквально «книга») — собрание древних текстов религиозного содержания.

Битва — жанр рукописных фресок, переживавших расцвет в библиотеках и исторических событиях.

Воинская любовь — жанр древнерусской литературы; в основе военной повести, как правило, лежит реальное историческое событие.

Герой эпического произведения, эпический герой — действующее лицо, персонаж литературного произведения.

Гипербола (др. *hyperbolis* — преувеличение) — преувеличение свойства изображенного предмета. Вводится в ткань произведения для большей выразительности, характерно для фольклора, поэзии романтизма и жанра сагиры (Н. Гоголь, М. Салтыков-Щедрин, В. Маяковский).

Гротеск (фр. *grotesque*, итал. *grotesco* — пещерный, от *grotta* — грот) — предельное преувеличение, основанное на фантастике, на причудливом сочетании фантастического и реального. Гротеск — воплощен-

ный приём Гоголя («Портреты») и Салтыков-Щедринна («Сказка о том, как один мужик двух генералов прокормил»).

Дактиль (гр. *dactylus* — палец) — трёхсложный размер стиха с ударением на первом слоге (— — —). Например: «Буря на небе вечернем, / Нора седитого шун...» А. А. Фет.

Двуслобные стихотворные размеры — либ (— —), хорей (— —).

Деталь (фр. *détail* — подробность) — выразительная подробность в произведении. Деталь помогает острее и глубже представить читателю, зрителю время, место действия, внешний облик персонажа, характер его мыслей, почувствовать и понять авторское отношение к изображаемому.

Диалог (гр. *dialogos* — разговор, беседа) — разговор двух или нескольких лиц. Диалог — основная форма раскрытия человеческих характеров в драматургических произведениях (пьесах, кинодрамах).

Драма (гр. *drama* — действие) — один из трёх родов литературы (рядом с эпикой и лирикой). Драма как род литературы разделяется на три главных жанра — трагедию, комедию и драму как жанр.

Древнерусские литературные памятники — сбор литовских и авторских произведений Древней Руси со времени принятия христианства (X—XVII вв.).

Жанр (фр. *genre* — род, вид) — вид художественного произведения, например басня, лирическое стихотворение, повесть.

Житийный — жанр церковно-религиозной литературы Древней Руси, в котором описываются праведная жизнь, благочестивые подвиги, деяния или страдания святых. Жития создавались после смерти святого и его канонизации православной церковью.

Жюльке — один из элементов сюжета; событие, знаменующее начало развития действия в эпических и драматических произведениях.

Звучность — соответствие звукового состава слова смысловому заданию в целях создания большей выразительности художественной речи. Разнозвучность (а звучность является звукоизображением). Например, Сумароков описывает выкрики пугавки: «С — как, о — как ням к ам, а мям, бля, че гласить...» (А. Калтковский, «Словарь поэтических терминов»). Также к звучности относятся ассонанс и аллитерация.

Идея (др. *idea* — идея) — основная мысль художественного произведения.

Иверсия (лат. *inversio* — перестановка) — необычный порядок слов. Иверсия придаёт фразе особую выразительность.

Интервью — предназначенная для печати беседа (журналиста и писателя, учёного и студента и пр.).

Интерпретация (лат. *interpretatio* — объяснение) — истолкование литературных произведений, понимание их смысла, идеи.

Интерьер (фр. *intérieur* — внутреннй) — в литературе: описание внутреннего мира персонажей, обстановки и убранства.

Интерляция (лат. *interlatio* — громко паясничать) — выразительное средство акцентной речи. Интерляция передаёт отношение говорящего к предмету высказывания.

Ирония (гр. *ironia* — приквертка, насмешка) — одна из видов комического (юмор, ирония, сатира, сарказм); стилистический приём сатиры: тонкая насмешка под маской серьёзности.

Кавказ (др. *κατωδία*; происходит от *κατω* — предние и *δία* — Диониса и *αϊδα* — песня) — драматическое повествование, средствами сатиры и юмора высмеивающее пороки общества и человека.

Композиция (лат. *compositio* — составлено, соединено) — расположение, т. е. построение, проведений.

Конфликт (лат. *conflictus* — столкновение) — острое столкновение противоположных мнений, мировоззрений и позиций действующих лиц в художественном произведении. Конфликт является основой художественной формы произведения, одним связывающим сюжет. Например, конфликт мизантропа Тараса Буль-Буля и Андрия привёл к трагедии в романе «Бурбиску».

Кульминация (лат. *culmen* [culminis] — вершина) — один из элементов сюжета; момент наибольшего напряжения в художественном произведении.

Культура речи — уровень речевого развития, степень владения нормами языка.

Метри́ка (от гр. *metros* — буквально это, что служит правилом) — форма единицы, созданные народной фантазией, где сочетаются эвфония и функциональность.

Метаморфа́ — пантеоника исторической поэмы Даниила Булгакова, один из основных жанров древнерусской литературы.

Миро́вые эпита́фии жанры сочетают в себе черты лирики (выражение чувства, переживания, мысли автора) и эпоса (наличие повествовательного сюжета). К классическим жанрам относятся некоторые поэмы, баллады, роман в стихах.

Литературоведение — наука в сущности и специфике художественной литературы, о закономерностях литературного процесса.

Ли́рика (от др. *lyrikos* — проносящийся под звуки лиры; музыкальный; волнующий) — один из трёх основных родов (эпос, лирика, драма) литературы. Присущи изображению лирики — изображение внутреннего мира человека, его чувства и переживания, отражение собственного «я» поэта. Чаще всего это внутренний монолог в стихах.

Метафорический язык (от гр. *metaphora* — перенос) — средство художественной выразительности, при котором образы или выражения из одной сферы переносятся в другую. В основе метафоры лежит невольное сравнение предмета с каким-либо другим на основании их общего свойства. Библическая метафора: «Книги — дождь», «Бог — восходящая туманность», «Горы — серые». Поэтическая метафора: «Ишла за данью полезая / Летит на желья восковая» (А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»).

Миф (др. *mythos*) — предание, сказание. В мифах выражены представления древних народов о происхождении мира, о явлениях природы, о богах и легендарных героях.

Мифоло́гия (др. *mythos* — предание, сказание и *logos* — речь, слово) — совокупность мифов, преданий, сказаний, легенд разных народов, изображающих природу и весь окружающий древних людей мир.

Монолог (др. *monos* — один и *logos* — речь, слово) — один или менее длительная речь одного персонажа в художественном произведении.

Мотив (др. *motus*) — в художественном произведении — элемент, связанный с определенной эмоциональной функцией; в литературе — часть сюжета, в живописи — объект картин, в музыке — мелодическая последовательность

звукон, образующая ритмический период. В поэзии это может быть тема, к которой снова и снова обращается поэт. Например, мотив одиночества в лирике Лермонтова.

Неологизмы (гр. *neos* — новый и *logos* — слово) — слова или словосочетания, созданные для обозначения нового предмета или явления, или индивидуальное словообразование слова. В стихотворении В. В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям» встречаем: «лошадята» (ходить по улицам в брюках «баш — в расширенных от клапана штанах»), «лошадки» («ранняя вешняя цыганка от цыганки шивельки отожидать и нирвичи кидать»),

Обя (гр. *ob* — перед, *via* — путь) — торжественное, стилизованное, показативное выказывание историческому обычаю или герою.

Объективизация — перенесение целковых черт на неодушевленные предметы и явления.

Образное — вид повествования, в котором изображается картина (портрет героя, пейзаж, вид комнаты — интерьер и пр.).

Пейзаж (фр. *payage*, от *pay* — местность) — картина природы в художественном произведении.

Повесть — один из видов эпического произведения. Повесть больше по объёму и охвату эмпирических явлений, чем рассказ, и меньше, чем роман.

Подтекст — подслухный, скрытый смысл, не совпадающий с прямым смыслом текста.

Поэзия (фр. *poésie* — изображение) — изображение в виде поэты героя и приключения.

Поэтический — красивый, красивый, образный «красивый» «красивый», многозначный смысл и заключённый в себе законченный смысл.

Поэма (гр. *poema* — творение) — один из видов эпического произведения, для которых характерны сюжетность, общепринятость и выделение акторов или лирических героев своих чувств.

Поэтический — небольшой рассказ, рассказанный, в котором заключено религиозное или моральное поучение.

Гдеба (лат. *prosa* — проза, свободно движущаяся речь) — литературное стихотворное произведение.

Псевдоним (гр. *pseudōnōs* — вымышленный, *ōnōs* и *ōnoma* — имя) — имя, которое автор использует как настоящее имя. Одни псевдонимы быстро исчезли (В. Алма — Н. В. Гоголь), другие вытеснили настоящее фамилию (Максим Горький вместо А. М. Пешков), некоторые передавались наследникам (Т. Гайдар — сын А. П. Гайдара); иногда псевдоним присоединяется к настоящей фамилии (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Публицистика (лат. *publicus* — общественный) — совокупность произведений разных жанров литературы и журналистики, рассматривает актуальные практические и актуально-научные проблемы. (См. подробнее «Справочные материалы по теории литературы».)

Развязка — один из элементов сюжета, заключительный момент в развитии действия в художественном произведении.

Рассказ — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях в жизни человека.

Рецензия — один из жанров критики, статья на художественное произведение с целью его оценки и разбора. Статья содержит некоторые сведения об авторе произведения, формулировку темы и главную мысль книги, рассказ о её героях с рассуждениями об их поступках, характерах, взаимоотношениях с другими людьми. В статье упоминаются и самые значительные моменты книги. Важно отметить в рецензии название книги, её описание в гербов, их поступкам.

Ритм (гр. *rhythmos* — такт, соразмерность) — повторение каких либо односторонних явлений через равные промежутки времени (например, чередование ударных и безударных слогов в стихе).

Риторика (гр. *rhōrike*) — наука об искусстве речи.

Рифма (гр. *rhythmos* — соразмерность) — повторение окончаний стихотворных строк.

Романтизм, романтический — направление в литературе, прошедшее стремление показать в ярких образах высокое значение человека (например, М. Горький, «Старуха Изергиль»).

Сатира (лат. *satira* от *satira* [алл.] — буквально «несь, всякал вслепую») — беспощадное, уни-показавшее осмеяние, контика действительности, «слово», явление [сатира М. Салтыкова-Щедрина].

Сравнение — изображение одного явления с помощью сопоставления его с другим.

Средства художественной выразительности, или художественные средства (например, аллегория, метафора, гипербала, гротеск, сравнение, эпитет и др.), помогают нарисовать человека, событие или предмет более конкретно, наглядно.

Стихотворение — поэтическое произведение, преимущественно не большого объема, часто лирическое, выражающее душевные переживания.

Стихотворение в прозе — один из видов лирических произведений с прозаической формой. Обладает такими признаками лирического стихотворения, как небольшой объем, эмоциональность, беспроблемность (например, стихотворения в прозе М. С. Тургенева).

Строфа (др. *strophe* — поворот) — группа стихов (строк), составляющих единство. Стихи в строфе связаны определенным расположением рифм.

Сюжет (др. *mythos* — предмет, содержание, событие) — ряд событий, описанных в художественном произведении. Сюжет — основа произведения, которая может быть как-то наложена в форму языка.

Тема (др. *thema*) — круг жизненных явлений, изображенных в произведении; круг событий, образующих единую основу произведения.

Трагедия (гр. *tragedia* — буквально «козлиная песнь») — вид драмы, противоположный комедии, произведение, изображающее борьбу, личную или общественную катастрофу, обычно оканчивающуюся гибелью героя.

Трёхсложные стихотворные размеры — дактиль (— — —), анпафемный (— — —), анапест (— — —).

Устное народное творчество, или фольклор, — искусство устного слова, создаваемое народом и бытующее в шутках, анекдотах. Наиболее распространенные виды фольклора — пословица, поговорка, сказка, песня, загадка, былина.

Фантасмастика (гр. *phantasmiké* — сплывающая, воображаемая) — разновидность художественной литературы, в которой вымышленный мирок проскрывается до осознания вымышленного, нереального, выдуманного мира.

Фейербах (от *fee* — фея) — театральное или сценическое представление сказочного содержания, требующее пышной постановки и сценических эффектов.

Хайку (*хайку*) — трёхстишное японское стихотворение в японской поэзии.

Хорей (гр. *σπορείος* — буквально плясовой; *трохей* (гр. *τροχαιός* — буквально: бегущий) — двусложный размер стиха с ударением на первом слоге (— —).

Художественное прозаическое — произведение искусства, изображает события и явления, людей, их чувства в яркой образной форме.

Цитата — дословная задержка из какого-либо текста или дословно приподнятое чуждое слова.

Забыл язык (от имени драматурга-романа Забыл) — особый вид поэзии, являющийся (например, забыл язык прозаический М. Е. Салтыков-Щадрин).

Земляничка (лат. *strawberry* — земляника, объяснение) — ироничная полагание действующих лиц, в которых они находятся до начала действия.

Жалоба (гр. *ελεεία*, от *ελεος* — жалобный песня) — жанр лирики, описывает пессимистическое, задумчивое или мечтательное настроение.

Знакомство — короткое сатирическое стихотворение, зло высмеивающее какое-либо лицо или общественное явление.

Знакомый (гр. *επίγνωσις* — надпись) — короткий текст, помещаемый автором перед текстом сочинения и выражающий тему, идею, настроение произведения.

Эпизод (гр. *επεισόδιον* — буквально «ставка») — относительно самостоятельная единица действия произведения, отрывок (фрагмент), в котором говорится о закончившемся событии, происшествии.

Эпиграма (гр. *epigramma* — буквально: «приглашение») — образная и ритмичная поэзия, косможенное и религиозно-мистическое приращивание.

Эпос (гр. *epos* — слово, повествование, рассказ) — один из трёх родов художественной литературы наряду с лирикой и драмой. Поэтический язык эпоса. Основные жанры эпоса — сказка, былина, эпос, повесть, рассказ, роман.

Эссе (фр. *essai* — попытка, проба, очерк) — прозаическое сочинение небольшого объёма и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу.

Юмор (лат. *humor* — нрав, настроение) — изображение горького смешения. Юмор — стиль лёгкий и добродушно-весёлый.

Ямб (гр. *iambos*) — двусложный размер с ударением на втором слоге (— —).

СОДЕРЖАНИЕ

**ЛИТЕРАТУРА
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА**

А. П. Чехов	8
<i>А. П. Чехов — человек и писатель — в воспоминаниях современников</i>	9
«Воспоминания»	6
<i>Михаиловский И. А.</i>	9
«Юность»	13
<i>В творческой лаборатории А. П. Чехова</i>	18
А. К. Бурина	22
«Беседа с читателем»	29
М. Горький	81
<i>Из воспоминаний</i>	82
<i>Из письма М. Горького Павлу Малановскому</i>	83
«Днище»	84

**Сатирические произведения отечественной
и зарубежной литературы**

Тэффи	42
«Жизнь и юность»	49
Ф. Тютчев	43
«Дороги, покуда вы забываете»	43

**ЛИТЕРАТУРА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

А. С. Грин	49
«Алые паруса», «Федра», «Глаза «Председателя»»	51

**Отзывы на произведения первой половины XX века.
Синхронизация на тему юмора и реальности**

Н. С. Гумилев	60
«Жизнь»	70
<i>О синхронизации «Жизнь»</i>	71
М. В. Цуканова	73
«Домик в старой Москве»	74

-Полкранна пинна, а тало рама»	76
«Кенте в красном переплете»	77
И. И. Мамуловский	78
В семейной библиотеке В. В. Мамуловского (Жу сосон кравакнй)	79
«Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Машиковым летом на даче»	82
А. П. Павлович	88
«Цинка»	90

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В. М. Шурин	98
«Спрямуй лавы» — перац. Пяткоўска	98
В. М. Шурин а яго фільмы	99
«Чудас»	99
«Снымак Рэжыс»	108
«Срэда»	114

Стихотворения отечественных поэтов XX — XXI веков

М. В. Волоховский	118
«Катэнка»	118
«Фрунское утро» «Дняўска»	119
«Прети берэги родную мату»	121
А. А. Сурков	122
«Быльск в лесной пещерке роса...»	122
И. М. Синилов	124
«Мила мила, ты в перелесках»	124
«Мы поспим, Алёна, дороги Скобелевщины...»	125
Б. Ш. Онуфриев	128
«Песенка о песенке»	128
«Жулик полны не швет...»	129

Произведения отечественных прозаиков второй половины XX — начала XXI века

Ф. А. Абрамов	132
«О чём плачут рыбки»	132
В. П. Астафьев	139
«Фотография, за которой хлеба нет»	149

Тема взаимоотношения женщины, ставшей чужим,
 выбора им женского пути в произведениях
 современных отечественных и зарубежных писателей

Т. Е. Максимова	156
«Дорога одна»	167
У. Смирн	169
«Эх, если бы ты сказала, Локанца?». Перевод О. Алымов	189

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

М. де Сержинес Сашекири	182
«Хитроумный пильщик Дон Клема Домингеса».	
(Перевод с французского). Перевод М. Губилько	193
А. де Сент-Джонсирри	198
«Милосердие графа» (Юрийев от имени и в образе Жюльена).	
Перевод М. Губа	200

Зарубежные повести

О. Генри. «Далеко влечет». Перевод И. Владимировича	214
---	-----

Детективная зарубежная литература

А. Конан Дойл	222
«Голубой ворбушка». Перевод М. Чуриковой	229

Зарубежные поэмы

Английские поэты (на русском, хафизу)	219
М. Лав. Перевод И. Маринина	218
К. Несс. Перевод В. Мухоморова	246

ПОРАБОТАЙТЕ САМОСТОЯТЕЛЬНО

История поэмы и жизни	216
Прочитай и думай	249
На пути к творческому творчеству	251

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ

Литературное звание Россия	254
А. С. Пушкин. Восковая культура А. С. Пушкина из Арбата	254
Для специального издания: Арбат Вера	255
А. К. Толстой. Село Красной Рощи	257
Иркутский район Иркутской области	257
Л. Н. Толстой. Музей имени Л. Н. Толстого в Калининске	259
А. П. Чехов. Дом усадьбы А. П. Чехова	260
М. Горький. Музей-квартира М. Горького	261
В. В. Маяковский. Федеративная усадьба В. В. Маяковского	262
Справочные материалы по теории литературы	265
Теория литературы	265
Высказан	268
Рисунки и повествование	269
Промы	269
Теория литературного произведения (культурологический аспект)	269
Примерный план характеристики произведения литературного произведения	269
Модер, сатира. Сатирические и литературные произведения	270
Публицистический	271
Краткий словарь литературоведческих терминов	281

Список иллюстрированных иллюстраций

Амелия А. П. Иллюстрации к рассказу Мигеля де Сервантеса «Хитроумный араб Дюк Бакот Ламанчский» // Сервантес. Мигель. — М. : Дет. лит., 1990. — (Библиотека литературы для детей).

Браунинг В. Г. Жюль // Гунинин Н. С. «Я коллекционер и принцип величия...» — М. : Дет. лит., 2012.

Бродский С. Г. Иллюстрации к повести А. Грина «Алые паруса» // Грин А. С. Собр. соч. в 6 т. — Т. 5. — М. : Правда, — 1980.

Бродский С. Г. Иллюстрации к рассказу Мигеля де Сервантеса «Хитроумный араб Дюк Бакот Ламанчский» // Сервантес Мигель де. Дюк Бакот Ламанчский. — М. : Моск. гуманитар., 1998.

Бурлат Д. Д. Иллюстрации к стиховедению «Николаевское приращение, Сынне с Владимиром Николаевичем и как да араб» // Николаевский В. В. Избранные сочинения. II 2 т. — Т. 2. — М. : Ура, изд., 1992.

Виноцкий В. П. Иллюстрации к повести А. Грина «Алые паруса» // Грин А. Алые паруса. Бегущие по волнам. Волшебная пещера. — М. : Дет. лит., 1963. — (Список иллюстраций к классическим).

Виноградов Г. В. Иллюстрации к рассказу В. М. Шукшина «Чужак» // Виноградов Шукшин, Рассказы. — М. : Дет. лит., 1990.

Война А. А. Портрет А. Грина // Литература в школе. Приложение. — 5 вып. — 2012.

Курмановский. Иллюстрации к рассказу А. П. Чехова «Тоска» // Демосфонтин И. И. Курмановский — иллюстраторы. — М. : Искусство, 1936.

При подготовке данного издания использованы иллюстративные материалы

© Карелин Д. А. / Фотобанк Лора; ©А. Валюков / Shutterstock.com; ©Geri Alimov / Shutterstock.com; © Елена Орлова / Фотобанк Лора; © Jose Paulo V Pinho / Shutterstock.com; © Keizo / Фотобанк Лора; © Татьяна Белова / Фотобанк Лора; © Наталья Смирнова / Фотобанк Лора; © Юрий Козлов / Фотобанк Лора; © Вильгельм Ланге / Фотобанк ФОРДОМ © Eric Art Image / ООО «Легенд — Медиа»; © Photo123 Photo Ltd / Alamy Stock Photo; ©© «Легенд — Медиа»; PMA Helsinki / © «PMA Helsinki» Fotostudio; PMA PICTURE LIBRARY / De Agostini Editore; © Petaric; © Cole Images / ©© «Легенд — Медиа»; Getty Images / © Shutterstock.com.

Учебное издание

Каролина Пера Японна
Журавлев Виктор Петрович
Коровы Валентин Назарович

ЛИТЕРАТУРА

7 класс

Учебник

В двух частях

ЧАСТЬ 2

Центр филологического образования
Стандартный комплект: М. К. Гасман,
Р. А. Гасман, Е. М. Журавлева, М. Б. Гусева,
Кураторский состав: Е. В. Давыдова,
Учебные редакторы: К. В. Саваткина, Е. А. Уварова,
Компьютерная верстка: Л. А. Фомкина, А. А. Морозкина,
Верстка: Е. Б. Валерова, В. В. Андреева.

Подписано в печать 18.11.2022. Формат 70/90/16. Тираж 10 000 экз.

Уд. нд, т. 11,21 Уд. нд, л. 21,06

Тираж — экз. Цена 500 руб.

Акционерное общество «Издательство «Просвещение».
Российская Федерация, 127173, г. Москва, ул. Краснопольская, д. 16,
стр. 3, этаж 4, подъезд 1.

Адрес электронной почты «Просвещение» — info@prosveshchenie.ru.